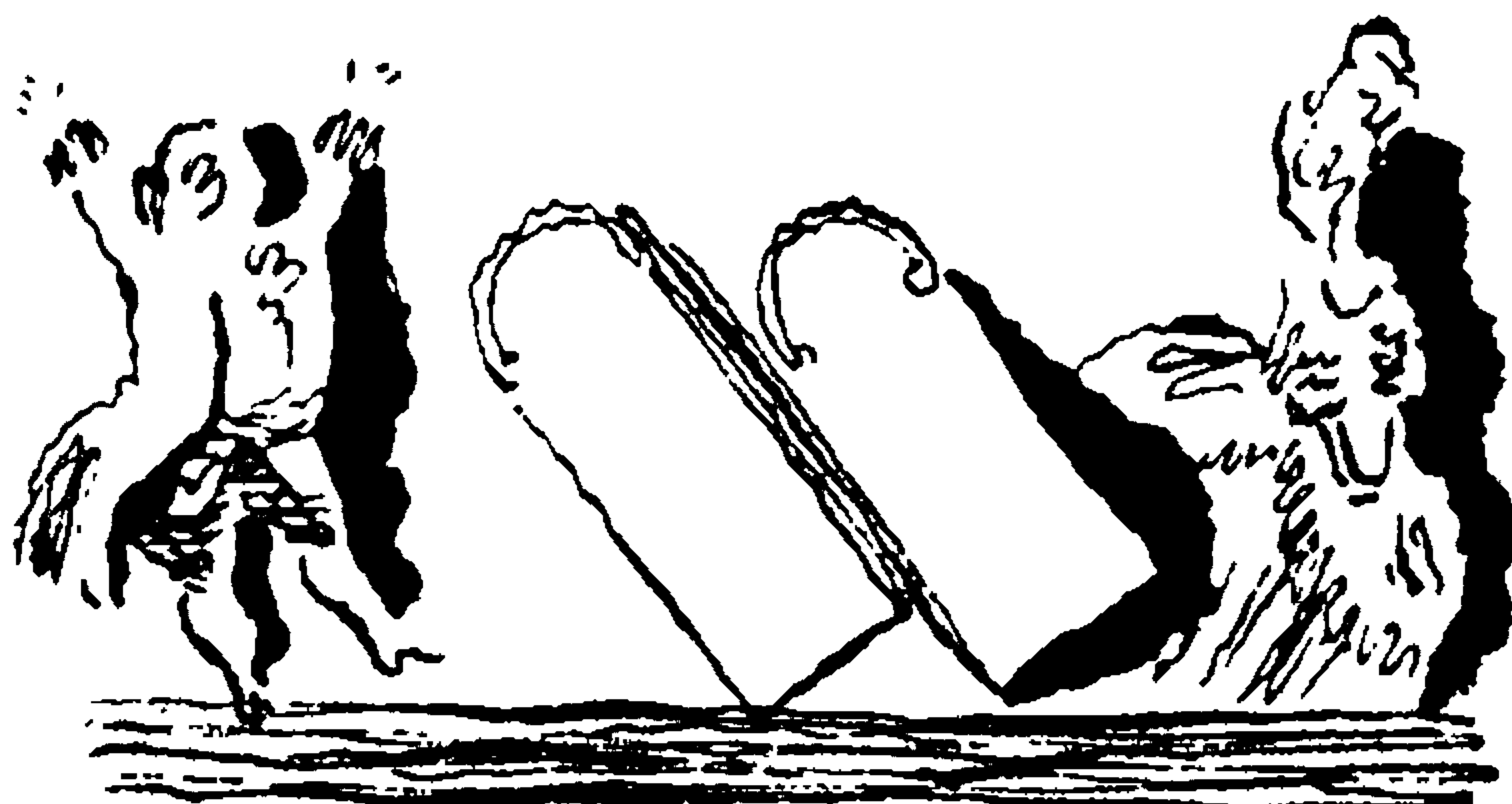

Р. Шеридан

ШКОЛА
ЗЛОСЛОВИЯ

А С А Д Е М И А

С О К Р О В И Щ А
М И Р О В О Й
Л И Т Е Р А Т У Р Ы

Р И Ч А Р Д
Ш Е Р И Д А Н

Ш К О Л А

З Л О С Л О В И Я

А С А Д С М І А

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

' 9 3 '

Р И Ч И Д Р Д
Ш С Р И Д А Н

Ш К О Л А

З Л О С Л О В И Я

КОМЕДИЯ в 5-ти ДЕЙСТВИЯХ

ПЕРЕВОД
Ч. ВЕТРИНСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ
А. С. КОГАН

А С А Д С М І А

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

9

3

**Орнаментация книги
В. М. КОНАШЕВИЧА**

**Редакция и вступительная
статья Евг. ЗАМЯТИНА**

**Ленинградский Областлит № 73297
Тираж 5000. Заказ № 1781
Гос. тип. „Лен. Правда“,
Ленинград, Социали-
стическая, д. 14**

Ричард Бринсли Шеридан.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ричард Брицлей Шеридан, богато одаренный, — быть может, самый блестящий человек своего времени, — жил и писал в ту эпоху, когда капитализм уже занял в Англии господствующее положение, и когда сама партия ториев, выражавшая волю и представлявшая интересы дворянства, переживала процесс капиталистического перерождения, стремясь к объединению с самыми широкими кругами буржуазии. Наиболее прогрессивное течение, борьба за расширение прав парламента, за его независимость, соответствовали интересам промышленного капитала, среди которого находились сторонники радикальных реформ. Само собой разумеется, что еще больше сочувствия этот радикализм встречал в среде мелкой буржуазии и уже заявлявшего о себе пролетариата. Именно эти радикальные круги, группировавшиеся вокруг левых вигов, усилили напряжение политической борьбы и содействовали вовлечению широких масс в игру политических интересов. Политическая жизнь становится предметом широкого обсуждения в печати, из ее рядов выдвигается целый ряд выдающихся даровитых парламентских деятелей и блестящих ораторов, открывается широкий простор честолюбию. Как раз в то время, когда Шеридан вступал в свой сознательный возраст вся Англия волновалась по поводу инцидента с Уильксом, которого король и его покорные министры исключили из членов палаты. За Уилькса вступился суд, и избиратели снова выбрали его в члены палаты. Несколько раз покор-

ный правительству парламент объявлял выборы недействительными, но каждый раз Уилькса избирали снова, пока, наконец, в 1775 году Уилькс не занял своего места в палате. Этот, на первый взгляд, частный инцидент был однако ярким показателем униженного и зависимого положения народного представительства, вызвал целую бурю протестов, сопровождался многочисленными митингами и послужил поводом к широкой политической агитации в печати. Эта борьба ярко вскрывала падение нравов, понижение морального уровня английских политических деятелей. Правительство не брезгало никакими мерами для приобретения сторонников в парламенте. Широкое распространение получил подкуп: почти совершенно открыто депутатам платили за их голоса деньги. Лучшие люди эпохи восставали против политики короля и преданного ему торийского правительства. Среди этих людей находился знаменитый Эдмунд Борк, друг Шеридана, выступавший смелым обличителем действий правительства и короны, требовавший независимости парламента, подчинения правительства его законодательной власти, свободы избирательного права, контроля народа над своими избранниками и контроля палаты над правительством.

К левой части партии вигов, к честным и независимым политическим деятелям эпохи принадлежал и Шеридан. Он был художником и моралистом в самой политике. В нем трудно отделить писателя-сатирика, автора знаменитых комедий, от блестящего политического оратора, остроумного и язвительного члена оппозиции.

Шеридан родился 30 октября 1751 года в артистической семье. Отец его был известным актером и директором королевского театра в Дублине. Позднее Шеридан-отец поселился в Лондоне. Мать Шеридана была писательницей, пользовавшейся в свое время большим успе-

хом. Ее романы встретили восторженный отзыв со стороны самого Ричардсона, а комедия «Открытие» увлекла самого Гаррика, прославленного актера того времени, который выступил в главной роли. Ричард Шеридан получил блестящее образование в аристократическом пансионе, где он сошелся со многими молодыми людьми, принадлежащими к высшему обществу; с юного возраста Шеридан усвоил вкусы и привычки, которыми в значительной степени определилась его художественная личность. Богато одаренный от природы, он обладал тем обаянием и обходительностью, которые в значительной степени обеспечили ему его успехи как в его политической, так и литературной карьере. Он принадлежал к числу самых беспечных, расточительных и остроумных людей своего времени. Об его красноречии, о чарующей силе его личности складывались легенды. Уверяли, что он одним своим появлением смягчал кредиторов и ростовщиков, являвшихся с описью в принадлежавший ему театр, раздавал без счета деньги своим друзьям, когда они у него были, а сам занимал у ростовщиков под огромные проценты, вел безумно расточительный образ жизни, одним своим словом заставлял играть артистов, когда те отказывались выходить на сцену за неплатеж им условленного жалованья. Аристократизм и художественность натуры Шеридана сказывались всегда, несмотря на то, что он являлся прогрессивным мыслителем, в качестве политического деятеля, он участвовал в проведении определенной программы, защищал либеральные и радикальные реформы, отстаивал права народа, несмотря на то, что на этой программе отразилось влияние новых идей, которые были выдвинуты мелкобуржуазной радикальной интеллигенцией и начинавшимся рабочим движением. Но в характере его политической проповеди было многое от аристократического ин-

дивидуализма. Шеридан придавал огромное значение личному благородству и честности, вносил в политическую борьбу элементы морали и эстетизма и не всегда укладывался в рамки партийной дисциплины. Таким же был он и в своих художественных произведениях, в которых много аристократической брезгливости по отношению к великосветскому мещанству, больше нравоучения и критики, чем четких и положительных идеалов. Он принадлежал к числу тех беспечных людей, о которых принято говорить, что им «везет в жизни». Он мало употреблял усилий для того, чтобы завоевать себе положение или упрочить завоеванное. Ему без труда давалось часто то, что требует со стороны других напряженной и долгой работы, обдуманной и хитрой системы действий. Он, повидимому, мало сознавал свое литературное значение и больше ценил свою политическую деятельность. Впрочем, и пьесы он писал, повинувшись своей потребности смеяться над смешным. Они представляли такое же блестящее собрание остроумных афоризмов и насмешливых, подчас язвительных, шуток, как и его знаменитые речи. Некоторые наиболее острые выражения из его комедий вошли в общий обиход, стали поговорками. Писал он легко, и иногда блестящая театральная вещь появлялась у него в трудную минуту, когда нужно было поправить финансовые дела, и талант никогда не обманывал его ожиданий, — успех и хорошие сборы почти всегда сопровождали его пьесы.

Жизнь Шеридана временами напоминает авантюрный роман. Юношей он влюбился в Элизу Линлей, дочь музыканта, руководителя концертов и музыкальных предприятий в Басе. Элиза, тогда шестнадцатилетняя девушка, обладала прекрасным голосом и выступала в качестве примадонны в концертах своего отца. Отец Шеридана и отец девушки были против их брака, и Шеридан обвин-

чался с Элизой тайно, после чего они еще долгое время скрывали свой союз от родных. Во время этой вынужденной разлуки Шеридан выдержал две дуэли, из которых одна чуть не стоила ему жизни. Весною 1773 года Элиза Линлей приехала в Лондон для выступления в концертах, и Шеридану приходилось прибегать к самым романтическим средствам для свидания с нею. В конце концов молодым людям удалось преодолеть все препятствия и повенчаться, на этот раз открыто, с согласия родителей. С тех пор Элиза осталась его верной подругой до самой своей смерти (в 1792 году). В 1775 году была поставлена первая пьеса Шеридана «Соперники», в которой уже сказываются главные черты шеридановского таланта: знание сцены, умение пользоваться сценическими эффектами, занимательная фабула, живость диалога, искусно задуманная интрига, за которой зритель следит с неослабевающим вниманием. Бедный молодой человек Беверлей покоряет сердце молодой девушки Лидии, которая предпочитает жизнь с любимым человеком в хижине роскошной жизни в фешенебельных палатах. Между тем эту же Лидию прочит в невесты своему наследнику сэр Антони Абсолют, обладатель четырех тысяч фунтов годового дохода. Лидия обожает скромного Беверлея и ненавидит молодого аристократа. Между тем оба они оказываются одним и тем же лицом, Беверлей есть не кто иной, как наследник баронета Абсолюта. Автор воспользовался этой искусно задуманной фабулой для ряда комических запутанных положений. «Соперники» имели огромный успех. Таким же успехом пользовались и его следующие произведения: фарс «День св. Патрика или Коварный лейтенант», в особенности опера «Дуэнья», которая прошла в первый же сезон более семидесяти пяти раз, причем каждое представление сопровождалось восторженными овациями. Окрыленный своими театраль-

ными успехами, Шеридан в 1776 году становится во главе Дрюриленского театра, принадлежавшего Гаррику, который предложил молодому драматургу приобрести его патент на этот театр.

И к этому предприятию, требовавшему большого финансового и административного опыта, Шеридан подошел с той беспечностью избалованного светского человека, с тем легкомыслием, которое всякого другого привело бы к банкротству. И действительно были моменты, когда театр переживал кризисы и висел на краю гибели. Но изворотливость, а главное — талант Шеридана, написавшего для этого театра свою лучшую пьесу «Школа злословия», всегда спасали этого любимца судьбы, продолжавшего вести свой расточительный образ жизни и пренебрежительно относиться к деньгам, несмотря на то, что положение главы большого коммерческого предприятия, казалось бы, требовало расчетливости и осторожности. Здесь же была поставлена и его пьеса «Критик», после которой он уже почти ничего не писал для сцены.

Гораздо серьезнее, чем к театру, относился Шеридан к своей политической карьере. В 1780 году он был избран в палату общин и сразу выдвинулся в качестве исключительного оратора. Все биографы единогласно отмечают, что речи Шеридана производили неотразимое впечатление, и его выступления в парламенте были настоящим праздником, доставляя редкое наслаждение его слушателям. Он несколько раз занимал выдающиеся посты в кабинете вигов, выступая всегда на защиту либеральных реформ и нанося могучие удары такому сильному противнику, как Питт, непримиримому врагу революции. Особенно прославился Шеридан своей речью против Гастингса, генерал-губернатора Индии, жестокости которого среди туземцев вызвали возмущение всего общественного мнения и заставили предать суду этого

влиятельного человека. Хотя процесс, тянувшийся много лет, кончился оправданием могущественного администратора, но мужественная борьба, которую вместе с Бёрком вел Шеридан против Гастингса и его знатных защитников, принадлежит к числу самых блестящих страниц его политической деятельности. Конец жизни Шеридана был печален. Большую роль в падении Шеридана сыграл поворот общественного мнения. Напуганная грозным развитием событий во Франции, английская буржуазия выявила свое истинное лицо и перестала заигрывать с либеральными идеями. Либерализм и симпатии к революции не содействовали популярности тех политических деятелей, которые оставались им верны и к которым принадлежал Шеридан. Немало способствовали упадку его популярности и его близкие отношения к принцу Уэльскому, которыми воспользовались его враги для обвинения его в карьеризме. Между тем Шеридан относился к принцу бескорыстно и разошелся с ним, когда принц перешел на сторону консерваторов. В 1809 году сторел театр Шеридана, в парламент писатель не был переизбран. Лишившись средств к существованию и влияния, он вынужден был доживать свои последние годы в нужде и в одиночестве. Смерть его, в 1816 году, снова пробудила к нему внимание общества. Его похоронили в Вестминстерском аббатстве. Вся английская аристократия присутствовала на погребении некогда знаменитого государственного деятеля и писателя, и многотысячная толпа следовала за гробом.

Литературной своей славой Шеридан обязан главным образом «Школе злословия», которая до сих пор идет на сцене и, вместе с комедиями Бомарше и Гольдони, принадлежит к жемчужинам комического искусства. Этой комедией Шеридан, в художественной форме, выполнял ту же общественную миссию, носителем которой он яв-

лялся в своих политических речах. И в комедии он, прежде всего, носитель морального принципа. Он пишет для исправления нравов. В его сатире, в его обличении нет призыва к ниспровержению или к коренной ломке существующего порядка социальных отношений. Мы не услышим здесь того протеста против дворянских привилегий, который звучит в комедии Бомарше, уже овеянной дыханием надвигающейся революции. Шеридан не протягивает нитей от общественного порока к общественному строю. Он нигде не указывает на зависимость первого от второго. Здесь все отличительные признаки буржуазной комедии. Прежде всего все приемы комедии интриги: запутанные отношения между героями, прятанье за ширмой, сцены переодевания (здесь замененные тем, что сэр Оливер является под видом других лиц), сцены узнавания. Герои четко разделяются на две группы — порочных и добродетельных, причем в конце комедии порок наказан, а добродетель вознаграждена. Центром действия является аристократический салон лэди Снiruэл, настоящая академия сплетен, где дамы и кавалеры конкурируют друг с другом в искусстве злословия и ведут счет своим заслугам в деле разрушения добрых семейных отношений при помощи клеветы и интриг. Рядом с салоном лэди Снiruэл другая группа: сэр Питер Тизл, почтенный старик, имевший неосторожность жениться на молодой девушке. Он является опекуном двух молодых людей: Джозэфа и Чарльза, сыновей его покойного друга, он же воспитывает молодую девушку Марию. Среди других действующих лиц важную роль играет в комедии сэр Оливер, дядя Джозэфа и Чарльза, богач, щедро поддерживающий своих племянников. Лэди Снiruэл влюблена в Чарльза. Чарльз и Мария любят друг друга. Джозэф хочет жениться на Марии, как на богатой невесте. Поэтому лэди Снiruэл заинтересована в том.

чтобы не допустить брака Марии и любимого ею Чарльза. Ее интересы совпадают с интересами Джозэфа. Они действуют заодно, прибегая к клевете, к подложным письмам и т. п. А для отвода глаз дают понять обществу, что любят друг друга и даже не прочь вступить в брак. Около этой главной интриги разворачивается ряд боковых. Молодая лэди Тизл, которая до брака с сэром Питером была простой деревенской девушкой, соблазняется модами, стремится усвоить светские вкусы и приемы и не совсем равнодушна к ухаживаниям Джозэфа. Следует заметить, что все в обществе считают Джозэфа необыкновенно добродетельным, а Чарльза, беспутного кутилу и дон-Жуана, распущенным и погибшим молодым человеком. Сэр Оливер, приехавший издалека, решил лично проверить слухи о своих племянниках; он проникает к Чарльзу, всегда нуждающемуся в деньгах, под видом ростовщика, а к Джозэфу под видом бедного родственника. Эти встречи убеждают сэра Оливера в несправедливости общественного мнения, сложившегося относительно обоих братьев. Чарльз, хотя и беспутный кутила, хотя и продает мнимому ростовщику даже портреты предков, но в конечном счете оказывается честным молодым с хорошими задатками. Он наотрез отказывается продать портрет дяди Оливера, несмотря на то, что мнимый ростовщик предлагает ему большую сумму, и несмотря на то, что ему, как всегда, страшно нужны деньги. Напротив того, добродетельный Джозэф вежливо выпроваживает мнимого бедного родственника, да еще успевает в разговоре с ним наклеветать на своего дядю Оливера. В конце концов истина разоблачается, Джозэф запутался в интригах. Сэр Питер является к нему в тот момент, когда у него находилась лэди Тизл, и, испуганная приходом мужа, молодая женщина прячется за ширму. Сам сэр Питер вынужден спрятаться в чулан, так как

неожиданно приходит Чарльз. Из разговоров прижатого к стене Джозэфа с Питером и Чарльзом лэди Тизл узнает, что имеет дело с карьеристом и интриганом, в руках которого она, как и другие, служит только орудием для осуществления его целей — женитьбы на Марии. Разоблаченный Джозэф посрамлен, вместе с ним посрамлена и лэди Снiruэл и вся клика сплетников и мошенников, собирающихся в ее салоне. Лэди Тизл возвращается к своему мужу Питеру, становится верной супругой, а Чарльз женится на Марии.

Общественное значение этой комедии Шеридана огромно. Перед зрителем проходит целая галерея комических фигур, и в их лице автор раскрывает всю глубину лжи и лицемерия, в которой погрязло современное ему высшее английское общество. Большое число действующих лиц не отвлекает внимания зрителя в сторону. Все герои дополняют друг друга, все боковые интриги сходятся к основной центральной, и комедия увлекает стройностью и единством композиции, живостью и яркостью образов. Что касается положительных идеалов Шеридана, то его комедия написана в духе правоучительной литературы XVIII века. Не следует забывать, что это была эпоха Ричардсона, эпоха «Памелы» и «Клариссы», эпоха добродетельных купцов и исправившихся преступников в пьесах Лилло и Кумберлэнда. Шеридан, несомненно, видит выход в торжестве семейно-буржуазных добродетелей. Лэди Тизл, уже было сбившаяся с пути в испорченном светском обществе, возвращается в лоно семьи, а беспутный Чарльз готовится стать супругом и семьянином под влиянием добродетельной Марии. Это те самые идеалы, которые принесла с собой буржуазия в противовес испорченным нравам светского общества, идеалы, которые вместе с комедией Шеридана породили сатирические журналы «Стиля и Адиссона, которые стремилась утвердить вся

сентиментально буржуазная литература. Вместе с комедиями Бомарше знаменитая пьеса Шеридана сохраняет всю свою свежесть и в настоящее время. И она долго еще будет вызывать взрывы смеха и находить отклик у зрителя, — до тех пор пока порядок общественной жизни, основанный на эксплуатации, будет порождать кадры тунеядствующих праздных людей, возбуждающих смех и отвращение ничтожеством своих интересов и мелким содержанием своего бесцельного существования.

П. С. Коган.

РИЧАРД БРИНСЛИ ШЕРИДАН

1751 — 1816

В России — конец царствования Екатерины II, пугачевщина, пятилетие Павла, благословенный войнами Александр I. Во Франции — Людовик XVI, революция, гильотина, Наполеон Бонапарт. В лихорадке войн и восстаний — весь европейский материк. Одна только Англия — сравнительно спокойный остров среди бурного европейского моря: выстрелы здесь не слышны. Англия воюет издали, из своего уютного кабинета Питт Младший командует интервенциями в европейские дела. И непримиримым противником Питта выступает в парламенте язвительный, остроумный, изящный, похожий по темпераменту скорее на француза — Ричард Шеридан.

Жизнь Шеридана — это один из самых увлекательных авантюрных романов XVIII века. Вероятно, роман этот не был бы так богат приключениями и самыми неожиданными поворотами фабулы, если бы герой его был чистокровным британцем. Но Шеридан родился в Дублине, в нем много ирландской крови, а эта кровь — больше похожа на вино, чем на медленную, благоразумную жидкость, какая течет в жилах у англичан.

Шеридан в школе — конечно, лентяй, проказник, любимец товарищей и коновод. Подолгу, серьезно сидеть над книгами он был неспособен. Среднюю школу он кое-как закончил, но в университет уже не попал: автор романа своей жизни — он от короткого пролога уже торопился перейти к первой главе. Впрочем, отчасти так вышло и по причинам, от него независящим: Шеридан-отец, актер и учитель декламации, был недостаточно богат, чтобы содержать в университете двух своих сыновей.

Первая глава романа шеридановской биографии развертывается в блестящем модном курорте Батс: отец Ричарда поселился здесь вместе с семьей — конечно, по-

тому, что здесь у него была работа, а не ради курортного безделья. Бездельником был только Ричард: старший его брат, благоразумный Чарльз, помогал отцу, а младший — сочинял стихи. Стихи, парк, весна, двадцать лет, ирландское вино в жилах, чудесная музыка... Музыки особенно много: ближайшие друзья Шериданов — семья Линли; сам Линли — известный в то время композитор и музыкант, а его дочь Элиза — певица. И, конечно, здесь — завязка романа: Ричард влюблен в Элизу. Необходимые для развития интриги препятствия — налицо: у Элизы — не только прекрасный голос, это — несомненная красавица, у нее — десятки поклонников, и ей, почти еще девочке, гораздо больше льстит ухаживание взрослых, чем двадцатилетнего Ричарда. Вдобавок ко всему, отец Элизы среди ее поклонников уже выбрал для нее жениха: это был очень богатый шестидесятилетний старик, владелец чуть ли не половины всех английских молочных ферм.

Уже всем было известно о предстоящем браке мисс Линли, уже казалось — счастье Ричарда Шеридана погибло, но на помощь ему пришло литературное провидение: один из поклонников мисс Линли написал комедию «Девушка из Батса», где шестидесятилетний жених и вся история его сватовства были изображены в самом смешном виде. Комедия на театре имела успех скандала, сатирой шестидесятилетний влюбленный был убит вернее, чем пулей, — и больше уже не показывался в доме Линли. Мисс Линли была свободна.

Но в романе для героя уже подготовлено новое — и гораздо более серьезное препятствие — в лице некоего капитана Мэтьюса. Это был уже не молодой, женатый человек, опытный ловелас. Он пустил в ход все свое искусство, чтобы влюбить в себя Элизу Линли, — и в конце концов это ему удалось. Элиза знала, что у него есть жена и дети, что брак исключен; она пыталась его забыть, доказывала ему, что им лучше расстаться, но ничто не помогало. По адресу Элизы начинаются пересуды и сплетни, это доходит, наконец, до м-ра Линли. Затем следует классическая сцена объяснения с разгневанным отцом. Элиза вынуждена дать слово, что она никогда больше не будет встречаться с Мэтьюсом, и уедет из Батса в один из Уэльских курортов. В романе наступает

пауза, которая заканчивается новой неожиданной встречей с Мэтьюсом, приехавшим в Уэльс. Мэтьюс разыгрывает отчаявшегося влюбленного, угрожает тут же, при Элизе, застрелиться, если она не даст ему слова притти на свидание, угрожает увезти ее с собой силой, если она не придет.

В душе у героини — коллизия: с одной стороны — слово, данное отцу, с другой стороны — обещание, данное Мэтьюсу. Все это осложняется страхом, что Мэтьюс из-за нее и в самом деле покончит с собой. Развязка мелодраматическая: Элиза выпивает яд...

Как и следовало ожидать, это — только концовка одной из глав романа. В решительный момент на сцене появляется Ричард Шеридан, не терявший времени даром и где-то за кулисами подготовивший совершенно неожиданный поворот действия.

Шеридан очень ловко притворился приятелем Мэтьюса, Мэтьюс хвастался ему своими успехами у Элизы и разные детали их романа даже описывал в длинных посланиях. В последнем письме он, между прочим, признавался, что не прочь бы уже и кончить всю эту, слишком затянувшуюся историю, но из тщеславия хочет добиться сначала своей цели, хотя бы даже силой, а там — пусть барышня кается на свободе в своих прегрешениях. С этим письмом в кармане Шеридан попал к Элизе как раз во-время, чтобы успеть пригласить врачей, давших ей противоядие. А когда она пришла в себя, Шеридан дал ей противоядие еще более сильное: письма Мэтьюса. Эти письма окончательно излечили Элизу. Но нужно было что-то предпринять, чтобы избавиться от Мэтьюса, который угрожал Элизе публичным скандалом. Шеридан убедил ее, что сейчас единственный для нее выход — это на время уехать на континент, во Францию, где он может устроить ее у друзей своей сестры.

Мать Элизы была больна, отец был в отъезде, обстоятельства складывались благоприятно — и романтическое похищение красавицы вполне удалось Шеридану. Что происходило во время путешествия молодой пары, читателю остается неизвестным, но по заключению этой главы романа можно судить, что Шеридан использовал все присущее ему очарование и сумел найти ключ к

сердцу мисс Линли. Это закончилось тайной, без свидетелей, свадьбой в глухой деревушке недалеко от Калэ.

И все же до конца романа еще было далеко. Начинается необходимая по канону погоня за беглецами, м-р Линли настигает их уже во Франции, в Лиле. Элиза, больная, лежит в доме одного почтенного английского доктора, Шеридан живет отдельно: все обстоит как будто не так плохо, как казалось. Линли увозит дочь обратно в Батс, туда же едет и Шеридан.

На некоторое время роман принимает эпистолярную форму: вынужденные скрывать от всех свой брак (оба все еще живут пока на средства родителей), влюбленные только изредка видятся тайком и изливают свои чувства в оживленной переписке. Как развернутся дальше события, предугадать никак нельзя.

Литературное провидение еще раз вмешивается в жизнь Шеридана — на этот раз в виде литературы очень невысокого качества: в местной Батской газетке появляется письмо капитана Мэтьюса, полное самых оскорбительных выпадов по адресу Шеридана. Ирландская кровь вскипела, Шеридан вызвал Мэтьюса на дуэль, и она состоялась в Лондоне, в Гайд-парке. Шеридан так стремительно напал на противника, что вышиб у него шпагу из рук. Мэтьюс принужден был просить пощады и обещал опубликовать извинительное письмо. Обещание это не было выполнено, в результате — новая дуэль. Шеридана увозят с места дуэли с несколькими тяжелыми ранами. Элиза, узнавшая об этом, не выдерживает роли, она кричит, что Шеридан — ее муж, что она должна быть с ним, что она не может жить без него. Но счастливая развязка всех любовных перипетий наступает только через несколько месяцев: происходит церемония торжественного венчания, и накрепко, дважды повенчанный, Шеридан отправляется с молодой женой на лето в деревню.

На этом кончается первая часть романа Шеридановэй биографии; в следующей, второй части, действие из плана эмоций переходит в план интеллекта, но и здесь Шеридан остается тем же ирландцем — темпераментным, увлекающимся, блестящим, беспечным.

При всей беспечности ему приходится однако уже подумать и о какой-то работе. Его отец, вскоре после свадьбы Шеридана, писал старшему сыну — благоразумному Чарльзу: «Я считаю, что теперь у меня только один сын — ты»; от Ричарда старик Шеридан окончательно отказался. Молодая пара проживала приданое Элизы, проживала его не считая, надолго этих денег, конечно, не могло хватить. Шеридану предстояло будущее как будто не очень веселое.

И вдруг становится известным, что он написал пьесу и что пьеса эта скоро пойдет в одном из лучших театров Лондона — в Ковэнт-Гардэн. Эта переходная формула «вдруг» вообще совершенно законна в биографии Шеридана, она вполне соответствует его характеру и темпераменту; «вдруг» было и в данном случае. Правда, в Батсе Шеридан писал стихи, но стихи были очень посредственные; тогда же с одним из своих приятелей он пробовал взяться за пьесу, но из этого ничего не вышло; и если сам он мечтал о какой-нибудь карьере, то о карьере дипломата (письма к Грэнвиллю — незадолго до женитьбы). Как бы то ни было, пьеса, о которой идет речь, — комедия «Соперники», в январе 1775 года была сыграна в Ковэнт-Гардэнском театре и имела огромный успех. Так случилось, что Ричард Шеридан, до сих пор известный только как легкомысленный юноша, вдруг стал первоклассным драматургом своей эпохи. К нему сразу же пришли деньги и слава; в его лондонском доме собирались самые интересные люди того времени, это был непрерывный праздник. Было удивительно одно: когда хозяин успевал писать? А между тем в этом же году, вскоре после «Соперников», им был закончен фарс «Хитрый лейтенант» и опера «Дуэнья» (последняя в сотрудничестве с Линли — отцом Элизы). Обе эти вещи значительно слабее «Соперников», и тем не менее инерция славы такова, что обе прошли на театре очень хорошо, особенно опера.

Еще через год — новое «вдруг» в биографии Шеридана: он становится директором театра «Друри-Лэйн» в Лондоне. Владельцем этого театра до сих пор был известный тогда актер Гаррик; ему было уже под шестьдесят, он собирался совсем уйти от театральных дел, — и вот среди всех многочисленных претендентов Гаррик

выбрал не кого иного, как двадцатипятилетнего юношу Шеридана: таково было личное очарование этого талантливого ирландца.

Первое время под управлением Шеридана дела в театре шли не важно: любимец публики, Гаррик, со сцены ушел, и чтобы победить конкурента — Ковэнт-Гардэн — нужна была хорошая пьеса. Это заставило Шеридана опять сесть за работу, и в начале 1777 года им была сдана в театр новая комедия — лучшее из всего, что им было написано — «Школа злословия». Успех ее был таков, что весь год в театре шла одна только эта комедия; «успех ее убил самую возможность постановки других пьес», заявил Шеридану один из членов театрального комитета.

После «Школы злословия» театр был окончательно завоеван Шериданом, и казалось бы, этим окончательно определялся его путь — путь драматурга, как будто уже нечего и незачем было больше искать. Но то, что уже достигнуто, побеждено, перестает занимать Шеридана: он написал еще одну, последнюю, комедию («Критик») — и в самом расцвете своей литературной славы вдруг ушел из литературы. С 1780 года драматурга Шеридана больше уже нет: есть политический деятель Шеридан, член парламента от партии вигов. Так прихотливая кривая биографии Шеридана сделала еще один, совершенно неожиданный поворот.

Поворот этот и, во всяком случае, его направление объясняются, впрочем, не одними только особенностями характера и темперамента Шеридана. Во Франции уже последние годы доживал феодальный строй, Европа входила в полосу социальных кризисов и великих войн, напоминающую наше время. В такие эпохи политика звучит громче других инструментов социального оркестра, все остальное — в том числе и искусство — отходит на второй план: на втором плане — Шеридану было тесно.

Имя Шеридана, как политического деятеля, близко связано с тремя знаменитыми в истории Англии именами: Питта младшего, Фокса и Бэрка. Фокс и Бэрк были друзьями и единомышленниками Шеридана; Питт был главою враждебной партии — консерваторов, тори. И как некогда во время дуэли с Мэтьюсом, Шеридану не раз удавалось и теперь выбить шпагу из рук Питта во время

их ораторских поединков. «Как бы играя с своим вспыльчивым или раздражительным противником, Шеридан возражал ему остроумными репликами или нападал на него в классической по своему изяществу сатире и вел эту горячую атаку, ни на минуту не теряя присутствия духа, легкости речи и юмора. Улыбкой он наносил тяжелые раны; он вызывал в слушателях неудержимый хохот, когда объект его насмешек корчился под ударами его бича. Питт и Дэндас чаще всего служили мишенью для нападков Шеридана, и они по опыту знали, что никакие их возражения не смутят Шеридана, не заставят его замолчать»... Так в своих воспоминаниях писал о Шеридане один из его политических противников: свидетельство — самое достоверное.

Три раза партия вигов приходила к власти за время парламентской деятельности Шеридана, и всякий раз Шеридан занимал в кабинете более или менее ответственный пост. Но в рамки систематической, сухой, чиновничьей работы этого пылкого и беспутного ирландца уложить было трудно, и вероятно правы были его противники, когда однажды на дверях его министерства они вывесили издевательское объявление: «По воскресеньям приема нет. В остальные дни недели — работа также не производится». Слава ждала Шеридана, конечно, не в министерских кабинетах, а на ораторской трибуне: здесь Шеридан-политический оратор затмил блеск Шеридана-драматурга.

Восстание в Ирландии, запрос о жестокостях английских властей в Индии, борьба с победившей в другой стране революцией... быть может, речь идет о заседании английского парламента в 1920, в 1930 гг.? Нет, эти вопросы обсуждались Палатой Общин и полтора года назад, и от левых — от вигов — выступал Шеридан. Чопорные парламентские залы едва ли слышали когда-нибудь такую бурю оваций, какою закончилась речь Шеридана против генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса. Даже Питт вынужден был заявить: «Эта речь превосходит все речи настоящего и прошлого и обладает всем, что могут дать гений и искусство, чтобы взволновать человеческую душу и овладеть ею». Своей речью Шеридан победил парламент: было решено, что жестокости Гастингса не могут остаться безнаказанными, и

вчерашний владыка Индии был предан суду. Заседания суда открылись через несколько месяцев в Вестминстерском дворце; Шеридану была поручена одна из основных обвинительных речей. Толпа желающих услышать его осаждала дворец; знатные дамы с утра стояли у входа, чтобы попасть внутрь; за билеты на заседание суда перекупщикам платили по пятьдесят гиней. Шеридан говорил четыре дня.

Это был последний триумф Шеридана, дальше звезда его начинает постепенно тускнеть. В его характере было слишком много какой-то детской беспечности, любви к внешнему блеску, веселью, вину. Повидимому, сдерживающим, организующим элементом в его жизни была жена: женитьба на Элизе Линли совпала с началом его творческой работы, смерть ее, в 1792 г., была началом конца Шеридана. «После ее смерти он как будто обезумел: подписывал совершенно безрассудные контракты в Друри-Лэйн, держал сумасшедшие пари в клубах, нанимал дома, в которых не мог жить, покупал массу лошадей, которые без дела стояли в конюшнях», сообщает один из биографов Шеридана. Года через три, на балу, Шеридан услышал, как молодая девушка, мисс Огл, сказала о нем: «Фу! Какое у него ужасное лицо!» Шеридану в то время было только 43 года, но он жил как Шекспировский Фальстаф, — и это было уже написано на его лице. Замечания мисс Огл было достаточно, чтобы Шеридан решил доказать ей, что он — еще Шеридан: в этом же году мисс Огл, по возрасту годившаяся ему в дочери, стала его женой.

Еще несколько раз былой блеск Шеридана освещал серые заседания Палаты Общин. Все выступления его были очень левыми: он протестовал против упразднения независимого ирландского парламента, он защищал самостоятельность Польши, он долго и упорно боролся против Питта, добивавшегося войны с революционной Францией. Но с Питтом теперь уже был один из прежних соратников Шеридана — Бэрк, за Питтом пошла значительная часть вигов — пэров и крупных землевладельцев. Шеридана — защитника французской революции — встретили иначе, чем Шеридана — обвинителя Гастингса, Друзей и поклонников у Шеридана становилось все меньше.

Однажды во время заседания парламента зала вдруг осветилась багровым светом: это горел недавно отстроенный заново театр Шеридана Друри-Лэйн. Было предложено прервать заседание, но Шеридан первый высказался против: «Каковы бы ни были размеры моего несчастья, это — частное дело, которое не должно мешать делам государственным», заявил он.

После этого пожара у Шеридана остались одни только долги, он быстро шел к полному разорению. Уместно ли выбирать в парламент разорившегося человека? Избиратели Шеридана ответили на этот вопрос отрицательно, при ближайших же перевыборах забаллотировав своего недавнего любимца. Шеридан и Наполеон были разбиты в одном и том же году: в 1812. Островом св. Елены для Шеридана была долговая тюрьма, куда его посадили беспощадные кредиторы.

После выхода из тюрьмы Шеридан кончал свои дни в полной заброшенности, в нужде, забытый почти всеми. О нем не забывали только его Шейлоки: когда он уже был при смерти, в дом к нему явились полицейские, чтобы опять отправить его в долговую тюрьму. И только заверения врача, что они принесут туда уже мертвое тело, дали Шеридану возможность умереть не за решеткой.

Биография его была бы невыдержанной, если бы в ней не оказалось последнего «вдруг», последнего контраста: за умирающим Шериданом пришли полицейские, за мертвым Шериданом шли два королевских брата, герцоги, пэры, члены парламента; умирающего Шеридана хотели отвезти в тюрьму, мертвого Шеридана везли в Вестминстерское аббатство — в английский пантеон. День его пышных похорон напомнил тот день, когда он был на вершине славы, и весь Лондон стремился услышать его речь в Вестминстерском дворце.

«Что ни делал Шеридан, у него всегда это выходило лучшим в своем роде. Он написал лучшую комедию («Школу злословия»), лучшую драму («Дуэнна»), лучший фарс («Критик»), лучшее надгробное слово (памяти Гаррика): и все это увенчано еще одним: он произнес лучшую речь из всех, какие слышала Англия (речь по делу Гастингса)»,

Это — выдержка из дневника Байрона. Байрон записал это, как современник. Но жестокое испытание временем, веками, среди всего этого «самого лучшего» сделало отбор: давно уже забыта слава Шеридана-политика, а Шеридан-драматург жив еще и до наших дней. Во всяком случае это можно сказать о двух его лучших вещах — «Соперниках» и «Школе злословия», вошедших в репертуар английской классики.

В реальной жизни Шеридана было столько театрально-эффектного, что материал его биографии неминуемо должен был оставить след на его пьесах. Это можно найти и в «Соперниках», и в «Школе злословия». Показанная в «Соперниках» авантюрная история любви Фолклэнда и Лидии, попытка их бегства, дуэль Фолклэнда с одним из поклонников Лидии, — все это построено, конечно, на знакомых уже нам приключениях самого Шеридана. Труднее отыскать автобиографические следы в «Школе злословия», но повидимому есть они и там. У Шеридана был старший брат Чарльз, никакими талантами, кроме показных добродетелей, не отличавшийся. Но отец всегда ставил его в пример шальному, беспутному Ричарду — и даже больше: он не раз заявлял, что у него «только один сын — Чарльз», а Ричард — лишь позорит честное имя Шериданов. И все же, когда отец умирал, возле него был именно Ричард, и заботы о семье взял тот же Ричард: добродетельный Чарльз показал, наконец, свое настоящее лицо. Очень вероятно, что именно из этих «семейных» элементов в «Школе злословия» сложились характеры обоих братьев Сэрфэс и одна из основных сюжетных линий пьесы, построенная на разоблачении старшего брата.

Любопытные данные о работе Шеридана над «Школой злословия» сообщает Т. Муур,¹ имевший возможность ознакомиться с рукописями пьесы. Первый вариант представлял собою двухактную комедию, с сюжетной установкой на историю Тизля и его жены. Действующими лицами в этой комедии были: сэр Роланд Гарпэр, Плаузибл, капитан Г. Плаузибл, Фримэн, Соломон Тизл, м-с Тизл, Мария. Соломон Тизл превращается затем в

¹ Memoirs of the life of the Right Honourable R. B. Sheridan.

сэра Питера Тизл; Плаузибл становится впоследствии Джозэфом Сэрфэс. Комедия начиналась монологом Соломона Тизля; из этого монолога видно, что Тизл был задуман не холостяком, а, наоборот, рецидивистом-супругом с тремя приводами к алтарю. Последняя, третья, жена — на 30 лет моложе его, провинциалка, в которой уже легко узнать лэди Тизл из «Школы злословия». Но в ней пока еще осталась провинциальная простота: изворотливости позднейшей лэди Тизл в ней еще нет, тут она прямо говорит мужу, что сельская жизнь до смерти надоела ей, потому она и решила «выйти замуж за первого попавшегося дурака». И дальше, в ответ на реплику Тизля: «Значит, вы хотите моей смерти?» — она отвечает еще откровенней: «Вы знаете, что нет... потому что вы еще не сделали завещания в мою пользу». Тизл: «Но ведь я всего только средних лет мужчина». Лэди Тизл: «Вот в том-то и беда: уж лучше бы вы были лет на 20 постарше или лет на 20 помоложе, — я бы предпочла и то, и другое»...

Несколько блестящих реплик, вроде только что приведенной, выпадают в окончательном тексте пьесы. Другие реплики, постепенно меняясь от варианта к варианту, показывают, ценою какого упорного труда достигалось такое как будто легкое, шампанское остроумие окончательного текста. Когда дело касалось любимой работы, Шеридан работать умел: об этом говорят его рукописи.

Из всех его пьес общественное значение имеет, конечно, именно «Школа злословия»: это не только комедия, но комедия сатирическая. Наибольшей силы сатирический заряд сконцентрирован на двух лицах пьесы: лэди Снiruэл и Джозэфе Сэрфэс. Пустота высших кругов английского общества, наполняющего жизнь только одним — гомерическими сплетнями, в лице лэди Снiruэл и ее окружения, показана так, как это может быть никому не удавалось сделать после Шеридана. Джозэф Сэрфэс в портретной галерее лицемеров и ханжей занимает почетное место рядом с мольеровским Тартюфом и нашим Молчалиным. Потомки этих почтенных господ здравствуют и посейчас: острие социальной сатиры в «Школе злословия» не затупилось и в наши дни.

«Школа злословия» была уже написана и поставлена; уже много лет Шеридан не притрагивался к перу, но однажды распространился слух, что он пишет новую комедию. Один из его друзей, м-р Келли, спросил его, правда ли это; Шеридан ответил утвердительно. «Не верю,—сказал Келли. — Вы никогда больше не будете писать, вы боитесь писать». — «Кого же я боюсь?» — спросил Шеридан. — «Вы боитесь автора «Школы злословия», — ответил Келли.

Келли был прав; Шеридан имел основания бояться автора «Школы злословия»: превзойти этого автора было трудно даже Шеридану.

Евг. Замятин.

1931.

РИЧАРД
ШЕРИДАН

ШКОЛА

ЗЛОСЛОВИЯ

THE SCHOOL FOR SCANDAL

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

П О Р Т Р Е Т,

посылаемый миссис Крюю, вместе с комедией «Школа
злословия»

Р. Б. ШЕРИДАНОМ.

Вы, вскормленницы Школы Клеветы,
Доведшие поклеп до красоты,
Ужели нет на свете ни одной,
Настолько милой и совсем иной,
Чтоб даже вы хвалу воздали ей
Безмолвием и завистью своей?
Сейчас живой предстанет образец
На суд суровый ваших злых сердец.
Решите сами, верен ли портрет,
Иль то Любви и Музы легкий бред.
Сюда, о, племя многомудрых дев.
О сонм матрон, чей беспощаден гнев,
Чей острый взгляд и хмурые черты
Не терпят юности и красоты;
Вы, по природе хладные своей;
Вы в долгом девстве лютые как змей, —
Сюда, о, мастерицы сплесть навет,
Создать улики, если слухов нет!
О вы, чья память, сторожа порок,
Все, кроме факта, знает на зубок!
Сюда, о клеветницы, стар и млад,
Ходячее злословье, станьте в ряд,
Чтоб нашей теме был противовес,

Как гимну — пасквиль, как святому — бес.
 Ты, Аморетта (это имя нам
 Уже знакомо по другим стихам),
 Приди и ты; пусть милый жар ланит
 Твою улыбку робко оттенит,
 И, с нежно-неуверенным лицом,
 Мне послужи желанным образцом.
 О Муза, если б ты создать могла
 Хоть слабый очерк этого чела,
 Счастливей кистью вызвать на мольберт
 Хоть бледный отцвет этих чудных черт,
 Поэты бы воспели гений твой,
 И Рейнольдс¹ бы склонился головой,
 Он, в чьем искусстве более чудес,
 Чем в чудесах Природы и Небес,
 Он взору Дэвон давший новый жар,
 Ланитам Грэнби — прелесть новых чар!
 Нелегкий подвиг — дань хвалы принести
 Красе, чей разум презирает лесть!
 Но, славя Аморетту, прав весь свет:
 Пред нею, как пред небом, лести нет,
 И, прихотью судеб, она одна
 Правдивость нашу отрицать склонна!
 От мод не краше, крася их сама,
 Проста влеченьем вкуса и ума,
 Скромна в движеньях, чуждая вполне
 И сухости, и буйных чувств волне,
 Она не ходит, на себя надев
 Лицо богинь иль облик королев.
 Ее живая прелесть, всякий раз,

¹ Рейнольдс — известный английский художник конца XVIII века, особенно прославленный своими портретами, некоторые из которых упоминаются в следующих строках.

Не поражает, а пленяет нас;
То не величье, но ее черты
Мы не измерим мерой красоты!
Природный цвет ее ланит так жив,
Что, создавая это диво див,
Вполне бы мог божественный творец
На них бледнее наложить багрец,
Велев затворнице прелестных стен —
Стыдливой Скромности — служить взамен.
А этих губ кто воспоеет вино?
Лишите их улыбки — все равно!
Сама Любовь как будто учит их
Движению, хоть не звучит на них;
Ты, видящий, не слыша эту речь,
Не сожалея, что звук не мог дотечь;
Смотри на эти губы, ты всегда
Беседу их постигнешь без труда:
Они повиты прелестью такой,
Что полон думы самый их покой!
Но если взглянешь на игру лучей
Волшебно-нерешительных очей,
Следя, как часто, манием ресниц,
Бывает прерван пламень их зарниц,
Ты в них увидишь: крошка Купидон,
Своей опасной должностью смущен,
То скроет, то откроет дивный луч,
Который взорам смертных слишком жгуч.
От этих стрел, ласкающих разя,
В беззлобных ямочках спастись нельзя
Хотя бы сердце в ней и не могло
Жестоким гневом ополчить чело,
Я кознями Любви поклясться рад —
Ее улыбка гибельней стократ!
При виде той, что получила в дар

Всю полноту, всю яркость женских чар,
 Мы были бы должны тщеславный нрав
 Отнести к числу ее природных прав.
 Но Аморетта, в милой простоте,
 Сама своей не верит красоте
 И стрелы чар, разящие кругом,
 Невинно хочет оперить умом:
 Всех женских знаний совмещая груз,
 Воспитанница Грэвиля¹ и Муз,
 Любя учиться, помня грань пути,
 Докуда можно женщине итти,
 Она бы Фебу, если б встарь жила,
 Не жрицей, а возлюбленной была,
 С застенчивою робостью очей
 И кроткою покорностью речей;
 Как ни разумно говорит она,
 В ней словно неуверенность слышна;
 И, этой женской прелестью дыша,
 Как разум мил, как мудрость хороша!
 Ее дары, ее душевный склад
 О сердце, дружном с мыслью, говорят:
 Веселость, оттененная мечтой,
 Насмешливость в союзе с добротой,
 Брезгливость, скрытая не без труда,
 Страх пред талантом, чем она горда.

Умолкни, Муза! Песнь свою прерви
 И похвалу бессильной назови;
 Поэзия достигнуть не могла
 Ее достоинств, но твоя хвала

¹ Джордж Грэвиль — член парламента и министр в кабинете Питта — был известен своим благородством, воспитанностью, знанием всех светских обычаев; от Питта он получил прозвище *gentle shepherd* — «благородный пастырь».

Смутила хор завистниц красоты

И омрачила царство Клеветы!

• Все эти ведьмы, черствым языком,

Шипят, что этот облик им знаком,

И называют ту, кого пою,

Вас, мой прообраз и мой гений — Крью!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: ¹

Сэр Питер Тизл.

Сэр Оливер Сэрфэс.

Сэр Гарри Бэмпэр.

Сэр Бэнджамэн Бэкбайт.

Джозэф Сэрфэс.

Чарльз Сэрфэс.

Кэйрлесс.

Снэйк.

Крэбтри.

Раули.

Мозэс.

Трип.

Лэди Тизл.

Лэди Снируэл.

Миссис Кэндэр.

Мария.

Джентльмэны, горничная и слуги.

Место действия — Лондон.

¹ Драматурги эпохи Шеридана очень часто выбирали имена действующих лиц так, чтобы в них отражался характер того или иного человека. Этим приемом пользуется и Шеридан в «Школе злословия». Имя «Тизл» — взято от глагола *to tease* — раздражать, сердить; «Сэрфэс» — наружность; «Бэмпэр» — полный до краев стакан; «Бэкбайт» — от глагола *to backbite* — злословить за глаза; «Кэйрлесс» — беззаботный, легкомысленный; «Снэйк» — змея; «Крэбтри» — дерево — дикая яблоня; «Раули» — от *row* — шум, суматоха; «Трип» — обмолвка; «Снируэл» — насмешница; «Кэндэр» — откровенность.

ПРОЛОГ,

написанный мистером Гарриком.¹

«Школа злословья»? Полно! Неужели
Без школы мы злословить не умели?
Какие тут уроки могут быть?
Еще бы нас учили есть и пить!
Когда красавиц наших, ту иль эту,
Тревожит печень, — дайте им газету;
В ней сильнодействующих — quantum satis;
Чего бы вы ни пожелали — нате-с.
«О боже!» — лэди Уксус (что не прочь
За картами прощебетать всю ночь),
К полудню встав, свой крепкий чай мешает
Со сплетнями — Как это освежает!
Дай мне газету, Лисп, — как хорошо! (Отхле-
бывает.)

«Вчера лорд Л. (отхлебывает) был пойман
с лэди О.».

Как это помогает от мигрени! (Отхлебывает.)

«Хоть миссис Б. и опускает шторы,
«Сквозь них легко проникнут наши взоры».

¹ Гаррик — известный актер эпохи Шеридана, директор лондонского театра Друри-Лэйн, где впервые была поставлена «Школа злословия».

Да, это зло; жестокая заметка;
 Но, между нами (*отхлебывает*), право, очень
метко.

Ну, Лисп, читайте вы, отсюда вот!
 Так с!

«Пусть лорд К., тот самый, что живет
 «На Гровнор Сквэр, себя побережет:
 «Хоть лэди У. он и дороже сына,
 «Но уксус горек».

— «Это я! Скотина!

Сейчас сожгите, и чтоб в дом мой эту
 Впредь не носили подлую газету!»

Так мы смеемся, если кто задет;

А нас заденут, — смеха больше нет.

Ужель наш юный бард так юн, что тщится
 От моря лжи плотиной оградиться?

Иль он так мало знает грешный мир?

С нечистой силой как вести турнир?

Он биться с грозным чудищем идет:

Срежь Сплетне голову, — язык живет.

Горд вашей благосклонностью былой,

Наш юный Дон Кихот вновь вышел в бой;

В угоду вам, он обнажил перо

И жаждет Гидре погрузить в нутро.

Дабы снискать ваш плеск, он будет, полон
пыла,

Разить, — то бишь писать, — пока в руке есть
сила,

И рад пролить для вас всю кровь, — то бишь
чернила.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I

Уборная лэди Снаруэл.

Лэди Снаруэл за туалетом. Снэйк пьет шоколад.

Лэди Снаруэл. Итак, м-р Снэйк, все напечатано?

Снэйк. Да, милэди; я сам переписывал измененным почерком, так что никто и не догадается, откуда все это идет.

Лэди Снаруэл. А что, распустили вы слух о связи лэди Бритл с капитаном Бостол?

Снэйк. Я повел это так тонко, что лучше и желать нельзя. Если все пойдет нормально, то, я думаю, слух достигнет до ушей м-с Клаккит

в двадцать четыре часа, а уж тогда, вы знаете, — дело сделано.

Лэди Снируэл. Да, это верно: у миссис Клаккит большой талант и много усердия.

Снэйк. Совершенно справедливо, миледи; и до сих пор действовала она не без успеха. По моим сведениям из-за нее расстроилось шесть свадеб, три сына лишились наследства, случилось четыре скандальных побега и столько же арестов, девять супружеских пар разъехались и две развелись. Кроме того, в журнале «Столица и провинция» она печатает происходившие tête-à-tête разговоры людей, которые даже и в глаза друг друга не видели. Я и раз ее на этом ловил.

Лэди Снируэл. Да, конечно, она талантлива, но грубовата.

Снэйк. Совершенно справедливо. Вообще она описывает недурно, язык у ней свободный и смелое воображение; но краски она кладет слишком густо и часто хватает через край. Ей недостает той мягкости колорита, той приятной веселости, какою отличается злословие вашего сиятельства.

Лэди Снируэл. Вы пристрастны, Снэйк.

Снэйк. Нимало. Лэди Снируэл словом или взглядом выразит больше, чем иные подробнейшим описанием, хотя бы на их стороне и была крупица истины. Это всем известно.

Лэди Снируэл. Да, милейший Снэйк; без всякой ложной скромности, я скажу, что удовлетворена своими успехами. В юности и меня ранил ядовитый язык сплетни, и с той поры я не знаю наслаждения выше, чем доводить

репутацию других до уровня моей собственной.

С н э й к. Это вполне понятно. Но знаете, лэди Снируэл, что касается последнего вашего поручения, то тут, признаюсь, ваши намерения мне не ясны.

Лэди Снируэл. А, это насчет моего соседа, сэра Питера Тизл и его семейства?

С н э й к. Вот, вот! Речь идет о двух молодых людях, для которых сэр Питер со времени смерти их отца был как бы опекуном; у старшего — превосходный характер, и о нем говорят только хорошее; младший — самый распущенный и сумасбродный юноша во всем королевстве; у него нет ни друзей, ни доброго имени; первый — ваш призванный поклонник и, видимо, пользуется вашею благосклонностью; второй влюблен в Марию, воспитанницу сэра Питера, и бесспорно любим ею. При таких обстоятельствах для меня совершенно непонятно, почему бы вам, имеющей после смерти мужа хорошее имя и хорошее состояние, не вступить в союз с человеком, имеющим такую репутацию и будущность, словом — с м-ром Сэрфэсом. И еще более непонятно, почему это для вас так важно расстроить взаимную привязанность его брата Чарльза и Марии.

Лэди Снируэл. Ну, чтобы сразу же объяснить эту тайну, я должна сказать вам, что в моих отношениях к м-ру Сэрфэсу любовь совершенно не при чем.

С н э й к. Нет!

Лэди Снируэл. На самом деле — он

влюблен в Марию, или в ее приданое. Но он нашел счастливого соперника в своем брате, и ему пришлось замаскировать свои намерения, а также прибегнуть к моей помощи.

С н э й к. И все-таки для меня остается загадкой, почему вы заинтересованы в его успехе.

Л э д и С н и р у э л. Боже, как вы бестолковы! Неужели же вы не можете догадаться о слабости, которую я из стыда до сих пор скрывала даже от вас? Не прикажете ли мне сознаться, что только ради Чарльза, — ради этого гуляки, этого сумасброда, потерявшего состояние и репутацию, — я так беспокоюсь и злюсь? Я всем готова пожертвовать, чтобы только завладеть им.

С н э й к. Ну, вот, теперь ваша тактика мне понятна. Но что же вас так сблизило с м-ром Сэрфэсом?

Л э д и С н и р у э л. Наша взаимная выгода. Я давно разгадала его. Я знаю, что он ловок, себялюбив и зол, короче, это — умный плут, тогда как сэр Питер и все знакомые Джозэфа Сэрфэса считают его чудом ума и доброты.

С н э й к. Да, сэр Питер уверяет, что нет ему равного во всей Англии; особенно расхваливает его, как человека высокой морали.

Л э д и С н и р у э л. Вот этой самой моралью и своим ханжеством м-р Сэрфэс совсем покорила старика, и тот выдаст за него Марию. А у бедного Чарльза нет ни одного друга в доме, но я боюсь, у него сильный друг в сердце Марии, — против нее-то мы и должны направить нашу атаку.

Входит слуга.

С л у г а. М-р Сэрфэс.

Лэди Снируэл. Проси. *(Слуга уходит.)*
Он всегда является примерно в этот час. Не удивительно, что его считают моим любовником.

Входит Джозэф Сэрфэс.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Дорогая лэди Снируэл, как ваше здоровье? М-р Снэйк, рад вас видеть.

Лэди Снируэл. Снэйк только что подшучивал над нашей взаимной привязанностью. Пришлось объяснить ему действительные наши намерения. Вы знаете, как он был нам полезен; поверьте мне, он стоит доверия.

Д ж о з э ф С э р ф э с. По-моему нельзя даже и сомневаться в человеке, одаренном такой проницательностью и таким вкусом.

Лэди Снируэл. Ну, ну, без комплиментов. Скажите мне лучше, когда вы видели вашу возлюбленную Марию, — или нет: вашего брата?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ни того, ни другой я не видел после моего последнего свидания с вами; могу, впрочем, сказать вам, что они не встречались друг с другом. Некоторые из ваших историй хорошо подействовали на Марию.

Лэди Снируэл. Ну, милейший Снэйк, это уж ваша заслуга! А как ваш брат? Дела его все хуже?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Час от часу. Мне говорили, что вчера опять наложили арест на его

имущество. Словом, его расточительность и сумасбродство неслыханны.

Лэди Снiruэл. Бедный Чарльз!

Джозэф Сэрфэс. Да, несмотря на все его пороки, о нем нельзя не пожалеть. Бедный Чарльз! Если бы я только мог по-настоящему помочь ему! Человек, который оставляет брата своего в несчастьи, даже если тот заслуживает этого своими пороками, — такой человек...

Лэди Снiruэл. О, боже, вы, кажется, собираетесь читать проповедь! Не забывайте, что тут — ваши друзья.

Джозэф Сэрфэс. Вы правы. Я прибегу эту сентенцию для сэра Питера. Как бы то ни было, но ведь это сущее благодеяние — избавить Марию от кутилы, которого если и может кто-нибудь исправить, то разве только особа с такими высокими совершенствами и с таким умом, как у вас.

Снэйк. Мне кажется, лэди Снiruэл, сюда идут посторонние. Пойду переписывать письмо, о котором говорил вам. М-р Сэрфэс — ваш всепокорнейший...

Джозэф Сэрфэс. Сэр, свидетельствую вам свое глубочайшее... (Снэйк уходит.) Лэди Снiruэл, очень жаль, что вы доверились этому типу.

Лэди Снiruэл. Почему же?

Джозэф Сэрфэс. Я не раз заставлял его в беседах со старым Раули, который прежде был дворецким у моего отца и, как вам известно, никогда не был мне другом.

Лэди Снiruэл. И вы думаете, что он может изменить нам?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Нет ничего вероятнее. Верьте моему слову, лэди Снируэл, у этого человека не хватит совести быть верным даже собственной своей подлости. Ах, Мария!

Входит Мария.

Лэди Снируэл. Мария, дорогая моя, что с вами? Что случилось?

Мария. Этот противный мой поклонник, сэр Бэнджамэн Бэкбайт, только что явился к моему опекуну со своим несносным дядей, Крэбтри. Я ускользнула и прибежала сюда, чтобы не встретиться с ними.

Лэди Снируэл. И это все?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Если б мой брат был в их компании, может быть, вы бы их так не испугались?

Лэди Снируэл. Не придирайтесь. Мария просто услышала, что вы здесь, — ручаюсь, в этом все дело. Но, дорогая моя, что такое вам сделал сэр Бэнджамэн? Почему вы его так избегаете?

Мария. Мне он ничего не сделал, но я не выношу его языка. Его разговор — это сплошной пасквиль на всех его знакомых.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Да, и хуже всего то, что нет никакой выгоды быть с ним незнакомым. Он такой же охотник насплетничать про незнакомое, как и про своего лучшего друга; да и его дядя — тоже не лучше.

Лэди Снируэл. Нельзя же так, нужно быть снисходительной. Сэр Бэнджамэн — человек остроумный, и он — поэт.

М а р и я. Что касается меня, то, право, остроумие теряет в моих глазах, если оно неразлучно со злостью. Как вы думаете, м-р Сэрфэс?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ну, конечно — так! Улыбаться шутке, которая должна уколоть нашего ближнего — это значит быть соучастником злодеяния.

Л э д и С н и р у э л. Ну! Невозможно быть остроумным без некоторой доли злости; в злости вся соль. Как ваше мнение, м-р Сэрфэс?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Совершенно правильно: если запретить в разговоре насмешку, он непременно покажется скучным и безвкусным.

М а р и я. Хорошо, я не стану спорить, насколько допустимо злословие; но уж в мужчине-то оно всегда противно. В нас есть тщеславие, зависть, соперничество и тысячи причин ставить ни во что друг друга; но мужчина-сплетник должен обладать трусостью женщины, чтобы решиться на клевету.

Входит слуга.

С л у г а. Миссис Кэндэр ждет внизу. Если у вашего сиятельства есть время, она выйдет из кареты.

Л э д и С н и р у э л. Просите ее войти. (*Слуга уходит.*) Вот, Мария, особа в вашем вкусе: хоть м-с Кэндэр немного и болтлива, но все согласны, что она добрейшая и превосходнейшая женщина.

М а р и я. Да, щеголяя своим добродушием и доброжелательством, она делает больше зла, чем явная злость старого Крэбтри.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Честное слово, лэди Снируэл, — это верно; всякий раз, как я слышу, что разговор начинает переходить на репутации моих друзей, я больше всего боюсь за них, если их примется защищать миссис Кэндэр.

Л э д и С н и р у э л. — Шш... — вот она!

Входит миссис Кэндэр.

М - с К э н д э р. Дорогая моя лэди Снируэл, мы не виделись целую вечность! М-р Сэрфэс, что слышно нового? Впрочем, мне все равно; ведь, я думаю, кроме дурного, ничего не услышишь.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Именно так. Вы правы, сударыня.

М - с К э н д э р. А, Мария! Ну, милое дитя, как у вас с Чарльзом? Не вышло дело, а? Да, уж эти его сумасбродства... в городе ни о чем другом не говорят...

М а р и я. Очень жаль, что им больше нечего делать.

М - с К э н д э р. Верно, верно, дитя; да ведь рот людям не зашьешь. Мне приходилось слышать, — очень мне надо было это знать! — что ваш опекун, сэр Питер, и лэди Тизл не совсем-то поладили друг с другом. Сознаюсь: мне это было неприятно.

М а р и я. Удивительная наглость — лезть не в свое дело.

М - с К э н д э р. Совершенно верно, дитя, но как же быть? Люди вечно болтают — ничего не поделаешь. Вот не далее, как вчера, мне передавали, что мисс Гадабаут убежала с сэром Филигри Флэрт. Но, боже мой, нечего обращать

внимание на слухи; правда, этот слух идет из верного источника...

М а р и я. Такие сплетни просто возмутительны!

М - с К э н д э р. Именно так, дитя, это совершенно неприлично, да, неприлично. Но свет так любит сплетни — никого не пощадит. Ну вот, кто бы мог заподозрить в нескромности вашего друга, мисс Прим? Но люди так злы: они уверяют, будто на прошлой неделе ее дядя задержал ее как раз в тот момент, когда она садилась в Йоркский дилижанс со своим учителем танцев.

М а р и я. Я ручаюсь, что этот слух не имеет никаких оснований.

М - с К э н д э р. Ну, да — никаких оснований! Во всем этом, пожалуй, не больше правды, чем в истории насчет м-с Фестино и полковника Кассино, — помните? — об этом говорили прошлый месяц. Впрочем, этот случай так и остался невыясненным...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Наглость иных клеветников просто чудовищна.

М а р и я. Это так, но по-моему одинаково виновны и те, кто разносит эти сплетни по городу.

М - с К э н д э р. Ну, ясно: пересказчики не лучше выдумщиков — это старое замечание и очень верное, но что же делать, скажите на милость? Как помешаешь людям болтать? Сегодня м-с Клаккит уверяла меня, что м-р и м-с Хонимун¹ стали, наконец, настоящими мужем и же-

¹ «Хонимун» — медовый месяц.

ной. Она также намекнула мне, что некоторая вдова, — она живет на соседней улице, — неожиданно оправилась от своей «водянки» и удивительнейшим образом приобрела прежнюю талию. А по словам мисс Таттл ¹ — она своими глазами это видела! — лорд Буффало застал свою супругу в доме довольно-таки неважной репутации; а сэр Гарри Букет и Том Соунтэр ² дрались на дуэли по тому же поводу. Но, боже мой, неужели вы думаете, что я стану распространять эти сплетни? Нет, нет! Пересказчики, повторяю, не лучше выдумщиков.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ах, м-с Кэндэр, если б все были так добродушны и снисходительны, как вы!

М - с К э н д э р. Откровенно скажу, м-р Сэрфэс, я терпеть не могу, когда на людей нападают за глаза; если даже какие-нибудь некрасивые факты говорят против моих знакомых, то я все-таки предпочитаю думать о них самое лучшее. Кстати, это ведь, надеюсь, не верно, будто бы ваш брат совершенно разорился?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Боюсь, что его дела и в самом деле очень плохи.

М - с К э н д э р. Ах, я это слышала... но вы должны передать ему, чтобы он не падал духом: почти все идут к тому же — лорд Спиндл, сэр Томас Сплинт, капитан Квинз и м-р Никкит, — все они, я слышала, вылетят в трубу на этой неделе; так что, если Чарльз погиб, то он

¹ «Таттл» — от глагола tattle — сплетничать.

² «Соунтэр» — гуляка.

увидит, что и половина его знакомых разорилась, а это, знаете ли, утешение.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Еще бы, и даже очень большое.

Входит слуга.

С л у г а. М-р Крэбтри и сэр Бэнджамэн Бэкбайт. *(Уходит.)*

Л э д и С н и р у э л. Как видите, Мария, ваш обожатель преследует вас; теперь уж вам на-верное не уйти от него.

Входят Крэбтри и сэр Бэнджамэн Бэкбайт.

К р э б т р и. Лэди Снируэл, целую ваши ручки. М-с Кэндэр, кажется, вы незнакомы с моим племянником? Сэр Бэнджамэн Бэкбайт. Ей-богу, он очень неглуп и к тому же отличный поэт. Не так ли, лэди Снируэл?

С э р Б э н д ж а м э н. Ну, дядя, что это!

К р э б т р и. Нет, ей-богу, это верно; по части ребуса или шарады он, по-моему, поспорит с лучшим стихотворцем в королевстве. Слышали ли вы, ваше сиятельство, его эпиграмму насчет того, как загорелись перья на шляпе лэди Фриزل? ¹ А ну, Бенджамэн, повтори ее. Или скажи шараду, которую ты экспромтом сочинил на вечере у м-с Драузи. ² Ну, как это: первое — название рыбы, второе — великий мореплаватель...

С э р Б э н д ж а м э н. Дядя, ну... пожалуйста..

К р э б т р и. Честное слово, вы просто пора-

¹ «Фриزل» — кудряшка.

² «Драузи» — соня.

зились бы, если б только слышали, какой он мастер на такие штуки.

Лэди Снируэл. Удивляюсь, сэр Бэнджамэн, почему вы это до сих пор не напечатали ни одной из своих вещей?

Сэр Бэнджамэн. По правде говоря, очень уж это вульгарно — печатать свои произведения. Мои безделушки — по большей части шутки и сатиры на отдельных лиц, и я нахожу, что они лучше расходятся втихомолку, между друзьями этих лиц. Впрочем, у меня готово несколько любовных элегий, которые я думаю отдать на суд публики, но в том только случае, если они будут одобрены улыбкой этой лэди (*указывает на Марию*).

Крэбтри. Клянусь богом, милэди, он обесмертит вас. Вы будете известны потомству, как Петраркова Лаура или Уоллерова ¹ Сахарисса.

Сэр Бэнджамэн (*Марии*). Да, я думаю, они вам понравятся, когда вы их увидите в прекрасном томе *in quarto*, где милый ручеек текста будет струиться по нежному лугу страницы. Клянусь богом, эти элегантные стихи будут совершенством в своем роде!

Крэбтри. Все это прекрасно — но слышали ли вы новость?

М-с Кэндэр. Как, сэр, вы намекаете на слух о...

¹ Петрарка — прославленный итальянский поэт (XIV в.); своей возлюбленной Лауре он посвятил целый ряд своих стихов. Эдм. Уоллер — английский поэт XVII в., современник Оливера Кромвеля; под именем «Сахариссы» в поэме Уоллера воспета лэди Доротея Сиднэй.

К р э б т р и. Нет, нет не то. Мисс Найсли ¹ выходит замуж за собственного лакея.

М - с К э н д э р. Не может быть!

К р э б т р и. Спросите сэра Бэнджамэна.

С э р Б э н д ж а м э н. Это верно: дело решенное; уже заказаны свадебные... ливреи.

К р э б т р и. Да — и говорят были причины спешить с этой свадьбой.

Л э д и С н и р у э л. Ну, я кое-что об этом и раньше слышала.

М - с К э н д э р. Этого не может быть, — и я удивляюсь, как можно верить сплетне насчет такой благоразумной лэди, как мисс Найсли.

С э р Б э н д ж а м э н. Да, боже мой, именно потому сразу и поверили. Она всегда была так осторожна и сдержанна, что для этого, конечно, были свои причины. Все в этом уверены.

М - с К э н д э р. Да, да: для репутации женщин ее типа скандал так же пагубен, как горячка для людей с крепким телосложением. И наоборот, слабые, болезненные, вечно прихварывающие репутации переживают сотню репутаций более прочных.

С э р Б э н д ж а м э н. Верно, милэди. Люди с плохой репутацией поступают так же, как люди с плохим здоровьем: зная свои слабые стороны, они избегают малейшего дуновения ветерка и заменяют недостаток жизненной силы заботливостью и осторожностью.

М - с К э н д э р. Хорошо, но все-таки это, может быть, только сплетня. Вы знаете, сэр

¹ От слова «nice» — красивый.

Бэнджамэн, из-за таких пустяков часто возникают самые несправедливые слухи.

Крэбтри. Что это так, я ручаюсь. Слышали ли вы, как мисс Пайпер этим летом в Тэнбридже потеряла жениха и доброе имя? Сэр Бэнджамэн, вы помните?

Сэр Бэнджамэн. О, конечно, — презабавная история.

Лэди Снируэл. Как это было? Пожалуйста...

Крэбтри. Как-то вечером у м-с Понто зашел разговор о разведении у нас в Англии овец ново-шотландской породы. Одна из присутствовавших молодых лэди и говорит: «Я знаю такой случай: мисс Летиция Пайпер, моя кузина, купила ново-шотландскую овцу, от которой родились двойни». «Как! — восклицает вдовствующая лэди Дэндиззи (вы ведь знаете, она глуха, как колода), — как, — говорит, — у мисс Пайпер родились двойни?» Это недоразумение, как вы можете себе вообразить, вызвало взрыв хохота. На утро слух об этом пошел по всему городу, через три дня уже все поверили, что мисс Летиция Пайпер родила прехорошеньких мальчика и девочку, а через неделю уже стали называть имя отца и даже имя фермера, которому малютки отданы на воспитание.

Лэди Снируэл. Странно!

Крэбтри. Это факт, уверяю вас. Ей-богу! М-р Сэрфэс, извините, правда ли, что ваш дядя, сэр Оливер, возвращается на родину?

Джозэф Сэрфэс. Насколько мне известно — нет, сэр.

К р э б т р и. Долгонько он пробыл в Ост-Индии. Вы едва ли его помните, — правда, ведь? Плохое для него будет утешение, когда он вернется и узнает, до чего дошел ваш брат!

Д ж о з э ф С э р ф э с. Чарльз был неблаго-разумен, сэр, это, конечно, так; но я надеюсь, никто не станет восстанавливать против него сэра Оливера. Он еще может исправиться.

С э р Б э н д ж а м э н. Конечно, может; что касается меня, то я никогда не думал о нем, что это человек без всяких принципов. Конечно, он растерял всех своих друзей, но я слышал, что евреи ни о ком так хорошо не отзываются, как о нем.

К р э б т р и. Ей-богу, верно, племянник. Будь у евреев свое управление, я думаю, Чарльз был бы у них олдэрмэном; он у них так популярен, ей-богу! Я слышал, с него в год дерут столько же процентов, сколько с ирландского займа. А когда он болен, о его выздоровлении молятся во всех синагогах.

С э р Б э н д ж а м э н. Однако, никто не живет роскошнее его. Мне передавали, что когда он угощает своих друзей, то за обед вместе с ним садится целая дюжина его поручителей; в это время десятка два кредиторов ждут в передней, а за каждым гостем стоит по судебному приставу.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Вам, господа, это может быть и забавно, но вы совсем не щадите мои братские чувства.

М а р и я (в сторону). Эти сплетни невыносимы. (Громко.) Лэди Снируэл, я должна проститься с вами; мне нездоровится. (Уходит.)

М - с Кэндэр. Господи! Как она побледнела!

Лэди Снируэл. Пожалуйста, м-с Кэндэр, проводите ее: ей может понадобиться ваша помощь.

М - с Кэндэр. С величайшим удовольствием. Бедная девушка! Кто знает, в каком она положении? (Уходит.)

Лэди Снируэл. Ничего особенного. Все дело в том, что она не выносит нападок на Чарльза, несмотря на размолвку с ним.

Сэр Бэнджамэн. Явное доказательство, что она к нему равнодушна.

Крэбтри. Но, Бэнджамэн, из этого еще не следует, что ты должен от нее отказаться: ступай за ней и развесели ее. Почитай ей свои стихи. Пойдем, я тебе помогу.

Сэр Бэнджамэн. М-р Сэрфэс, я не имел намерения огорчать вас, но будьте уверены, что ваш брат — человек конченный.

Крэбтри. Совсем, совсем конченный. Ей-богу! Ему и гинеи не поверят в долг.

Сэр Бэнджамэн. И говорят, он уже распродал все, что только можно.

Крэбтри. Ничего не осталось, кроме нескольких незамеченных приставом пустых бутылок и фамильных портретов, и то, кажется, только потому, что портреты вделаны в стену.

Сэр Бэнджамэн. К сожалению, я слышал о нем и еще кое-какие скверные истории.

Крэбтри. Да, да, есть-таки за ним грешки, это уж верно!

Сэр Бэнджамэн (уходя). Впрочем, так как он ваш брат...

К р э б т р и. Мы вам все расскажем в другой раз.

Крэбтри и сэр Бэнджамэн уходят.

Л э д и С н и р у э л. Ха, ха! До чего тяжело им бросить такой сюжет, не обработав его до конца.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Мне кажется, вам слушать все это было не более приятно, чем Марии.

Л э д и С н и р у э л. Может быть ее чувства сильнее, чем мы думаем. Вся семья будет здесь вечером, поэтому можете остаться здесь обедать: нам представится случай для дальнейших наблюдений. Пока что, я пойду разработать план интриги, а вы готовьтесь к роли влюбленного. *(Уходят.)*

СЦЕНА II

Комната в доме сэра Питера Тизл.

Входит сэр Питер Тизл.

С э р П и т е р. Когда старый холостяк берет молодую жену, чего следует ждать? Уже шесть месяцев назад лэди Тизл, как говорится, сделала меня счастливейшим человеком, а на самом деле я несчастен, как собака. По дороге в церковь — мы уже немножко поспорили, а прежде чем отзвонили в колокола — мы уже великолепно переругались. Во время медового месяца я чуть не задохнулся от злости; и я потерял всякую отраду в жизни раньше, чем зна-

комые кончили меня поздравлять. А ведь, уж кажется, я выбирал осторожно: я взял девушку, воспитанную в деревне; верхом роскоши ей казалось шелковое платье, а наилучшим развлечением — ежегодный бал во время скачек. А теперь она так вошла во вкус всяких модных столичных дурачеств, как будто весь век свой не видела ни кустика, ни былинки дальше Гровенор-сквера. Знакомые издеваются надо мной, а в газетах на меня пишут пасквили. Она бросает на ветер мои деньги и противоречит всякому моему желанию; но хуже всего то, что, боюсь, я люблю ее, иначе я не мог бы вынести всего этого. Как бы то ни было, я никогда не дойду до такой слабости, чтобы сказать вслух об этом.

Входит Раули.

Раули. Мое почтение, сэр Питер. Как поживаете, сэр?

Сэр Питер. Прескверно, мистер Раули, прескверно. У меня одни огорчения и неприятности.

Раули. Что же такое случилось за один день?

Сэр Питер. Задавать такой вопрос женовому человеку!

Раули. Но не может же ваша супруга быть причиной ваших огорчений?

Сэр Питер. Как? Вам кто-нибудь сказал, что она умерла?

Раули. Вот, вот, сэр Питер, вы же ее любите, хоть вы и не совсем сошлись характерами.

Сэр Питер. Она одна во всем виновата, мистер Раули. Я — кротчайший человек в мире и ненавижу людей с тяжелым характером; я ей это повторяю по сто раз в день.

Раули. Скажите!

Сэр Питер. Да, и что особенно странно, во всех наших спорах всегда неправа она. А лэди Снiruэл и вся компания, с которой моя жена встречается в ее доме, еще больше подстрекают ее. В довершение всего, Мария, которой я все равно что отец, вздумала тоже бунтоваться против меня. Она решительно отказывает человеку, которого я, ее опекун, давно наметил ей в мужья. Она, кажется, хочет выйти за его беспутного брата.

Раули. Вам известно, сэр Питер, что я всегда брал на себя смелость не соглашаться с вами во взглядах на этих двух юношей. Смотрите, не ошибитесь в своем мнении относительно старшего. За Чарльза — я головой ручаюсь, что он еще загладит все свои грехи. Его достойный отец, когда-то — мой уважаемый господин, был таким же гулякой в молодые годы; однако после его смерти не осталось ни одного хорошего человека, который бы его не оплакивал.

Сэр Питер. Вы неправы, мистер Раули. Вы знаете, после смерти их отца я был их опекуном до тех пор, пока они не стали преждевременно независимы, благодаря щедрости дяди их, сэра Оливера. Уж, конечно, никто не имел больше меня случаев оценить их сердце, а я во всю свою жизнь никогда не ошибался. Джозэф — это прямой образец для наших мо-

лодых людей. Он человек высокой морали и живет согласно моральным правилам, которые исповедует. А другой... Даю вам слово: если он унаследовал хоть зерно нравственности, то уж давно промотал его вместе с прочим наследством. Да, старый друг, сэр Оливер, будет глубоко огорчен, когда поймет, как плохо воспользовались его щедростью.

Р а у л и. Мне очень жаль, что вы так строги к этому юноше. Теперь в судьбе его наступает кризис. Я явился к вам с новостями удивительными.

С э р П и т е р. Вот что? Послушаем.

Р а у л и. Приехал сэр Оливер. В эту самую минуту он уже в Лондоне.

С э р П и т е р. Что вы? Вы меня изумляете. Я думал, что в этом месяце вы его приезда никак не ждали.

Р а у л и. Я и не ждал: его путешествие кончилось удивительно скоро.

С э р П и т е р. Ей-богу, я буду очень рад увидеть старого друга. Ведь целых шестнадцать лет мы с ним не видались. Немало дней провели мы вместе... И что же, он пока не извещает племянников о своем приезде?

Р а у л и. И извещать запретил строго-настрого. Он хочет сначала подвергнуть некоторому испытанию их характеры.

С э р П и т е р. О, для того, чтобы оценить их по достоинству, никаких хитростей не нужно; впрочем, пусть его делает, как знает. Известно ему, что я женился?

Р а у л и. Да, — и он скоро явится сюда поздравить вас.

Сэр Питер. Ну, это то же, что пить за здоровье человека, больного чахоткой... Ах, и посмеется же надо мной Оливер! Бывало, мы вместе издевались над браком, и он остался верен себе. Так, значит, он скоро будет у меня? Пойду распорядиться относительно его приема. Только прошу вас, мистер Раули: пожалуйста, ни слова насчет того, что лэди Тизл и я... иной раз, случается... поспорим...

Раули. Будьте спокойны.

Сэр Питер. Я не перенесу насмешек старика Нолля. Заставлю его думать, — прости мне, господи! — что мы очень счастливая парочка.

Раули. Понимаю вас. Но в таком случае, пока он будет здесь, вы должны остерегаться всяких размолвок с женой.

Сэр Питер. Должны — ей-богу, так. Но как раз это и невозможно. Ах, мистер Раули, когда старый холостяк берет себе молодую жену, то его бы за это... впрочем, нет, — преступление в самом себе несет и наказание.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I

*Комната в доме сэра Питера Тизл.
Входят сэр Питер и лэди Тизл.*

Сэр Питер. Лэди Тизл, лэди Тизл, я не потерплю этого!

Лэди Тизл. Сэр Питер, сэр Питер, терпите или не терпите это, как вам угодно, но я все должна делать по-своему — и буду, буду делать! — понимаете? Хоть я и воспитывалась в деревне, но отлично знаю, что замужние свет-

ские женщины в Лондоне никому не обязаны отчетом в своих действиях.

Сэр Питер. Очень хорошо, сударыня, очень хорошо! Значит, муж не должен иметь никакого влияния, никакой власти?

Лэди Тизл. Власти? Разумеется — нет. Если вам хотелось власти надо мной, вам бы следовало удочерить меня, а не жениться на мне: вы достаточно стары для этого.

Сэр Питер. Стар! Вот она где самая суть! Хорошо, хорошо, лэди Тизл, своим характером вы можете сделать мою жизнь несчастной, но я не хочу разориться от вашего мотовства.

Лэди Тизл. Мотовства! Я уверена, что трачу не больше, чем прилично светской женщине.

Сэр Питер. Нет, нет, сударыня, вы не будете больше бросать денег на такую безумную роскошь. Ну, жизнь! Зимой убирать свой будуар цветами! Тратить на это столько, что на эти деньги можно бы превратить Пантеон в оранжерею или устроить маевку на Рождестве!

Лэди Тизл. Сэр Питер, разве я виновата, что зимою цветы дороги? Браните климат, а не меня. Я, конечно, хотела бы, чтоб весна была круглый год и розы росли у нас под ногами.

Сэр Питер. Ох, сударыня, если б вы для этого родились, я не дивился бы таким речам. Но вы забываете, каково было ваше положение в свете, когда я женился на вас.

Лэди Тизл. Нет, нет, я не забываю, оно было очень неприятно, а то бы я никогда не вышла за вас.

Сэр Питер. Да, да, сударыня, тогда вы были куда скромнее — вы были просто дочерью бедного помещика! Припомните-ка, лэди Тизл: когда я увидел вас в первый раз, вы сидели за пальцами в простеньком холщевом платье, со связкой ключей у пояса, с гладко причесанными волосами, а ваша комната была увешана цветами из шерсти вашего вязанья.

Лэди Тизл. О, да! Я помню это очень хорошо. И забавную же я жизнь вела тогда! Мне приходилось смотреть за молочной фермой, за птичьим двором, делать выписки из семейной книги рецептов и чесать собачонку тети Деборы.

Сэр Питер. Да, да, сударыня, именно так и было.

Лэди Тизл. А мои вечерние развлечения! Делать выкройки для рукавчиков, которых не из чего было шить; играть в карты с приходским священником; читать что-нибудь «духовное» тетке или бренчать на разбитых клавикордах, чтобы усыпить отца после охоты за лисицей.

Сэр Питер. Я очень рад, что у вас такая хорошая память. Да, сударыня, и вот от этаких развлечений я избавил вас; а теперь вам нужно карету *vis-à-vis* и троих напудренных лакеев и летом пару каких-то белых котят, а не лошадей, чтобы ездить в Кэнсингтон-Гарден. Похоже, вы уж забыли, как тряслись верхом на кляче, да и на этой кляче вы сидели вдвоем — с своим ключником.

Лэди Тизл. Нет, клянусь, этого никогда не было! Никакого ключника и никакой клячи!

Сэр Питер. Да, сударыня, вот какое было ваше положение. А что я сделал для вас? Я сделал вас женщиной светской, богатой, знатной — словом, я сделал вас своей женой.

Лэди Тизл. Прекрасно, теперь, чтобы довершить благодеяния, вам остается только...

Сэр Питер. Оставить вас вдовой, я полагаю?

Лэди Тизл. Гм! Гм!

Сэр Питер. Благодарю вас, сударыня, — но не обольщайтесь этой надеждой; хотя ваше поведение и нарушает мое душевное спокойствие, но оно не разобьет мне сердца, это я вам могу обещать. Во всяком случае, позвольте поблагодарить вас за намек.

Лэди Тизл. Вольно же вам делать мне такие неприятности и попрекать меня грошами, истраченными на какую-нибудь элегантную вещь.

Сэр Питер. Ну, жизнь! Слушайте, сударыня, а были у вас эти элегантные расходы, когда вы выходили за меня замуж?

Лэди Тизл. Боже, сэр Питер, неужто вы хотели бы, чтоб я отстала от моды?

Сэр Питер. От моды, скажите на милость! Много вы думали о моде до вашего замужества?

Лэди Тизл. Я думала, вы сами не прочь, чтоб вашу жену считали за женщину со вкусом.

Сэр Питер. Тоже... со вкусом! Довольно, сударыня! Никакого у вас не было вкуса, когда вы выходили за меня.

Лэди Тизл. Вот уж это, сэр Питер, совершенно верно. Да, я согласна: раз я вышла за вас замуж — я не имею никакого права говорить о вкусе. Ну, а теперь полагающуюся на

сегодня по расписанию ссору мы уже кончили, и я, пожалуй, могу отправиться к лэди Снiruэл, — мы с ней условились.

Сэр Питер. Еще бы — это очень важно! Ну, и очаровательный же круг знакомства вы завели себе!

Лэди Тизл. Сэр Питер, это люди богатые и знатные, и они очень дорожат своей репутацией.

Сэр Питер. Да уж — своей репутацией они дорожат, и, должно быть, поэтому они не терпят, чтобы у кого-нибудь, кроме них, было честное имя: таким они мстят. Этакая шайка! На эшафот идут бедняки, сделавшие куда меньше зла, чем все эти сплетники, ябедники, клеветники.

Лэди Тизл. Как? Вы хотели бы ограничить свободу слова?

Сэр Питер. Ох, вы стали не лучше, чем все прочие из этой компании.

Лэди Тизл. Что ж, надеюсь, что я выполняю свой долг там с достаточным милосердием.

Сэр Питер. Да уж — с милосердием!

Лэди Тизл. Но я же не желаю никакого зла людям, о которых злословлю: если я и говорю что-нибудь дурное, так это бывает просто потому, что у меня хорошее настроение; и я не прочь, чтоб и со мной поступали точно так же. Однако, сэр Питер, вы ведь обещали также быть у лэди Снiruэл.

Сэр Питер. Хорошо, хорошо, я найду, хотя бы для того, чтобы защищать свою репутацию.

Лэди Тизл. В таком случае, поторопитесь, иначе будет поздно. До свидания. (Уходит.)

Сэр Питер. Нечего сказать — много я выиграл своими наставлениями! Однако, как очаровательно противоречит она каждому моему слову и как мило высказывает свое презрение к моей власти. Что ж, пусть я не могу заставить ее любить меня, но зато какое это удовольствие — ссориться с ней! И мне кажется, она никогда не бывает так хороша, как в такие минуты, когда она старается всячески мучить меня. (*Уходит.*)

СЦЕНА II

Комната в доме лэди Снируэл.

Лэди Снируэл, м-с Кэндэр, Крэбтри, сэр Бэнджамэн Бэкбайт и Джозэф Сэрфэс.

Лэди Снируэл. Нет, мы непременно хотим ее услышать!

Джозэф Сэрфэс. Да, да, эпиграмму! Непременно!

Сэр Бэнджамэн. Да ну ее... Это просто пустяк!

Крэбтри. Нет, нет; ей-богу, для экспромта это очень умно.

Сэр Бэнджамэн. Но тогда прежде всего вам следует познакомиться с обстоятельствами дела. В один прекрасный день на прошлой неделе лэди Бэтти Кэррикл¹ пускала пыль в глаза в Гайд-Парке своим миниатюрнейшим фаэтоном; она увидела меня и попросила написать

¹ «Кэррикл» — двухколесный экипаж.

стихи в честь ее пони. Я вынул мою записную книжку и в один момент написал следующее:

Ничьи еще пони меня так не трогали:
Другие, как хамы, а эти, как щеголи.
Никто не оспорит моей правоты:
Так стройны их ноги и длинны хвосты.

К р э б т р и. Вот, лэди, написал — как хлыстом, а? И вдобавок — сидя верхом на лошади!

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ну, сэр Бэнджамэн, вы — прямо-таки Феб верхом на Пегасе!

С э р Б э н д ж а м э н. Что вы, сэр! Это такие пустяки!

М-с К э н д э р. Я должна получить копию.

Входят лэди Тизл и Мария.

Л э д и С н и р у э л. Лэди Тизл, надеюсь, мы увидим сэра Питера?

Л э д и Т и з л. Я думаю, он сейчас явится засвидетельствовать свое почтение вашему сиятельству.

Л э д и С н и р у э л. Мария, душа моя, вы что-то не в духе. Сядьте-ка за пикет с м-ром Сэрфэсом.

М а р и я. Я не люблю карт; впрочем, если вам угодно — пожалуйста.

Л э д и Т и з л *(в сторону)*. Странно будет, если м-р Сэрфэс усядется с нею... Я думала, он воспользуется случаем поговорить со мной до прихода сэра Питера.

М-с К э н д э р. Ох, умру от смеха! Вы невозможны, я отказываюсь говорить с вами!

Л э д и Т и з л. В чем дело, м-с Кэндэр?

М-с Кэндэр. Они не хотят признать красавицей нашего друга, мисс Вермильон.¹

Лэди Снируэл. Ну, конечно, она хорошенькая женщина.

Крэбтри. Очень рад, что вы так думаете.

М-с Кэндэр. У нее очаровательно свежий цвет лица.

Лэди Тизл. Да, когда она свеже-накрашена.

М-с Кэндэр. Фу! Я чем угодно ручаюсь, что у нее естественный румянец: я видела, как он появлялся и исчезал.

Лэди Тизл. Весьма возможно, милэди: он исчезает на ночь и появляется по утрам.

Сэр Бэнджамэн. Да, да, он не только появляется и исчезает, но, что еще более удивительно, горничная может его принести и унести обратно.

М-с Кэндэр. Ха, ха, ха! Я ненавижу, когда вы так говорите! Но вот ее сестра — так это уж настоящая красавица — или была красавицей.

Крэбтри. Кто? М-с Эвергрин?² О боже, да ей пятьдесят шесть лет!

М-с Кэндэр. Нет, положительно вы несправедливы к ней; ей пятьдесят два, или пятьдесят три — в крайнем случае, и я не думаю, чтобы она казалась старше.

Сэр Бэнджамэн. А ее лицо — вы видели?

Лэди Снируэл. Ну, что там... Если м-с Эвергрин и старается исправить кое-что поврежденное временем, то вы должны согласиться,

¹ «Вермильон» — румяна.

² «Эвергрин» — вечнозеленая.

что она это делает с большим искусством; и, конечно, это лучше, чем конопатить свои морщины так небрежно, как это делает вдова Охр.¹

Сэр Бэнджамэн. Нет, лэди Снiruэл, вы слишком строги к бедной вдове. Не то, чтобы она плохо владела красками — нет! — но, закончив отделку лица, она так неумело соединяет его с шеей, что становится похожа на реставрированную статую, и знаток сразу видит, что голова новая, а туловище — древнее.

Крэбтри. Ха, ха, ха! Хорошо сказано, племянник!

М-с Кэндэр. Ха, ха, ха! Как вы меня смешите, я просто ненавижу вас за это! Что вы думаете о мисс Симпэр?²

Сэр Бэнджамэн. Что ж, у нее очень хорошие зубы.

Лэди Тизл. Да, и потому, когда она не болтает или не смеется (а это бывает очень редко), она оставляет рот полуоткрытым, вот так. *(Показывает свои зубы.)*

М-с Кэндэр. Можно ли быть такой злой?

Лэди Тизл. Все же это лучше, чем старания м-с Прим³ скрыть потерю передних зубов. Она так стягивает свой рот, что он становится похож на отверстие кружки для сбора подаяний, и тогда она цедит сквозь зубы: «Как поживаете, сударыня? Да, сударыня». *(Передразнивает.)*

Лэди Снiruэл. Отлично, лэди Тизл; вижу, что и вы тоже можете быть довольно жестокой.

¹ «Охр» — охра.

² «Симпэр» — от глагола to simmer — скалить зубы.

³ «Прим» — жеманница.

Лэди Тизл. Когда защищаешь друга, быть жестокой — это только справедливо. Ах, сюда идет сэр Питер; испортит он наше веселье!

Входит сэр Питер Тизл.

Сэр Питер. Лэди, мое вам низжайшее... *(В сторону.)* Господи, помилуй: вся шайка в сборе! Стало быть, каждое слово убивает чью-нибудь репутацию...

М-с Кэндэр. Я рада, что вы пришли, сэр Питер. Они тут прохаживались насчет слабостей ближних, и лэди Тизл несколько не лучше других.

Сэр Питер. Вам это, конечно, было очень неприятно, м-с Кэндэр.

М-с Кэндэр. О, они ни в ком не хотят видеть ничего хорошего; они отрицают даже доброту нашего друга, м-с Пэрси.¹

Лэди Тизл. А-а, этой жирной вдовы, что вчера вечером была у м-с Куодрил?²

М-с Кэндэр. Толщина — это ее несчастье; и если она так силится похудеть, вы не должны за это нападать на нее.

Лэди Снируэл. Совершенно верно.

Лэди Тизл. Да, я знаю, она живет только уксусом и сывороткой, шнуруется с помощью блоков, и часто в самую жару в полдень вы можете увидеть ее в манеже на коренастом пони: причесанная как барабанщик, она пыхтит полным ходом.

¹ «Пэрси» — толстуха.

² «Куодрил» — кадрили.

М-с Кэндэр. Благодарю вас, лэди Тизл, что вы так ее защищаете.

Сэр Питер. Хороша защита, нечего сказать!

М-с Кэндэр. Оказывается, лэди Тизл критикует не хуже, чем мисс Саллоу.¹

Крэбтри. Да, но любопытно, что мисс Саллоу позволяет себе критиковать других: чем сама-то она может похвастать — эта неуклюжая дура?

М-с Кэндэр. Вы не должны осуждать ее так строго. Мисс Саллоу близкая мне родственница по мужу, и я требую снисходительности к ней. К тому же, позвольте сказать вам, это очень нелегкое дело — стараться быть девушкой не старше тридцати шести лет.

Лэди Снирул. Но, конечно, она все-таки еще красива. Глаза, правда, слабоваты, но если вспомнить, как она много читает при свечах, так это неудивительно.

М-с Кэндэр. Ну да, конечно. А что касается ее манер, то, честное слово, я считаю их поразительно изящными, если вспомнить, что она не получила никакого воспитания: вы ведь знаете — ее мать была модисткой из Уэльса, а отец был кондитером в Бристоле.

Сэр Бэнджамэн. Ах, вы обе слишком добры!

Сэр Питер (в сторону). Да, чертовски добры! И это про свою же родственницу! Помилуй мя, боже!

М-с Кэндэр. Что касается меня, то, право,

¹ «Саллоу» — желтая.

я терпеть не могу, чтобы дурно говорили о моих друзьях.

Сэр Питер. Ну, ясно!

Сэр Бенжамэн. Да, у вас есть эта склонность к морали. М-с Кэндэр и я можем часами сидеть и слушать, как лэди Стэкко¹ говорит о нравственности.

Лэди Тизл. А с лэди Стэкко приятно посидеть за десертом после обеда; она похожа на французские конфеты, которые берешь ради надписей на них: она вся состоит из живописи и изречений.

М-с Кэндэр. Нет, а вот я так не люблю смеяться над моими друзьями; я постоянно напоминаю об этом моей кузине Огл² — вы знаете ее претензию быть знатоком красоты.

Крэбтри. Ну, конечно: у нее физиономия на редкость странная: это — целая коллекция, собранная из разных частей света.

Сэр Бенджамэн. Да, да: у нее ирландский лоб...

Крэбтри. Каледонские волосы...

Сэр Бенджамэн. Голландский нос...

Крэбтри. Австрийские губы...

Сэр Бенджамэн. Цвет лица испанский...

Крэбтри. Зубы китайские...

Сэр Бенджамэн. Одним словом, ее лицо похоже на *table d'hôte* в Спа,³ где не найдется и двух человек одной нации...

Крэбтри. Или на конгресс, по окончании мировой войны: все участники конгресса, вклю-

¹ «Стэкко» — штукатурка.

² «Огл» — делать глазки.

³ Спа — курорт в Бельгии.

чительно до глаз, смотрят в разные стороны, и только у подбородка и носа замечается склонность к сближению.

М-с Кэндэр. Ха, ха, ха!

Сэр Питер (в сторону). Господи, помилуй и защити! И это говорится про женщину, у которой они обедают дважды в неделю!

М-с Кэндэр. Нет, право, нельзя так насмехаться над людьми. Позвольте мне сказать, что м-с Огл...

Сэр Питер. Простите, сударыня, но я думаю, что застопорить языки у этих джентльменов вам не удастся. Впрочем, если я скажу вам, м-с Кэндэр, что лэди, на которую они нападают, мой близкий друг, то, надеюсь, вы не станете на ее сторону.

Лэди Снирүэл. Ха, ха, ха! Отлично сказано, сэр Питер. Однако вы жестокое создание: вы сами слишком флегматичны, чтоб шутить, и слишком раздражительны, чтобы допускать остроумие в других.

Сэр Питер. Ах, сударыня, истинное остроумие гораздо ближе к добродушию, чем вы это полагаете.

Лэди Тизл. Вот это верно, сэр Питер; по моему, они даже в таком близком родстве, что им никак нельзя вступить в брак.

Сэр Бэнджамэн. Или, вернее, назовите их мужем и женой, потому что их редко видишь вместе.

Лэди Тизл. Во всяком случае, сэр Питер такой враг злословия, что не прочь бы запретить его парламентским законом.

Сэр Питер. Клянусь богом, если к охоте

за чужими репутациями относились бы так же серьезно, как к охоте за дичью в чужих поместьях, и провели бы билль об охране репутаций, так же как и дичи, так многие бы поблагодарили бы их за это.

Лэди Снируэл. Бог мой! Сэр Питер, да вы хотите лишить нас наших привилегий?

Сэр Питер. Да, хочу; только признанным старым девам и разочарованным вдовам можно разрешить это занятие: убивать честные имена и губить репутации.

Лэди Снируэл. Молчите, чудовище!

М-с Кэндэр. Но, конечно, вы не были бы так строги к тем, кто только передает слухи?

Сэр Питер. Нет, сударыня, к ним я бы применил «коммерческий» закон: во всех случаях, когда пойдет в обращение сплетня, а того, кто ее выпустил, нельзя найти, — оскорбленные стороны имеют право начать иск против посредников клеветы.

Крэбтри. Ну, а по-моему, нет слухов без основания.

Лэди Снируэл. А что, господа, не сесть ли нам за карты в соседней комнате?

Входит слуга и что-то шепчет сэру Питеру.

Сэр Питер. Я сейчас буду у них. (Слуга уходит.) (В сторону.) Уйду тайком.

Лэди Снируэл. Как, сэр Питер, вы хотите уйти?

Сэр Питер. Ваше сиятельство должны извинить меня; меня вызывают по важному делу. Но я оставляю вам свою репутацию. (Уходит.)

Сэр Бэнджамэн. Лэди Тизл, ваш супруг — странное существо: не будь он вашим мужем, я рассказал бы вам о нем несколько историй, которые заставили бы вас от души посмеяться.

Лэди Тизл. О, пожалуйста, не стесняйтесь; дайте нам возможность услышать их.

Все уходят, кроме Джозэфа Сэрфэса и Марии.

Джозэф Сэрфэс. Мария, я вижу, вас не удовлетворяет это общество?

Мария. Разве могло бы быть иначе? Если ум и юмор выражаются только в том, чтобы издеваться над слабостями или несчастьями тех, кто нам ничего дурного не сделал, то уж я скорее согласна получить от бога двойную порцию глупости.

Джозэф Сэрфэс. Впрочем, они кажутся злее, чем в действительности; сердце у них доброе.

Мария. Тем презренней их поведение; простить невоздержанность языка можно только человеку, не владеющему собою и злобному по натуре.

Джозэф Сэрфэс. Вы правы; и по-моему распустить злостную сплетню от нечего делать — это еще подлее, чем оклеветать из мести. Но отчего, Мария, вы так добры к другим и строги только ко мне одному? Неужели я должен бросить всякую надежду?

Мария. Опять вы начинаете все о том же — вы хотите довести меня до отчаяния?

Джозэф Сэрфэс. Ах, Мария! Вы не были бы так жестоки со мной и не противились

бы воле сэра Питера — вашего опекуна, если бы не этот беспутный Чарльз: я вижу, он — мой счастливый соперник.

Мария. Ну, вы не слишком-то великодушны! Все равно, каковы мои чувства к нему. Но вы можете быть уверены: то, что его несчастья оттолкнули от него даже родного брата, — это не заставит меня отказаться от бедного Чарльза.

Джозэф Сэрфэс. Нет, Мария, не уходите от меня в таком гневе! Честью вам клянусь... *(Становится на колени.)*

Сзади них показывается лэди Тизл.

Джозэф Сэрфэс *(в сторону)*. Чорт возьми... лэди Тизл! *(К Марии.)* Вы не должны, нет, вы не сделаете этого... ведь хотя я и питаю глубочайшее уважение к лэди Тизл...

Мария. К лэди Тизл?

Джозэф Сэрфэс. Однако, если сэр Питер заподозрит...

Лэди Тизл *(выходя вперед, про себя)*. Что это такое, скажите, пожалуйста? Не принимает ли он ее за меня? Дитя мое, вас ждут в той комнате. *(Мария уходит.)* Что все это значит, скажите, пожалуйста?

Джозэф Сэрфэс. Пренеприятная история! Мария каким-то образом заметила мою нежную заботливость о вашем счастье и грозила все рассказать сэру Питеру. Вы вошли как раз в ту минуту, когда я старался убедить ее, чтобы она...

Лэди Тизл. Вот как? Какой у вас, однако,

нежный способ убеждать... И что же — это вы всегда так убеждаете, стоя на коленях?

Д ж о з э ф С э р ф э с. О, она совсем еще ребенок, и я думал, что немного пафоса... Но, лэди Тизл, когда же вы соберетесь познакомиться с моей библиотекой, как вы обещали?

Л э д и Т и з л. Нет, нет; я начинаю думать, что это было бы неблагоприятно... Вы знаете, я допускаю ваши ухаживания лишь настолько, насколько этого требует мода.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Да, правда... Я самый платонический вздыхатель, с каким приходилось иметь дело женщинам.

Л э д и Т и з л. Конечно, нельзя отставать от моды. Я уже бросила столько провинциальных привычек, что сколько бы сэр Питер ни мучил меня своими капризами, они не доведут меня до...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Единственного доступного для вас способа мести. Превосходно! Я аплодирую вашей скромности!

Л э д и Т и з л. Молчите! — вы опасный человек. Но нас, пожалуй, могут хватиться — идемте туда, где все остальные.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Нам лучше бы идти туда порознь.

Л э д и Т и з л. Хорошо. Но только вам незначем оставаться здесь: Мария уже больше не придет сюда слушать ваши увещания — за это я вам ручаюсь. *(Уходит.)*

Д ж о з э ф С э р ф э с. Да, в курьезное положение попал я со своей политикой! Я хотел войти в милость у лэди Тизл, только чтоб она не стала моим врагом вместе с Марией — и вот,

сам не знаю как, попал в ее обожатели. Говоря откровенно, я начинаю жалеть, что так старался приобрести безукоризненную репутацию: это запутало меня в такую сеть интриг, что я боюсь, как бы в конце концов меня не вывели на свежую воду. (*Уходит.*)

СЦЕНА III

Комната в доме сэра Питера.

Входят сэр Оливер Сэрфэс и Раули.

Сэр Оливер. Ха, ха, ха! Так мой старый приятель женат, а? Молодая жена из деревни? Ха, ха, ха! Долго крепился старый холостяк, а в конце-концов все-таки увяз в браке!

Раули. Не годится шутить над ним, сэр Оливер; уверяю вас — это его больное место, хоть он женат всего семь месяцев.

Сэр Оливер. Значит, уже полгода, как он начал отбывать наказание. Бедный Питер! Но вы говорите, что он совершенно отступился от Чарльза и больше не видится с ним, а?

Раули. У сэра Питера прямо странное предубеждение против Чарльза. По-моему он ревнует его к лэди Тизл, причем эту ревность в нем очень искусно вызвали наши соседи-сплетники; они немало прибавили дурной славы Чарльзу. А все дело в том, что если лэди и равнодушна к одному из братьев, так именно к Джозэфу.

Сэр Оливер. Да, это я знаю: здесь целая шайка злых клеветников и благожелательных

сплетников, которые убивают репутации, чтобы только убить время, и еще не успеет человек оценить, что значит доброе имя, как он уже его потерял. Но этим господам не вооружить меня против моего племянника, это уж будьте уверены. Нет, нет; если Чарльз не сделал ничего бесчестного или низкого, я готов простить ему все сумасбродства.

Раули. Если так, то я жизнью ручаюсь, что вы его обратите на путь истинный! Ах, сэр, я воскресаю: я вижу, что ваше сердце не отворотилось от него. У сына моего доброго господина остался все-таки друг.

Сэр Оливер. Да неужели я могу забыть, мистер Раули, каким я сам был в его годы? Ей-богу, и мой брат, и я — мы были не слишком-то благоразумными юношами; и все же я думаю, вы немного людей видели лучше своего старого господина.

Раули. Сэр, именно это и дает мне уверенность, что Чарльз может восстановить честь своей семьи. Но сюда идет сэр Питер...

Сэр Оливер. Да, идет... Боже праведный, до чего он изменился! Окончательно женатый человек, у него на лице написано, что он супруг — это видно за версту.

Входит сэр Питер Тизл.

Сэр Питер. А, сэр Оливер — старый дружище! С приездом в Англию!

Сэр Оливер. Спасибо, спасибо, сэр Питер. Честное слово, я рад видеть вас в добром здравьи.

Сэр Питер. Ну, давненько мы не видались — пятнадцать лет: даже не верится, сэр Оливер! За это время много было всяких огорчений...

Сэр Оливер. Да, и у меня тоже. Но это что! А вот вы, оказывается, женаты, а, старина? Ну, этому уж не поможешь, так что значит — поздравляю вас от всего сердца.

Сэр Питер. Спасибо, спасибо, сэр Оливер! Да, попал я в... в... рай... Но не стоит сейчас говорить об этом!

Сэр Оливер. Верно, верно, сэр Питер, не годится старым друзьям при первой же встрече начинать с жалоб.

Раули (*тихо — сэру Оливеру*). Будьте осторожны, сэр, умоляю вас.

Сэр Оливер. Так, стало быть, один из моих племянников — беспутный кутила?

Сэр Питер. Ах, старый друг, грустно думать мне, как вы разочаруетесь в нем! Он — погибший человек. Но за Чарльза вас вознаградит его брат, Джозэф: это — действительно образцовый юноша; весь свет о нем хорошо говорит.

Сэр Оливер. Очень прискорбно это слышать: у него слишком хорошая репутация, чтобы он оказался честным малым. Весь свет о нем хорошо говорит! Это значит, он кланялся одинаково низко и мудрецам, и дуракам, и мерзавцам, и честным людям.

Сэр Питер. Как, сэр Оливер? Неужели вы ставите ему в вину, что он не нажил себе врагов?

Сэр Оливер. Да, если он человек порядочный, то он заслуживает врагов.

Сэр Питер. Ну, хорошо; вы не будете так думать, когда узнаете его. Говорит он так назидательно, выказывает такие благородные чувства!

Сэр Оливер. К чорту его чувства! Если он встретит меня с объедками морали во рту, меня сразу стошнит. Поймите меня, сэр Питер: я и не думаю защищать ошибок Чарльза; но прежде чем составить мнение о каждом из братьев, я собираюсь сделать испытание их сердцу. Я и приятель мой Раули кое-что придумали для этой цели.

Раули. Сэр Питер хоть раз в жизни должен будет узнать, что он ошибался.

Сэр Питер. О, я жизнью ручаюсь за Джо-зэфа!

Сэр Оливер. Ладно, идем, поставьте нам бутылку доброго вина, выпьем за здоровье этих ребят, и мы объясним вам наш план.

Сэр Питер. Идем, идем.

Сэр Оливер. И не будьте вы, сэр Питер, так строги к сыну своего старого приятеля. Чорт побери! Не беда по-моему, что он немного вышел из колеи; что касается меня, так я терпеть не могу, когда благоразумие уродует зеленые побеги юности: оно похоже на плющ, который обвивается вокруг молодого деревца и мешает ему расти. *(Уходят.)*

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I

*Комната в доме сэра Питера.
Входят сэр Питер Тизл, сэр Оливер Сэрфэс и
Раули.*

Сэр Питер. Ну, так мы сперва посмотрим на него, а за вино сядем после. Но как же так, мистер Раули? Я все еще не уразумел, в чем суть вашего плана?

Раули. А видите ли, сэр, этот мистер Стэнли, о котором я говорил, — близкий их родственник по матери. Он был когда-то купцом в

Дублине, но разорился после ряда несчастных случайностей. Когда его арестовали, он обратился письменно к обоим, к м-ру Сэрфэсу и к Чарльзу; от первого он не получил ничего, кроме уклончивых обещаний, а Чарльз сделал все, что мог. Как раз теперь Чарльз старается занять у кого-нибудь денег, и часть их, несмотря на собственное отчаянное положение, он намерен отдать бедному Стэнли.

Сэр Оливер. А! Ну, Чарльз — сын моего брата.

Сэр Питер. Хорошо, но как же может сэр Оливер лично...

Раули. А вот как: я извещу братьев, что Стэнли добился разрешения лично обратиться к своим друзьям. Ни Джозэф, ни Чарльз никогда не видали этого Стэнли, так пусть сэр Оливер и назовется им. Вот и представится прекрасный случай судить об их характерах. И поверьте мне, сэр, в младшем брате вы найдете человека, у которого, несмотря на все его сумасбродство и беспутство, по выражению нашего поэта,

... и сердце, и рука

Для чистого открыты состраданья.

Сэр Питер. Гм... что из этого, что у него щедрая рука, если давать-то нечего? Производите, производите свои испытания, сколько угодно. Но где же этот человек, который должен рассказать сэру Оливеру о положении дел Чарльза?

Раули. Внизу, ждет приказаний. Он даст самые верные сведения. Это, сэр Оливер, до-

брейший еврей; и он, надо отдать ему справедливость, сделал с своей стороны все возможное, чтобы показать вашему племяннику его поступки в истинном свете.

Сэр Оливер. Пожалуйста, распорядитесь позвать его сюда.

Раули (*говорит в дверь слуге*). Попроси войти м-ра Мозеса

Сэр Питер. Но, скажите, пожалуйста, с какой ему стати говорить правду?

Раули. О, я убедил его, что он может получить кое-какие долги с Чарльза только чрез сэра Оливера, о приезде которого ему известно; значит, не лгать — в его интересах. В моих руках есть еще и другой свидетель, некий Снэйк; я накрыл его в одном деле, очень смахивающем на подлог; он рассеет ваши, сэр Питер, подозрения относительно Чарльза и лэди Тизл.

Сэр Питер. Про это я уж столько слышал, что с меня довольно.

Раули. Вот и честнейший сын Израиля пожаловал. (*Входит Мозес.*) Сэр Оливер здесь.

Сэр Оливер. Сэр, как мне известно, у вас за последнее время были серьезные дела с моим племянником Чарльзом?

Мозес. Да, сэр Оливер, я сделал все, что мог для него; но он был разорен раньше, чем обратился ко мне за помощью.

Сэр Оливер. Не повезло вам; значит, вам не пришлось показать свой талант?

Мозес. Нет, я имел удовольствие услышать об его несчастиях не раньше, чем он задолжал безнадежно несколько тысяч фунтов.

Сэр Оливер. Какая неудача! Все-таки, я полагаю, вы сделали для него все, что было в вашей власти, почтенный Мозес?

Мозес. Да, и он это знает. Как раз сегодня вечером я должен был привести к нему джентльмена из Сити, который мог дать ему денег в долг, потому что он еще не имел дела с м-ром Чарльзом.

Сэр Питер. Как? Нашелся человек, у которого Чарльз ни разу не занял денег?

Мозес. Да, некто м-р Премиум,¹ с улицы Крэчд-Фрайарс, бывший маклер.

Сэр Питер. Сэр Оливер, блестящая идея, ей-богу! Вы говорите, Чарльз не знает м-ра Премиум?

Мозес. Нет, не знает.

Сэр Питер. Вот вам, сэр Оливер, и случай удовлетворить свое любопытство, случай куда более удобный, чем старая романическая сказка про бедного родственника: ступайте с моим другом Мозесом и разыгрывайте роль м-ра Премиум; тогда вы увидите племянника в полном блеске.

Сэр Оливер. Эта мысль мне больше по вкусу, а Джозэфа я могу посетить потом в качестве старого Стэнли.

Сэр Питер. Верно, так будет хорошо.

Раули. Ну, это значит поставить Чарльза в невыгодные для него условия. Но все равно: Мозес, вы поняли сэра Питера и вы не измените нам?

¹ «Премиум» — премия, награда.

Мозес. Можете на меня положиться. (Смотрит на свои часы.) Я собирался зайти к м-ру Чарльзу именно в это время.

Сэр Оливер. Ну, Мозес, я готов идти с вами — хоть сейчас. Пойдите, об этом я и забыл совсем: как, черт возьми, мне сойти за еврея?

Мозес. В этом нет надобности: м-р Премиум — христианин.

Сэр Оливер. Да что вы? Очень жаль. А вот еще вопрос: не слишком ли я нарядно одет для кредитора?

Сэр Питер. Нисколько. Если б вы приехали в собственной карете, даже и это не испортило бы роли, — правда, Мозес?

Мозес. Истинная правда.

Сэр Оливер. Но как я должен говорить? Ведь у ростовщиков, наверное, есть свой жаргон, свои методы в разговоре, — мне все это надо знать.

Сэр Питер. О, тут нечему учиться! Главное — предъявлять непомерные требования. Так, Мозес?

Мозес. Да, это самое главное.

Сэр Оливер. Ладно. На это меня хватит, ручаюсь. Я потребую с него процентов восемь или десять, не меньше.

Мозес. Если вы потребуете только это, вас сейчас же узнают.

Сэр Оливер. О, черт побери! Сколько же надо?

Мозес. Это зависит от обстоятельств. Если вам покажется, что он не очень нуждается в деньгах, вам следует потребовать только со-

рок или пятьдесят процентов; но если он в очень трудном положении, можете спросить вдвое.

Сэр Питер. Хорошему ремеслу вы учитесь, сэр Оливер!

Сэр Оливер. Да, и не безвыгодному.

Мозес. Затем, видите ли, у вас у самого денег нет, и вы должны занять их для м-ра Чарльза у своего приятеля.

Сэр Оливер. А, занять их у приятеля... Так, так!

Мозес. А ваш приятель — бессовестный пес, но вы уж тут не при чем.

Сэр Оливер. Мой приятель — бессовестный пес? Так, так!

Мозес. Да, у него наличных денег тоже нет, и поэтому он должен продать свои ценные бумаги с большим убытком.

Сэр Оливер. Должен продать бумаги и с большим убытком? Это, знаете, очень любезно с его стороны.

Сэр Питер. Ну, сэр Оливер... то бишь — м-р Премиум — скоро вы будете мастером своего дела. А что, Мозес, не заставить ли его пройтись насчет закона о процентах? По-моему, это подошло бы к его роли.

Мозес. И даже очень.

Раули. А если еще упомянуть, что теперь молодой человек должен стать совершеннолетним, прежде чем ему позволят разориться: разве это не обидно?

Мозес. Да, очень обидно!

Сэр Питер. А если еще обругать тех, кто одобряет такой закон? Вы только подумайте:

единственная цель его—вырвать из лап ростовщиков несчастных и неосторожных молодых людей и дать им возможность получить наследство еще не совсем растраченным!

Сэр Оливер. Так, так... Дальнейшие инструкции Мозес даст мне дорогой.

Сэр Питер. Ну, времени для этого у вас будет немного: ваш племянник живет совсем близко.

Сэр Оливер. О, не беспокойтесь, у меня, повидимому, такой талантливый учитель, что, живи Чарльз хоть рядом, я стану совершенным мошенником, прежде чем мы завернем за угол. *(Уходят с Мозесом.)*

Сэр Питер. Уж теперь-то, я думаю, сэр Оливер узнает истину: ведь вы, Раули, пристрастны к Чарльзу и могли предупредить его о первом своем плане.

Раули. Нет, честное слово, сэр Питер!

Сэр Питер. Хорошо, ступайте, приведите ко мне этого Снэйка. Послушаем, что он скажет. А, я вижу — идет Мария; мне надо поговорить с ней. *(Раули уходит.)* С какой бы я радостью убедился, что мои подозрения относительно лэди Тизл и Чарльза не основательны. Я ни разу еще не говорил об этом с моим другом Джозэфом. Решено: сделаю это, а он чистосердечно скажет мне свое мнение.

Входит Мария.

Сэр Питер. Ну, что, дитя мое, м-р Сэрфэс вернулся с вами?

Мария. Нет, сэр; его задержали.

Сэр Питер. Вот что, Мария: вам все чаще приходится беседовать с этим милым молодым человеком, неужели вы еще не видите, какой награды заслуживает его склонность к вам?

Мария. Знаете, сэр Питер, вы меня приводите в отчаяние вашими постоянными разговорами об этом. Вы заставляете меня сказать вам, что среди моих поклонников нет человека, которого я не предпочла бы м-ру Сэрфэсу.

Сэр Питер. Какая испорченность! Нет, нет, Мария, вы предпочли бы одного: Чарльза. Это ясно. Его пороки и безумства покорили ваше сердце.

Мария. Это жестоко, сэр. Вы знаете, я послушалась вас, я не вижусь и не переписываюсь с ним: я уж довольно наслышалась о нем и теперь убедилась, что он не стоит моего внимания. Но все-таки, разве это преступление, что мое сердце жалеет его за его несчастья, хотя умом я строго его осуждаю?

Сэр Питер. Хорошо, хорошо, жалеете его, сколько вам угодно, но руку и сердце отдайте более достойному.

Мария. Только не его брату!

Сэр Питер. Вы испорчены и упрямы. Но берегитесь, мисс, вы до сих пор не знали еще, что такое власть опекуна, — и лучше не заставляйте меня показать вам ее.

Мария. Я могу только сказать, что вы будете неправы. Правда, по желанию моего отца, я некоторое время обязана смотреть на вас как на его заместителя; но я обязана перестать считать вас им, если вы вздумаете сделать меня несчастной. (Уходит.)

Сэр Питер. Ну, у кого может быть столько неприятностей, как у меня? Все будто стоворились меня злить. И двух недель не прошло со времени моего брака, как умер ее отец, здоровый и крепкий человек, — умер, по моему, единственно ради удовольствия помучить меня хлопотами о его дочке. (*Лэди Тизл поет за сценой.*) Однако сюда идет моя супруга. Она, повидимому, в хорошем настроении. Как бы я был счастлив, если б мог внушить ей хоть немного любви ко мне!

Входит лэди Тизл.

Лэди Тизл. Господи, сэр Питер, надеюсь, вы не ссорились с Марией? Нехорошо с вашей стороны сердиться, когда меня нет при этом.

Сэр Питер. Ах, лэди Тизл, привести меня в хорошее настроение — это всегда в вашей власти.

Лэди Тизл. Конечно! Этого я и хочу: мне надо, чтобы вы сейчас были в очаровательном настроении. Развеселитесь же и дайте мне двести фунтов; дадите?

Сэр Питер. Двести фунтов! Как будто бы я не могу быть веселым бесплатно! Впрочем, стоит вам только говорить со мной вот так, как теперь, и тогда для меня нет ничего, в чем бы я мог вам отказать. Вы получите деньги, а в награду соблаговолите приложить печать к нашему договору.

Лэди Тизл. О, нет... вот вам — рука, этого довольно. (*Подносит к его губам руку.*)

Сэр Питер. И вы не станете больше упрекать меня за то, что я не выделяю вам самостоятельного капитала. Я скоро сделаю вам сюрприз, только всегда ли мы будем так жить, а?

Лэди Тизл. Если хотите — всегда. Я ничего не имею против того, чтобы прекратить наши ссоры, если вы только сознаетесь, что вам первому это надоело.

Сэр Питер. Хорошо, значит, теперь мы будем состязаться во взаимной уступчивости?

Лэди Тизл. Уверяю вас, сэр Питер: доброе настроение вам очень к лицу. Вы теперь похожи на прежнего сэра Питера до нашей свадьбы, когда вы бывало гуляли со мною под вязами и рассказывали мне, каким вы были щеголем в юности, и брали меня за подбородок, и спрашивали, не люблю ли я старика, который мне ни в чем не будет отказывать, так ведь?

Сэр Питер. Да, да, и вы были так нежны, так внимательны...

Лэди Тизл. Да, конечно, и я всегда принимала вашу сторону, когда мои знакомые дурно говорили о вас и поднимали вас насмех.

Сэр Питер. В самом деле?

Лэди Тизл. Да, и когда моя кузина Софи называла вас брюзгой и старым холостяком и смеялась над моей затеей — выйти замуж за человека, который годится мне в отцы, я всегда вас защищала и говорила, что вовсе не считаю вас таким противным.

Сэр Питер. Спасибо вам.

Лэди Тизл. И я даже говорила, что из вас выйдет очень хороший муж.

Сэр Питер. Ваше предсказание было справедливо; и мы теперь будем счастливейшей парой...

Лэди Тизл. И никогда не станем ссориться?

Сэр Питер. Никогда! Но все же, дорогая моя лэди Тизл, вы должны очень серьезно следить за своим характером; ведь во всех наших маленьких столкновениях, припомните-ка, моя дорогая, вы всегда были зачинщицей.

Лэди Тизл. Извините, дорогой мой сэр Питер, — это вы всегда начинали первый.

Сэр Питер. Ну, вот видите, мой ангел! Будьте осторожны: противоречие никак не помогает дружбе.

Лэди Тизл. Ну, что, мой любимый, разве не вы начинаете первый?

Сэр Питер. Вот опять пошла! Вы не замечаете, душа моя, что делаете именно то, что, знаете ли, всегда меня сердит.

Лэди Тизл. Да, но, знаете, дорогой мой, если вы будете сердиться без всякой причины...

Сэр Питер. Значит, вам опять хочется поссориться?

Лэди Тизл. Нет, мне не хочется, но если вы будете таким брюзгой...

Сэр Питер. Ну, кто же начинает?

Лэди Тизл. Да вы, вы же, конечно. Я ничего такого не говорила, но у вас невыносимый характер.

Сэр Питер. Нет, нет, сударыня; вините свой собственный характер.

Лэди Тизл. А, значит, вы как раз и есть то, что про вас говорила кузина Софи.

Сэр Питер. Ваша кузина Софи — наглая, дерзкая вертушка.

Лэди Тизл. Вы — грубиян! Не смейте бранить моих родственников!

Сэр Питер. Ну, если я еще когда-нибудь попытаюсь мириться с вами, пусть меня вдвое скрючит эта чума, именуемая браком!

Лэди Тизл. Если скрючит — тем лучше!

Сэр Питер. Нет, нет, сударыня! Теперь ясно: вы никогда даже вот настолько не думали обо мне, и я был сумасшедший, когда женился на вас — дерзкой деревенской кокетке, которая отказала половине честных сквайров-соседей.

Лэди Тизл. И мне тоже ясно: какая я была дура, что пошла за вас — старого волокиту-холостяка, который до пятидесяти лет не женился только потому, что никто не шел за него.

Сэр Питер. Ладно, ладно! Однако вам было довольно приятно слушать меня: таких женихов, как я, у вас никогда не было.

Лэди Тизл. Не было? А разве не отказала я сэру Тиви Тэрьеру? ¹ Уж он-то был бы партией получше, — это все говорили. Имение его было не хуже вашего, и он сломал себе шею после нашей свадьбы.

Сэр Питер. Между нами, сударыня, все кончено! Вы бесчувственная, неблагодарная... Но всему есть конец! Я считаю вас способной на всякую мерзость... Да, сударыня, я теперь верю слухам относительно вас и Чарльза, сударыня. Да, сударыня, про вас и Чарльза не без оснований...

¹ «Тэрьер» — такса (собака).

Лэди Тизл. Берегитесь, сэр Питер! Лучше бы вы не намекали на такие вещи! Впредь вы не будете подозревать меня без причины, — это я вам могу обещать.

Сэр Питер. Очень хорошо, сударыня, очень хорошо! Разъедемся хоть сию минуту, если вам угодно. Да, сударыня, или даже — разведемся. Я дам собою благой пример всем старым холостякам. Разведемся, сударыня.

Лэди Тизл. Я согласна, я согласна. Вот, дорогой мой сэр Питер, мы опять пришли к согласию, мы можем стать счастливой парой и никогда не ссориться... ха, ха, ха! Ну, вы, я вижу, собираетесь опять рассердиться, и я вам только помешаю — прощайте, прощайте! (*Уходит.*)

Сэр Питер. Мука, пытка! Неужели я не могу ее рассердить? О, я несчастнейший человек! Но я не потерплю, чтобы она была спокойна: нет, пусть она разобьет мне сердце, но она не смеет быть спокойной. (*Уходит.*)

СЦЕНА II

Комната в доме Чарльза Сэрфэса.

Входят Трип, Мозес и сэр Оливер Сэрфэс.

Трип. Сюда, мистер Мозес! Если вы подождете немного, я попытаюсь... Как зовут джентльмэна?

Сэр Оливер (*тихо — Мозесу*). М-р Мозес, как мое имя?

Мозес. М-р Премиум.

Трип. Премиум — отлично! (*Нюхая табак, уходит.*)

Сэр Оливер. Ну, слуги не производят впечатления, что хозяин разорен. Но позвольте? Ведь это дом моего брата?

Мозес. Да, сэр; м-р Чарльз купил этот дом у м-ра Джозэфа с мебелью, картинами и всем прочим, — купил в совершенно таком виде, в каком старый джентльмэн все оставил после смерти. По мнению сэра Питера, это один из случаев расточительности Чарльза.

Сэр Оливер. По-моему гораздо непростительнее экономия Джозэфа, продавшего отцовский дом.

Возвращается Трип.

Трип. Мой хозяин просит вас подождать, джентльмэны: у него гости, и он пока не может говорить с вами.

Сэр Оливер. Если бы он знал, кто желает его видеть, быть может, он не прислал бы такого ответа.

Трип. Да, да, сэр; он знает, что вы здесь. Я не забыл про м-ра Премиума, нет, нет, нет!

Сэр Оливер. Очень хорошо, сэр; а... извините, сэр, как вас зовут?

Трип. Трип, сэр; мое имя Трип — к вашим услугам.

Сэр Оливер. Я вижу, м-р Трип, вам здесь неплохо служить, а?

Трип. Да что же... здесь нас трое или четверо, и проводим мы время довольно приятно; только вот иной раз жалованье нам задерживают, да и не очень-то оно велико: только пятьдесят фунтов в год, а, например, кошельки или цветы — на свой счет.

Сэр Оливер (в сторону). Кошельки! Цветы! Палок бы им! Веревки!

Трип. Да, кстати, Мозес, не согласились ли бы вы учесть вот этот векселек?

Сэр Оливер (в сторону). Тоже хочет занять денег! Господи, помилуй! Готов ручаться, что у него такое же положение, как у хозяина, и тоже куча кредиторов и заимодавцев.

Мозес. Право, никак не могу, м-р Трип.

Трип. Вот тебе и на, вы меня удивляете. Приятель мой Браш¹ сделал на нем передаточную надпись, и я думал, что если он расписался, так это все равно, что наличные деньги.

Мозес. Нет, это не все равно.

Трип. Да ведь небольшая сумма — всего двадцать фунтов. Слушайте-ка, Мозес, не дадите ли вы их мне под обеспечение моего годового дохода?

Сэр Оливер (в сторону). Под головой доход! Ха, ха! Лакей занимает деньги под свой годовой доход... Ну, и ловкач... ей-богу!

Мозес. Хорошо, только вы должны застраховать свое место.

Трип. О, с величайшим удовольствием! Я застрахую свое место — и жизнь тоже, если вам угодно.

Сэр Оливер (в сторону). Ну, жизнь этого вексельника я бы не взялся страховать...

Мозес. Но разве вам нечего заложить?

Трип. Да все ценное из гардероба моего хозяина уже давно исчезло. Впрочем, я могу вам предложить кое-что из его зимней одежды с пра-

¹ «Браш» — лисий хвост.

вом выкупа до ноября. А то есть еще и французский бархат и синий камзол с серебром, да в придачу несколько пар кружевных манжет: это, я полагаю, годится? Ну, приятель, как? а?

М о з е с. Хорошо, хорошо. (Звонок.)

Т р и п. Эге, звонок! Вот теперь, джентльмэны, думаю, уж можно вас провести к нему. Не забудьте про мой годовой доход, Мозес! Сюда, джентльмэны! Я застрахую свое место, будьте покойны.

С э р О л и в е р (в сторону). Если слуга — хоть тень своего господина, так здесь и в самом деле — хам расточительности. (Уходит.)

СЦЕНА III

Другая комната в том же доме.

На сцене Чарльз Сэрфэс, сэр Гарри Бэмпэр, Кэйрлесс и джентльмэны — пьют.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Это верно, чорт возьми! Наше поколение вырождается. Многие из наших знакомых — люди со вкусом, умом и светским лоском; но, чорт их возьми, не умеют жить!

К э й р л е с с. Верно, верно, Чарльз! Из всего изобилия на столе они выбирают что посуше-ственней и боятся только вина и остроумия. Ну, конечно, в обществе это просто невыносимо! Бывало, над стаканом доброго бургундского разговор их кипел весельем, а теперь он стал похож на воду из Спа, которую они пьют; в ней есть игра и пена, как в шампанском, но нет ни вкуса, ни аромата.

1 - й д ж е н т л ь м э н. Но что же им делать, если они игру любят больше вина?

К э й р л е с с. Верно! Вот, например, сэр Гарри играет в диэту и потому сидит на строжайшем режиме.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Тем хуже для него. Слыханное ли это дело: готовить лошадь для скачек и не давать ей корму? Ну вот, а мне больше всего везет тогда, когда я навеселе: дайте мне бутылку шампанского, и я никогда не проиграю.

В с е. Что? Что?

Ч а р л ь з С э р ф э с. По крайней мере, я тогда не чувствую проигрыша, а это решительно одно и то же.

2 - й д ж е н т л ь м э н. А, с этим и я согласен.

Входит Трип и говорит на ухо Чарльзу Сэрфэсу.

Ч а р л ь з С э р ф э с. И потом, разве может верить в любовь человек, который зарекается от вина? Оно — пробный камень, которым влюбленный испытывает свое сердце. Влейте в себя дюжину бокалов за дюжину красоток, и та, чье имя всплывает наверх, и есть ваша очаровательница.

К э й р л е с с. Ну-ка, Чарльз, объяви, как зовут твою?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Знаете что: я держал его в секрете только из сожаления к вам. Если я выпью за ее здоровье, вы должны пить круговую за здоровье ей равных, а это невозможно — по крайней мере на земле.

Кэирлесс. Ого! Тогда мы отыщем каких-нибудь подходящих канонизированных весталок или языческих богинь.

Чарльз Сэрфэс. Ах, мошенники! Ну, так — бокалы сюда! Бокалы! Мария! Мария!

Сэр Гарри. Мария — как дальше?

Чарльз Сэрфэс. К чорту фамилию! — это слишком казенно для любовного календаря. Мария!

Все. Мария!

Чарльз Сэрфэс. Теперь, сэр Гарри, берегитесь: вам придется назвать какую-нибудь замечательную красавицу.

Кэирлесс. Не робей, сэр Гарри; мы поддержим тост, если эта красавица даже одноглазая. А нет, так в наказание — песню!

Сэр Гарри. Ладно, чорт возьми! Получайте песню вместо лэди. *(Поет.)*

За подростка несмелых пятнадцати лет;
За вдовицу на пятом десятке;
За слепящую блеском и роскошью свет;
За живущую в скромном достатке.

Хор:

Дайте вина,
Выпьем до дна,

Клянусь вам, что этого стоит она

Сэр Гарри:

За красотку, чьи ямочки трогают нас,
И за ту, что без ямочек, разом;
За прелестницу с парой лазоревых глаз
Иль хотя бы с одним только глазом.

Хор:

Дайте вина, и т. д.

За девицу, чья грудь белоснежно бела,
 И за ту, что черней черной ночи;
 За жену, чья улыбка всегда весела,
 И за ту, чьи заплаканы очи.

Х о р:

Дайте вина, и т. д.

Молода, пожила, неуклюжа, стройна —
 Это все, господа, пустословье;
 Наливайте же в чашу побольше вина,
 Чтобы чаша была выше края полна,
 Чтобы выпить со мной их здоровье.

Х о р:

Дайте вина, и т. д.

В с е:

Браво! Браво!

Ч а р л ь з С э р ф э с. Джентльмэны, вы должны извинить меня... Кэйрлесс, займи председательское место, согласен?

К э й р л е с с. Нет, уж пожалуйста, Чарльз! В чем дело? Не завернула ли сюда ненароком одна из ваших несравненных красоток?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Нет. По правде говоря, это еврей с маклером: им было назначено явиться.

К э й р л е с с. О, чорт возьми! Подать сюда этого еврея!

1 - й д ж е н т л ь м э н. Нет, и маклера тоже, непременно!

2 - й д ж е н т л ь м э н. Да, да, еврея и маклера!

Ч а р л ь з С э р ф э с. С величайшим удовольствием! Трип, попроси джентльмэнов войти. *(Трип уходит.)* Однако, один из них нам совершенно незнаком.

К э й р л е с с. Чарльз, а что если напоить их бургундским? Они, может быть, от этого станут посовестливей.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Чорт бы их взял! Нет, вино только сильнее обнаруживает природные свойства человека. Напоить их — значит только сделать их еще большими мошенниками.

Трип возвращается с сэром Оливером Сэрфэсом и Мозесом.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Сюда, почтеннейший Мозес; входите, пожалуйста, м-р Премиум, — ведь так, Мозес, зовут этого джентльмэна?

М о з е с. Да, сэр.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Подай стулья, Трип. Садитесь, м-р Премиум. Стаканов, Трип! *(Трип подает стаканы, стулья и уходит.)* Садитесь, Мозес. Ну, м-р Премиум, вот вам тост: За успех ростовщиков! Мозес, налейте полный стакан джентльмэну.

М о з е с. За успех ростовщиков! *(Пьет.)*

К э й р л е с с. Правильно, Мозес, — ростовщики люди умные, ловкие и заслуживают успеха.

С э р О л и в е р. Выпьем же за успех, какого они заслуживают! *(Пьет.)*

К э й р л е с с. Нет, нет, этак не годится! М-р Премиум, вы выпили не сразу — за это вы должны осушить большой кубок.

1 - й д ж е н т л ь м э н. Большой кубок, — не меньше!

М о з е с. Нет... Прошу вас, сэр, подумайте: ведь м-р Премиум — джентльмэн.

К э й р л е с с. Ну так, значит, любит доброе вино.

2 - й д ж е н т л ь м э н. Дать и Мозесу тоже большой кубок: это бунт и величайшее неуважение к председателю.

К э й р л е с с. Вот, начинайте-ка. Я буду стоять за правосудие до последней капли моей бутылки.

С э р О л и в е р. Нет, джентльмэны, прошу вас... Я не ждал такого обращения.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Оставьте... чорт возьми! М-р Премиум в первый раз здесь.

С э р О л и в е р (в сторону). Ох, хотел бы я быть подальше от этой компании!

К э й р л е с с. Ну и ладно... к дьяволу! Если они не хотят пить, мы не станем сидеть с ними. Пойдем, Гарри, сыграем в кости, это в соседней комнате. Чарльз, вы придете к нам, когда закончите свои дела с этими дженльмэнами?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Приду, приду. (Сэр Гарри Бэмперс и джентльмэны уходят; Кэйрлесс идет за ними.) Кэйрлесс!

К э й р л е с с (возвращаясь). Ну?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Быть может, вы мне понадобитесь.

К э й р л е с с. О, вы знаете, я всегда к вашим услугам: дать ли слово, расписку или вексель — мне все равно. (Уходит.)

М о з е с. Сэр, это м-р Премиум, человек величайшей честности, он умеет хранить тайну и

всегда исполняет то, за что берется. М-р Премиум, это...

Чарльз Сэрфэс. Довольно! Сэр, приятель мой Мозэс — человек очень почтенный, но любит говорить не спеша: он целый час станет рекомендовать нас друг другу. М-р Премиум, дело вот в чем: я — человек молодой, легкомысленный и хочу занять денег; вы — человек в летах, положительный и можете мне дать их. Я такой дурак, что заплачу пятьдесят процентов, только бы добыть денег; а вы, наверно, такой мошенник, что сдерете сто, если можно. Ну вот, сэр, теперь мы уже знакомы и можем приступить к делу без дальнейших церемоний.

Сэр Оливер. Чрезвычайно откровенно, честное слово. Я вижу, сэр, что вы не очень-то любите говорить комплименты.

Чарльз. О нет, сэр! Вести дело начистоту — это, по-моему, лучше всего.

Сэр Оливер. Сэр, мне это нравится в вас еще больше. И все же вы ошиблись в одном: у меня сейчас нет свободных денег, но я полагаю, что мог бы достать их у одного моего друга; но только, видите ли; он бесстыжий пес. Не правда ли, Мозэс? И чтобы услужить вам, он должен продать ценные бумаги. Не так ли, Мозэс?

Мозэс. Да, именно так. Вы знаете, я всегда говорю правду и презираю ложь.

Чарльз Сэрфэс. Верно. Кто говорит правду, тот обычно не говорит ложь. Но это все пустяки, м-р Премиум. Я знаю, что даром денег не получишь.

Сэр Оливер. Хорошо, но какое обеспе-

чение вы можете представить: ведь земли у вас нет?

Чарльз Сэрфэс. Ни единого бугорка, ни единой хворостинки, исключая того, что есть в цветочных горшках за окном.

Сэр Оливер. И никакого движимого имущества?

Чарльз Сэрфэс. Ничего, кроме нескольких лягавых и пони. Но извините, м-р Премиум, неужели вы не знаете никого из моих родственников?

Сэр Оливер. Ну, уж если говорить по правде, то знаю.

Чарльз Сэрфэс. Значит, вы должны знать, что у меня есть чертовски богатый дядя в Ост-Индии, сэр Оливер Сэрфэс, на которого я возлагаю большие надежды.

Сэр Оливер. Что у вас есть богатый дядя, это я слышал, но что может случиться с вашими надеждами, этого, я думаю, вы не можете сказать.

Чарльз Сэрфэс. О нет, здесь нет места никаким сомнениям. Говорят, я его любимец, и он поговаривает о том, чтобы оставить мне все.

Сэр Оливер. Скажите! В первый раз это слышу.

Чарльз Сэрфэс. Да, да, именно так. Мозес знает, что это правда; так ведь, Мозес?

Мозес. О, да! Хоть сейчас под присягу!

Сэр Оливер (в сторону). Ей-богу, они сейчас убедят меня, что я в Бенгалии.

Чарльз Сэрфэс. Так вот, м-р Премиум, если угодно, я вам предлагаю вексель с обязательством уплаты после смерти сэра Оливера.

Впрочем, старик был так щедр ко мне, что, честное слово, мне было бы очень жаль, если бы с ним что-нибудь приключилось.

Сэр Оливер. Вам было бы жаль не больше, чем мне, уверяю вас. Но ведь вы предлагаете мне самое ненадежное обеспечение: я могу прожить до ста лет и все-таки не дожидаться уплаты.

Чарльз Сэрфэс. Дождетесь. Как только сэр Оливер умрет, вы явитесь ко мне за деньгами.

Сэр Оливер. Ну уж, думаю, в этом случае я буду для вас самым нежелательным гостем.

Чарльз Сэрфэс. Вот что! Кажется, вы боитесь, что сэр Оливер чересчур здоров?

Сэр Оливер. Нет, собственно я не боюсь этого, хотя я и слышал, что для своих лет он очень здоров и крепок.

Чарльз Сэрфэс. Ну, вот и опять у вас неверные сведения. Нет, нет, климат порядком надломил здоровье бедного дяди Оливера. Да, говорят, он скоро свалится... За последнее время он так сильно изменился, что его не узнали бы даже самые близкие родственники.

Сэр Оливер. Верно! Ха, ха, ха! — Так сильно изменился, что его не узнали бы самые близкие родственники... — ха-ха-ха! Ей богу, верно! ха-ха-ха!

Чарльз Сэрфэс. Ха-ха! Вас это радует, милейший Премиум?

Сэр Оливер. Нет, нет, нисколько!

Чарльз Сэрфэс. Нет, нет, вы рады... ха-ха-ха! — это, знаете, вам на руку.

Сэр Оливер. Но я слышал, сэр Оливер едет сам сюда; нет, говорят даже, что он уже приехал.

Чарльз Сэрфэс. Ну! Уж это, конечно, мне лучше вашего знать, приехал он, или нет. Нет, нет, будьте спокойны, он в эту минуту в Калькутте. Не так ли, Мозес?

Мозес. О, да, конечно.

Сэр Оливер. Вполне справедливо, как вы говорите, вам это лучше моего знать, но я это слышал из очень достоверного источника. Правда ведь, Мозес?

Мозес. Да, вне всякого сомнения.

Сэр Оливер. Однако, сэр, я вижу, вам нужно сейчас несколько сот фунтов, но неужели вам нечего продать?

Чарльз Сэрфэс. Что же именно?

Сэр Оливер. Например, вот я слышал, что ваш отец оставил после себя очень много старинной посуды.

Чарльз Сэрфэс. Господи! Да, ее уж давным-давно нет. Мозес лучше меня может рассказать вам об этом.

Сэр Оливер (*в сторону*). Недурно! Значит, все призы, взятые на скачках, все подношения от разных обществ! (*Громко.*) Затем, его библиотека считалась одною из самых ценных и полных.

Чарльз. Да, да, это так — книг было даже слишком много для частного человека. А я всегда был общительного характера и потому решил, что совестно держать для себя одного столько сокровищ знания.

Сэр Оливер (в сторону). Господи! А ведь эти сокровища были семейной, наследственной ценностью! (Громко.) Скажите, пожалуйста, а что же случилось с этими книгами?

Чарльз Сэрфэс. Об этом вам следует справиться у аукционера, мистер Премиум, потому что тут, я думаю, даже и Мозес вам ничего не скажет.

Мозес. Я ничего не знаю о книгах.

Сэр Оливер. Так, так; из семейной собственности, значит, ничего не осталось.

Чарльз Сэрфэс. Во всяком случае — не много. Вот разве только вы любитель семейных портретов. У меня наверху полная комната предков, и если вы поклонник старинной живописи, я их дешево спущу.

Сэр Оливер. Что за дьявол! Ведь не продадите же вы своих предков?

Чарльз Сэрфэс. Всех до единого — тому, кто даст больше.

Сэр Оливер. Как? своих дедушек и бабушек?

Чарльз Сэрфэс. Да, и прадедушек и прабабушек на придачу.

Сэр Оливер (в сторону). Ну нет, я от него отрекаюсь! (Громко.) Чорт возьми! Неужто у вас нет никакого чувства к вашим родным? Ну, жизнь! Что вы меня принимаете за Шейлока, что ли? Вы хотите получить от меня деньги за вашу собственную плоть и кровь?

Чарльз Сэрфэс. Полно, милейший, не сердитесь. Что вам за дело, если таким способом вы покроете сумму займа?

Сэр Оливер. Хорошо, я покупаю. Думаю,

что я могу распоряжаться этими фамильными холстами. *(В сторону.)* О, я никогда не прощу ему этого, никогда!

Возвращается Кэйрлесс.

Кэйрлесс. Идем, Чарльз, что вы так застряли?

Чарльз Сэрфэс. Я еще занят. У нас сейчас будет аукцион наверху; вот, милейший Премиум покупает у меня предков.

Кэйрлесс. В печку ваших предков!

Чарльз Сэрфэс. Нет, это он может сделать после, если захочет. Погодите, Кэйрлесс, вы нам нужны: вы должны быть аукционером — идем с нами.

Кэйрлесс. О, в таком случае к вашим услугам. Молотком я владею не хуже, чем стаканчиком для костей. Идем, идем!

Сэр Оливер *(в сторону)*. Ах, негодники!

Чарльз Сэрфэс. Пойдем, Мозес; вы будете оценщиком, если понадобится. Что за чорт... Милейший Премиум, вам, кажется, не нравится эта сделка?

Сэр Оливер. Нет, нравится, и даже очень! Ха-ха-ха! Да, да, я думаю, это редкостная штука — продать свое семейство с аукциона — ха-ха! *(В сторону.)* О, мот!

Чарльз Сэрфэс. Что ж, когда человеку нужны деньги, где же, чорт побери, и достать их, если не взять за бока своих собственных родственников? *(Уходят.)*

Сэр Оливер. Я никогда его не прощу; никогда! никогда!

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I

Портретная галерея в доме Чарльза Сэрфэса. Входят: Чарльз Сэрфэс, сэр Оливер Сэрфэс, Мозэс и Кэйрлесс.

Чарльз Сэрфэс. Входите, господа, входите, пожалуйста. Вот они — весь род Сэрфэсов, начиная с Завоевателя.

Сэр Оливер. Что ж, по-моему, недурная коллекция.

Чарльз Сэрфэс. Да, да, вот это — настоящий стиль портретной живописи; нет ни

искусственной грации, ни выражения. Не похоже на работу наших современных Рафаэлей: эти дадут в портрете строго выдержанный образ, но постараются сделать его независимым от вас самих, так что, если оригинала даже совсем не будет, картина от этого не пострадает. Нет, нет; достоинство моих — закоренелое сходство: все чопорны и неуклюжи, как оригиналы, и вообще на людей мало похожи.

Сэр Оливер. Ах, не видать уж нам больше таких людей!

Чарльз Сэрфэс. Надеюсь, что так... Слушайте, м-р Премиум, ну, разве я не домосед: иной раз по вечерам я сижу здесь в кругу моего семейства. Пожалуйста, однако, за ваш стол, м-р аукционер. Вот старое подагрическое кресло моего дедушки — для вашей работы самое подходящее.

Кэйрлесс. Да, да, годится. Но у меня нет молотка, Чарльз; а что такое аукционер без молотка?

Чарльз Сэрфэс. Ей-богу, он прав! А это что за пергамент? А, наша полная генеалогия! *(Снимает со стены родословное дерево.)* Вот, Кэйрлесс, у вас будет не простая деревяшка, а целое фамильное древо вместо молотка. Так что, значит, мы вышибем отсюда моих предков их же собственным деревом.

Сэр Оливер *(в сторону)*. Что за негодяй! Прямо — отцеубийца, хоть и задним числом...

Кэйрлесс. Да, да. Вот здесь и список всех представителей вашего рода; эта штука — прямо находка для нашего дела: она будет

служить не только молотком, но и каталогом того, что продается. Ну, начнем: раз, два, три!

Ч а р л ь з С э р ф э с. Bravo, Кэйрлесс! Взгляните, вот мой двоюродный дядя сэр Ричард Рэвэлин, превосходнейший был генерал в свое время, уверяю вас. Он участвовал во всех войнах герцога Мальборо и получил этот рубец над глазом в битве при Мальплакэ. Что скажете, м-р Премиум? Вы только посмотрите, какой герой! Не общипанный, как ваши нынешние стриженные капитаны, а в парике, в полной парадной форме, как подобает генералу. Ваша цена?

С э р О л и в е р (*тихо — Мозесу*). Пусть он сам назначает.

М о з е с. М-р Премиум желал бы, чтобы вы сказали свою цену.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Ну, что ж, пусть берет его за десять фунтов, — надеюсь, что за штаб-офицера это не дорого.

С э р О л и в е р (*в сторону*). Боже ты мой! Своего знаменитого дядю Ричарда — за десять фунтов! (*Громко.*) Очень хорошо, сэр, я беру его за эту цену.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Кэйрлесс, конечно с дядей Ричардом! А это его сестра, моя двоюродная тетушка, девица Дебора, писал ее Неллер, это одна из лучших его работ, и говорят — поразительное сходство. Вот она — в виде пастишки, стерегущей стадо. Берите ее за пять фунтов десять шиллингов — овцы стоят этих денег.

С э р О л и в е р (*в сторону*). Ах, бедная Дебора! Женщина, которая так высоко себя це-

нила! (Громко.) Пять фунтов десять шиллингов — она моя.

Чарльз Сэрфэс. Кончено с тетушкой Деборой! Вот тут два каких-то ее кузена. Как видите, Мозес, эти портреты писаны довольно давно, когда щеголи еще носили парики, а дамы свои собственные волосы.

Сэр Оливер. Да, верно; прически были пониже в те дни.

Чарльз Сэрфэс. Ну, берите парочку за ту же цену.

Мозес. Это очень недорого.

Чарльз Сэрфэс. Кэйрлесс! А это дедушка моей матери, ученый судья, хорошо известный в западном судебном округе. Ну, Мозес, сколько это стоит, по-вашему?

Мозес. Четыре гинеи.

Чарльз Сэрфэс. Четыре гинеи! Чорт возьми, да один его парик дороже стоит! М-р Премиум, в вас больше уважения к судейским парикам: позвольте расценить этого лорда в пятнадцать фунтов.

Сэр Оливер. От всей души.

Кэйрлесс. Сделано!

Чарльз Сэрфэс. А здесь два его брата, Уильям и Уолтэр Бленты, эсквайры, оба члена парламента и известные ораторы; а что всего замечательнее — их, я полагаю, продают и покупают впервые.

Сэр Оливер. Это и в самом деле очень замечательно. Из уважения к парламенту я беру их за ту цену, какую вы назначите.

Кэйрлесс. Хорошо сказано, милейший Премиум! Я объявляю за них — сорок.

Чарльз Сэрфэс. Вот этот веселый парень — не знаю, кем он мне приходится, но он был норвичским¹ мэром; берите его за восемь фунтов.

Сэр Оливер. Нет, нет; за мэра и шести довольно.

Чарльз Сэрфэс. Ну, дайте шесть гиней, и я в придачу накину еще двух олдэрмэнов.

Сэр Оливер. Они мои.

Чарльз Сэрфэс. Кэйрлесс, мэр и два олдэрмэна — сделано! Чорт возьми... но ведь на такую розничную торговлю мы убьем целый день! Давайте порешим оптом: что вы скажете, милейший Премиум? Дайте мне триста фунтов за всех остальных предков гуртом.

Кэйрлесс. Вот, вот, так будет лучше всего.

Сэр Оливер. Хорошо, я на все готов, чтоб услужить вам; они мои. Но вы все время как-то обходили один портрет.

Кэйрлесс. Ах, этого плюгавого человечка — там, над диваном?

Сэр Оливер. Да, сэр, о нем я и говорю... хоть я вовсе не считаю его таким уж плюгавым.

Чарльз Сэрфэс. Который, этот? О, это мой дядя Оливер. Портрет сделан до его отъезда в Индию.

Кэйрлесс. Дядя Оливер? Ну, Чарльз, вам с ним друзьями не бывать! Думаю, что я еще никогда не видал такого злого мошенника; по глазам видно, что он никогда не простит, а по лицу — что лишит наследства. Закоренелый

¹ Норвич — главный город графства Норфольк.

негодяй, явное дело. Не так ли, милейший Премиум?

Сэр Оливер. Нет, сэр, я не согласен; по моему, это лицо на вид не хуже любого в этой комнате, живого или мертвого. Однако, я полагаю, сэр Оливер пойдет вместе с прочим хламом — не правда ли?

Чарльз Сэрфэс. Нет, чорт его возьми! Я не расстанусь с бедным Ноллем! Старик был очень добр ко мне, и, ей-богу, его я сохраню у себя, пока у меня будет комната, где его повесить.

Сэр Оливер (в сторону). Этот плут в конце концов — все же мой племянник! (Громко.) Знаете, сэр, а вот мне как-то особенно понравился этот портрет.

Чарльз Сэрфэс. Очень жаль, потому что вы его наверно не получите. Мало вам разве всех остальных?

Сэр Оливер (в сторону). Я ему все прощаю! (Громко.) Но, сэр, если мне в голову взбредет какая-нибудь фантазия, так я уж не считаю денег. За него я вам даю столько же, сколько за всех прочих вместе.

Чарльз Сэрфэс. Не приставайте ко мне, уважаемый маклер; говорю вам, что не расстанусь с ним — и конец.

Сэр Оливер (в сторону). Похож, собака, на своего отца! (Громко.) Ну, ну, конец — так конец! (В сторону.) Я раньше этого не заметил, но кажется, никогда я не видал такого поразительного сходства. (Громко.) Вот чек на причитающуюся вам сумму.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Как? На восемьсот фунтов?

С э р О л и в е р. Вы не уступите сэра Оливера?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Тьфу! Еще раз вам говорю: нет.

С э р О л и в е р. Ну, относительно разницы вы не беспокойтесь, сведем счеты в другой раз. Позвольте пожать вашу руку в заключение сделки. Вы честный малый, Чарльз... Прошу извинить, сэр, мою вольность! Пойдем, Мозес.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Ну, ей богу, и чудак же старикашка! Пойдите-ка, Премиум, вы не забудете приготовить квартиру для этих джентльменов?

С э р О л и в е р. Да, да, я пришлю за ними через день или два.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Да вот что еще: присылайте за ними экипаж поприличнее, потому что, уверяю вас, большая часть их привыкла ездить в собственных каретах.

С э р О л и в е р. Пришлю, пришлю — за всеми, кроме Оливера.

Ч а р л ь з С э р ф э с. За всеми, кроме этого маленького набоба.¹

С э р О л и в е р. Вы настаиваете на этом?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Безусловно.

С э р О л и в е р (*в сторону*). Экий милый сумасброд! (*Громко.*) Ну, прощайте! Пойдем, Мозес. (*В сторону.*) Пусть только теперь при мне посмеют назвать его негодяем! (*Уходит с Мозесом.*)

¹ Набоб — титул знатного индуса.

Кэ́йрлесс. Ну, э́такого чудака я еще и не видывал.

Ча́рльз Сэ́рфэс. Ей-богу, по-моему это какой-то князь маклеров. И как этот дьявол Мозес умудрился познакомиться с таким честным человеком? А, вон он — Раули! Пожалуйста, Кэ́йрлесс, скажите всей компании, что я приду через несколько минут.

Кэ́йрлесс. Ладно. Смотрите только, чтоб этот старый дуралей не убедил вас выкинуть часть этих денег на уплату старых заплесневелых долгов или еще на какую-нибудь ерунду. Ведь купцы, Ча́рльз, самый жадный народ.

Ча́рльз Сэ́рфэс. Совершенно верно, и платить им — значит только разжигать их аппетит.

Кэ́йрлесс. И ничего больше.

Ча́рльз Сэ́рфэс. Да, да, не бойтесь за меня. *(Кэ́йрлесс уходит.)* Так! Ну, и странный же, старикашка! Посмотрим: две трети этих денег — пятьсот с чем-то фунтов — мои по праву. Господи боже мой! Родственники-то, оказывается, стоят куда больше, чем я думал! Лэ́ди и джентльмэны, ваш всепокорнейший и глубоко благодарный вам слуга... *(Церемонно раскланивается перед портретами.)*

Входит Раули.

Ча́рльз Сэ́рфэс. Раули! Ей-богу, вы пришли как раз во-время, чтоб попрощаться со своими старыми знакомыми.

Раули. Да, я слышал уже, что они собрались в путь. Но меня удивляет, как вы можете

быть веселым, когда у вас столько неприятностей?

Чарльз Сэрфэс. В этом-то и все дело. Неприятностей столько, что я не решаюсь потерять хорошее расположение духа. Стану болеть сплином, когда разбогатею: всему свое время. Вам странно, должно быть, что меня не очень огорчает разлука с целой толпой родственников? Конечно, это очень трогательно, но вы видите: у них ни один мускул не дрогнет — так чего ж мне-то огорчаться?

Раули. Вас ни на минуту не заставишь быть серьезным.

Чарльз Сэрфэс. Уверяю вас, я сейчас серьезен. Вот, честный мой Раули, разменяйте мне это сейчас же и сто фунтов отошлите немедленно старому Стэнли.

Раули. Сто фунтов! Не забудьте только, что у нас...

Чарльз Сэрфэс. Чорт побери! Не говорите мне об этом! Бедному Стэнли совсем плохо, а если вы не поторопитесь, к нам явится кто-нибудь, имеющий больше прав на эти деньги.

Раули. Да вот в том-то и дело! Я никогда не перестану вам надоедать старой поговоркой...

Чарльз Сэрфэс. Будь сперва справедлив, а потом великодушен? Что же, я бы так и поступил, если бы мог; но справедливость — старая хромая бабушка, и ей никак не угнаться у меня за великодушием.

Раули. Чарльз, уверяю вас — лучше будет, или вы подумаете...

Чарльз Сэрфэс. Да, да, это верно, но

ступайте, Раули: пока у меня есть, что давать, я буду давать; значит, к чорту вашу экономию! А теперь — играть! (*Уходит.*)

СЦЕНА II

Другая комната в том же доме.

Входят сэр Оливер, Сэрфэс и Мозес.

Мозес. Ну, сэр, вы видели м-ра Чарльза во всем его блеске, как выражается сэр Питер. Очень жаль, что этот юноша такой сумасброд.

Сэр Оливер. Верно, но он не хотел продать моего портрета.

Мозес. И любит так сильно вино и женщин.

Сэр Оливер. Но он не хотел продать моего портрета.

Мозес. И так много играет.

Сэр Оливер. Но он не хотел продать моего портрета. А, вот и Раули.

Входит Раули.

Раули. Итак, сэр Оливер, вы купили...

Сэр Оливер. Да, да, наш молодой повеса продал своих предков, как какие-нибудь старые ковры.

Раули. А сейчас он поручил мне передать часть выручки вам — то есть вам, поскольку вы взяли на себя еще и роль старика Стэнли.

Мозес. Ах, как это жаль! Он чересчур щедр.

Раули. А в передней я оставил чулочника

и двух портных, которым он, конечно, не заплатит, а этой сотни с них было бы довольно.

Сэр Оливер. Хорошо, хорошо, я заплачу его долги. А теперь я уж больше не маклер, и вы поведете меня к старшему брату, как старика Стэнли.

Раули. Пока еще нельзя: сколько знаю, сэр Питер собирался быть там как раз в это время.

Входит Трип.

Трип. О, прошу извинения, господа, я не показал вам, как пройти к выходу; сюда, сюда... Мозес, на пару слов! *(Уходит с Мозесом.)*

Сэр Оливер. Вот ловкий парень, а? Поверите ли, этот щенок перехватил еврея, как только мы пришли: он еще раньше своего хозяина хотел занять у него денег.

Раули. Скажите!

Сэр Оливер. Да, они там сейчас кончают дело — насчет займа под залог его годового жалованья. Ах, мастер Раули, в мое время слуги довольствовались камзолами с барского плеча, а теперь они берут их парадные костюмы — и вместе с тем весь блеск их пороков. *(Уходят.)*

СЦЕНА III

Библиотека в доме Джозэфа Сэрфэса.

Входят Джозэф Сэрфэс и слуга.

Джозэф Сэрфэс. Нет письма от лэди Тизл?

Слуга. Нет, сэр.

Д ж о з э ф С э р ф э с *(про себя)*. Удивляюсь, что она не дала мне знать, если ей помешали притти. Сэр Питер, конечно, меня не подозревает. Однако, мне не хотелось бы потерять наследницу из-за того, что я путался с его женой. Впрочем, неосторожность и плохая репутация Чарльза — это большие шансы в мою пользу. *(Стук снаружи.)*

С л у г а. Сэр, это, должно быть, лэди Тизл.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Стой! Сначала взгляни, она это или нет, а уж потом открывай. И если это мой брат, я скажу, что надо сделать.

С л у г а. Это она, сэр; она всегда оставляет свои носилки у модистки на соседней улице.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Погоди, погоди; придвинь эту ширму к окну... довольно, так! А то напротив живет слишком любознательная особа. *(Слуга передвигает ширму и уходит.)* Трудная у меня роль в этой истории! Лэди Тизл недавно стала догадываться о моих видах на Марию; но она ни в каком случае не должна проникнуть в эту тайну — по крайней мере до тех пор, пока не будет в моих руках.

Входит лэди Тизл.

Л э д и Т и з л. Что это, чувствительный монолог? Вы ждали с таким нетерпением? О боже! Не притворяйтесь огорченным. Право, я не могла притти раньше.

Д ж о з э ф С э р ф э с. О, точность есть род постоянства, весьма неподходящий для светской лэди. *(Ставит кресло и садится возле лэди Тизл.)*

Лэди Тизл. Честное слово, вы должны пожалеть меня. Сэр Питер так злится на меня за последнее время и так ревнует к Чарльзу... Это лучше всего, не правда ли?

Джозэф Сэрфэс (в сторону). Я рад, что мои друзья-сплетники ухватились за это.

Лэди Тизл. Хоть бы он позволил Марии выйти замуж за Чарльза, — тогда он, может быть, разубедился бы; а вы этого хотите, м-р Сэрфэс?

Джозэф Сэрфэс (в сторону). Ну, нет! (Громко.) О, конечно, хочу! Ведь тогда моя дорогая лэди Тизл также убедилась бы, как неосновательны были ее подозрения насчет меня и этой глупенькой девочки.

Лэди Тизл. Хорошо, хорошо, я готова вам верить. Но разве не обидно, когда про тебя говорят всякие гадости? А мой друг лэди Снируэл распустила про меня уж я и не знаю сколько сплетен. И все — без всякого основания; вот что меня бесит.

Джозэф Сэрфэс. Да, конечно, это обидно, если без основания; да, да, это-то и обидно. Ведь если сплетне верят, то утешительнее всего сознание, что терпишь по заслугам.

Лэди Тизл. Ну да, в этом случае я бы простила им их злость; но нападать на меня, когда я в сущности ни в чем неповинна и никогда не отзываюсь дурно ни о ком — то есть ни о ком из друзей... И потом — этот сэр Питер со своим вечным брюзжаньем, с вечною подозрительностью... Ведь я-то знаю, что никаких дурных мыслей у меня нет! Все это просто невыносимо!

Д ж о з э ф С э р ф э с. Дорогая моя лэди Тизл, вы сами виноваты, что все это терпите. Если муж без оснований подозревает свою жену и не доверяет ей, то святость брака уничтожается, и жена обязана, во имя чести своего пола, постараться перехитрить мужа.

Л э д и Т и з л. Скажите! Значит, если он подозревает меня без причины, то отсюда следует, что лучшее средство вылечить его от ревности — это дать повод к ней?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Несомненно, потому что ваш муж никогда не должен обманываться в вас; и в данном случае — это вполне подходяще: ваша измена была бы комплиментом проницательности вашего мужа.

Л э д и Т и з л. Конечно, вы говорите вполне резонно, и если сознание моей правоты...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ах, вот это-то и есть ваша главная ошибка. Именно сознание своей правоты больше всего и вредит вам. Что заставляет вас пренебрегать приличиями и общественным мнением? Конечно, сознание вашей собственной правоты. Что заставляет вас не думать о своем поведении и поступать в тысяче мелочей опрометчиво? Конечно, сознание своей правоты. Что заставляет вас обижаться на сэра Питера и на его подозрения? Конечно, сознание своей правоты.

Л э д и Т и з л. Что верно, то верно.

Д ж о з э ф С э р ф э с. А стоит вам, дорогая моя лэди Тизл, только раз слегка согрешить, так вы и представить себе не можете, как вы станете осторожны и как готовы будете угождать своему мужу и во всем соглашаться с ним.

Лэди Тизл. Вы так думаете?

Джозэф Сэрфэс. О, я уверен в этом; и тогда вы увидели бы, что всякое злословие сразу бы прекратилось, потому что... ваша репутация в настоящее время подобна чересчур полнокровной особе, умирающей от избытка здоровья.

Лэди Тизл. Так, так; значит, по-вашему, я должна согрешить — ради самозащиты и расстаться с добродетелью — ради хорошей репутации?

Джозэф Сэрфэс. Именно так, — уж поверьте мне, сударыня.

Лэди Тизл. Какая странная теория! Новейшее средство от клеветы!

Джозэф Сэрфэс. Оно действует безошибочно, будьте спокойны. Благоразумие, как и опытность, даром не даются.

Лэди Тизл. Что ж, если когда-нибудь я приду к убеждению...

Джозэф Сэрфэс. Ну, конечно, придете. Чтобы я стал склонять вас к чему-нибудь, что вы считаете дурным? Боже сохрани! Нет, нет, я слишком честен для этого.

Лэди Тизл. А не думаете вы, что нам можно было бы оставить честность в покое? *(Встает.)*

Джозэф Сэрфэс. Ах, последствия деревенского воспитания все еще сказываются в вас.

Лэди Тизл. Боюсь, что так. Я вам откровенно признаюсь: если б я пошла на что-нибудь дурное, то причиной этого было бы грубое обращение сэра Питера, но никак не ваша честная логика.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Но клянусь вот этой рукой, которой ваш муж не достоин... *(Берет ее руку.)*

Возвращается слуга.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Чорт тебя побери, болван! Что тебе нужно?

С л у г а. Прошу извинить, сэр, — я думал, что вам было бы неприятно, если б сэр Питер вошел сюда без доклада.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Сэр Питер? О... Чорт! Лэди Тизл. Сэр Питер? О боже! Я погибла! Я погибла!

С л у г а. Сэр, право, это не я его впустил.

Лэди Тизл. О, я погибла! Что со мной будет? Ну, м-р Логик.. Ох, спасите: он уж на лестнице... Я спрячусь сюда... Если я когда-нибудь еще... буду так неосторожна... *(Идет за ширму.)*

Д ж о з э ф С э р ф э с. Подай мне книгу. *(Садится. Слуга делает вид, что оправляет его кресло.)*

Входит сэр Питер Тизл.

С э р П и т е р. А, вечно занят самоусовершенствованием! М-р Сэрфэс, м-р Сэрфэс... *(Ударяет Джозефа по плечу.)*

Д ж о з э ф С э р ф э с. А, мой дорогой сэр Питер, прошу прощения... *(Зевая, отбрасывает книгу в сторону.)* Я тут скучал над глупой книгой. Очень рад, что вы пришли. Вы здесь, кажется, еще не были после того, как я отделал эту комнату. Книжки, вы знаете, единственная моя роскошь.

Сэр Питер. Тут в самом деле очень мило. Хорошо, хорошо! Даже из ширмы вы сумели сделать источник познания: она вся увешана картами.

Джозэф Сэрфэс. О да, эта ширма мне очень полезна.

Сэр Питер. В особенности, когда нужно что-нибудь поскорей отыскать.

Джозэф Сэрфэс (в сторону). Да... Или что-нибудь поскорей спрятать.

Сэр Питер. Ну, у меня к вам секретное дельце...

Джозэф Сэрфэс (слуге). Можешь итти.

Слуга. Хорошо, сэр. (Уходит.)

Джозэф Сэрфэс. Вот стул, сэр Питер... Пожалуйста...

Сэр Питер. Теперь мы одни, мой дорогой друг, и я хочу облегчить душу пред вами, — для моего спокойствия это очень важно. Одним словом, мой добрый друг, поведение лэди Тизл за последнее время сделало меня очень несчастным.

Джозэф Сэрфэс. Скажите! Мне очень грустно это слышать.

Сэр Питер. Да, совершенно ясно, что она не питает ко мне ни малейшего уважения; но что еще хуже — у меня очень веские основания предполагать, что она влюбилась в другого.

Джозэф Сэрфэс. Неужели? Вы изумляете меня.

Сэр Питер. Да, и между нами — я думаю, я открыл, в кого.

Джозэф Сэрфэс. Как? Вы просто меня пугаете!

Сэр Питер. Ах, мой дорогой друг, я знал, что найду у вас сочувствие!

Джозэф Сэрфэс. Поверьте мне, сэр Питер, что подобное открытие поразило бы меня точно так же сильно, как и вас.

Сэр Питер. Я в этом уверен. Какое это счастье — иметь друга, которому можешь доверять даже семейную тайну. Однако, вы не догадываетесь, кого я имею в виду?

Джозэф Сэрфэс. Никак не могу догадаться. Может быть — сэр Бэнджамэн Бэкбайт?

Сэр Питер. О, нет! Что вы скажете насчет Чарльза?

Джозэф Сэрфэс. Мой брат? Не может быть!

Сэр Питер. Мой дорогой друг, доброта вашего сердца вводит вас в заблуждение. Вы судите о других по себе.

Джозэф Сэрфэс. Конечно, сэр Питер, сердце, сознающее свою невинность, всегда медлит поверить вероломству другого.

Сэр Питер. Верно, но ваш брат — человек безнравственный... Никогда не услышишь от него ничего подобного.

Джозэф Сэрфэс. Все-таки лэди Тизл — особа с такими правилами...

Сэр Питер. Что значат правила против ухаживаний красивого и веселого молодого человека?

Джозэф Сэрфэс. Это-то, конечно, верно.

Сэр Питер. И затем, знаете, у нас такая разница в возрасте... Мало это вероятно, чтобы она меня любила. Если бы она изменила мне и я разгласил бы свой позор, весь город стал бы

смеяться только надо мной: зачем-де было старому дураку жениться на молодой девушке.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Это верно; конечно, стали бы смеяться.

С э р П и т е р. Смеяться! Да еще сочинять стишки и анекдоты про меня и еще чорт знает что.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Нет, вы ни в каком случае не должны разглашать этого.

С э р П и т е р. А потом... Меня больше всего огорчает то, что именно племянник моего старого друга, сэра Оливера, замышляет такую низость.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Да, в том-то и дело. Если стрела оскорбления заострена неблагодарностью, рана вдвое опаснее.

С э р П и т е р. Да... а я в некотором роде его опекун, я часто принимал его у себя в доме, во всю мою жизнь никогда не отказывал ему... в советах.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Нет, этому просто нельзя поверить! Конечно, могут быть люди, способные на такую низость; но что касается меня, то пока вы не представите определенных доказательств, я не поверю. Как бы то ни было, если он будет уличен, он больше не брат мне: я отказываюсь от родства с ним, потому что человек, который может нарушить законы гостеприимства и искушать жену своего друга, заслуживает быть заклеянным, как язва общества.

С э р П и т е р. Какая разница между вами! Что за благородные чувства!

Д ж о з э ф С э р ф э с. Все-таки я не могу подзревать чести лэди Тизл.

Сэр Питер. Мне и самому не хотелось бы плохо думать о ней, и я постараюсь устранить всякую причину ссор между нами. За последнее время она не раз упрекала меня в том, что я не перевел на ее имя отдельного капитала; в нашу последнюю ссору она почти намекнула мне, что не слишком огорчится, если я умру. Так как мы, видимо, не сходимся в вопросе о том, сколько надо тратить денег, то я и решил: пусть живет по-своему и будет сама себе госпожей. Если я умру, она убедится, что я не был невнимателен к ее интересам, пока был жив. Вот, мой друг, черновик двух документов, о которых я желал бы знать ваше мнение. Один из документов дает ей право распоряжаться вполне независимо восемьюстами фунтами в год, пока я жив, а другой — всем моим состоянием после моей смерти.

Джозэф Сэрфэс. Сэр Питер, вы поступаете благородно. *(В сторону.)* Как бы только это не испортило мне моей ученицы!

Сэр Питер. Да, я решил, что больше у ней не будет поводов для жалоб; впрочем, пока мне еще не хотелось бы, чтобы она знала о таком доказательстве моей любви к ней.

Джозэф Сэрфэс *(в сторону)*. И мне тоже не хотелось бы...

Сэр Питер. А теперь, мой дорогой друг, если угодно, поговорим о ваших надеждах относительно Марии.

Джозэф Сэрфэс *(нежно)*. О нет, сэр Питер, в другой раз, пожалуйста.

Сэр Питер. Меня очень огорчает, что, по видимому, дело у вас с ней подвигается плохо.

Д ж о з э ф С э р ф э с (*нежно*). Прошу вас, оставим это. Что значат мои неудачи, когда речь идет о вашем счастье? (*В сторону.*) Чорт возьми! Теперь у меня дело кончено и с той, и с другой.

С э р П и т е р. Напрасно вы не желаете, чтобы я рассказал лэди Тизл о вашей страсти; я уверен, что она не враг вам в этом деле.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Пожалуйста, сэр Питер, сделайте мне одолжение: не надо сейчас об этом. Право, я слишком взволнован предметом нашего предыдущего разговора, чтобы думать о своих делах. Человек, которому друг поверил свои несчастья, никогда не может...

Входит слуга.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ну? В чем дело?

С л у г а. Ваш брат, сэр, разговаривает на улице с каким-то господином и говорит — знает, что вы дома.

Д ж о з э ф С э р ф э с. А, чорт возьми... Болван, меня нет дома: я ушел на весь день.

С э р П и т е р. Стой... подожди... у меня идея: вы должны быть дома.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Хорошо,пусти его. (*Слуга уходит.*) (*В сторону.*) Может быть, хоть он зажмет рот сэру Питеру.

С э р П и т е р. Теперь, мой дорогой друг, сделайте мне одолжение, умоляю вас. Спрячьте меня куда-нибудь, а когда придет Чарльз, упрекните его в том, про что мы говорили: его ответ, быть может, сразу меня успокоит.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Фу, сэр Питер! Вы хотите, чтобы я участвовал в такой затее? Чтобы я устроил ловушку — родному брату?

С э р П и т е р. Да, но ведь вы же говорите, что уверены в его невинности; если так, вы только окажите ему величайшую услугу: вы дадите ему случай оправдаться, а мне — успокоиться. Нет, нет, вы не откажетесь сделать это... *(Встает.)* Значит, здесь, за этой ширмой, я... Ой! Что за дьявол! Никак там уж сидит кто-то... Головой ручаюсь, что я видел юбку!

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ха-ха-ха! Вот потеха! Знаете, сэр Питер, хоть я и считаю, что заводить интриги недостойно нравственного человека, но все-таки из этого не следует, что я — прекрасный Иосиф. Так вот: это француженка-модистка, глупенькая плутовка, которая мне не дает покоя. При вашем приходе, сэр, она застыдилась и спряталась за ширму.

С э р П и т е р. Ах, Джозэф, Джозэф! Мог ли я подумать, что вы... Но ведь она подслушала все, что я говорил про жену!

Д ж о з э ф С э р ф э с. О, это дальше не пойдет, будьте покойны.

С э р П и т е р. Нет? ну, так пусть слушает до конца. А, вот тут какой-то чулан — это тоже годится.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Хорошо, прячьтесь там!

С э р П и т е р. Ну и плут! Ну и мошенник! *(Входит в чулан.)*

Д ж о з э ф С э р ф э с. Еле вывернулся! Забавное, однако, положение! Не дать встретиться мужу с женой!

Лэди Тизл (*выглядывая*). Нельзя ли мне улизнуть?

Джозэф Сэрфэс. Сидите, сидите, ангел мой!

Сэр Питер (*выглядывая*). Джозэф, надайте на него во-всю!

Джозэф Сэрфэс. Назад, мой дорогой друг, назад!

Лэди Тизл (*выглядывая*). Не можете ли вы запереть сэра Питера?

Джозэф Сэрфэс. Тише, душа моя!

Сэр Питер (*выглядывая*). Вы уверены, что модисточка не проболтается?

Джозеф Сэрфэс. Спрячьтесь, спрячьтесь, сэр Питер! Господи, хоть бы ключ от двери был...

Входит Чарльз Сэрфэс.

Чарльз Сэрфэс. Галло! Ну, брат, в чем дело? Твой лакей не хотел меня сразу впускать. Кто у тебя был тут? Еврей? Женщина!

Джозэф Сэрфэс. Никого, брат, уверяю тебя.

Чарльз Сэрфэс. А почему же тогда удрал сэр Питер? Я думал, он у тебя.

Джозэф Сэрфэс. Он был здесь, но узнал, что ты идешь сюда, и не захотел остаться.

Чарльз Сэрфэс. Вот что! Может быть, старик испугался, как бы я не стал просить у него взаймы?

Джозэф Сэрфэс. Нет, сэр. Но вы причинили большое огорчение этому достойному человеку, и мне это очень прискорбно.

Чарльз Сэрфэс. Да, говорят, что я огор-

чаю очень многих достойных людей. Но в чем дело, скажи, пожалуйста?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Я буду говорить с тобой откровенно: он думает, что ты хочешь отбить у него лэди Тизл.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Кто, я? Боже ты мой! Да нет же, честное мое слово! Ха-ха-ха! Значит, старик, наконец, понял, что у него молодая жена? Или, что еще хуже, лэди Тизл поняла, что у нее старый муж?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Такими вещами не шутят, брат. Тот, кто может смеяться...

Ч а р л ь з С э р ф э с. Правильно! Заранее соглашаюсь с каждым твоим словом... Но серьезно, мне никогда и в голову не приходило ничего похожего на то, в чем ты меня обвиняешь. Честное слово!

Д ж о з э ф С э р ф э с *(возвышая голос)*. Превосходно. Сэр Питер будет очень доволен, когда услышит это.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Правда, однажды мне показалось, что лэди Тизл чувствует ко мне склонность; но клянусь душой, я никогда ее не поощрял. Кроме того, ты знаешь, я люблю Марию.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Я знаю, что даже если бы лэди Тизл выказала самые нежные чувства к тебе...

Ч а р л ь з С э р ф э с. Видишь ли, Джозэф, я думаю, что сознательно я никогда не сделаю ничего бесчестного; но если красивая женщина намеренно станет у меня на дороге, — в особенности, если она замужем за человеком, который по летам ей годен в отцы...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ну...

Ч а р л ь з С э р ф э с. Что ж, в этом случае я, понятно, вынужден был бы...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Что сделать?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Взять у тебя займы немного нравственности, вот и все. Однако, брат, знаешь — ты меня просто удивил, когда назвал мое имя рядом с именем лэди Тизл; право, я всегда думал, что ее фаворит — ты.

Д ж о з э ф С э р ф э с. О, стыдись, Чарльз! Защищать себя таким способом — неумно.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Нет, серьезно, я видел, как вы обменивались многозначительными взглядами...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Что за шутки!

Ч а р л ь з С э р ф э с. Ей богу же, я говорю серьезно. Неужели ты не помнишь, — однажды, когда я зашел к тебе...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Чарльз, Чарльз, грошу тебя!

Ч а р л ь з С э р ф э с. И застал вас вдвоем...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ш-ш-ш... Чарльз, говорю же тебе, что...

Ч а р л ь з С э р ф э с. И потом в другой раз, когда твой слуга...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Брат, брат, на два слова... Сюда! *(В сторону.)* Боже мой... Нужно как-нибудь остановить его!

Ч а р л ь з С э р ф э с. Твой слуга, очевидно посвященный во все...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Замолчи! Слушай, извини меня, но сэр Питер слышал все, что мы здесь говорили. Я знал, что ты оправдаешь себя в его глазах, иначе я не согласился бы.

Чарльз Сэрфэс. Как, сэр Питер? Где он?

Джозэф Сэрфэс. Тише, он тут. *(Указывает на чулан.)*

Чарльз Сэрфэс. Ну, клянусь богом, я его оттуда вытащу. Сэр Питер, пожалуйста!

Джозэф Сэрфэс. Нет, нет...

Чарльз Сэрфэс. Пожалуйста, пожалуйста, сэр Питер, на расправу! *(Вытаскивает сэра Питера.)* Как? Мой старый опекун шпионит, подслушивает? Фу! Фу!

Сэр Питер. Дайте мне вашу руку, Чарльз, я верю, что несправедливо вас заподозрил; но вы не должны сердиться на Джозэфа... Это была моя затея.

Чарльз Сэрфэс. В самом деле?

Сэр Питер. Вы оправданы, Чарльз. Верьте мне: я думаю о вас уже почти не так плохо, как прежде: то, что я слышал, меня успокоило.

Чарльз Сэрфэс. Ну, ваше счастье, что вы не слышали еще кое-чего больше. Правда, Джозэф?

Сэр Питер. Ага! Вы хотели все свалить на него.

Чарльз Сэрфэс. Да, я хотел подшутить над ним.

Сэр Питер. Нет, нет, я знаю слишком хорошо его честность.

Чарльз Сэрфэс. Но ведь так же, как ко мне, вы могли приревновать и к нему? Не так ли, Джозэф?

Сэр Питер. Да ладно, ладно: я вам верю.

Джозэф Сэрфэс *(в сторону)*. Убирались бы они оба к чорту!

Сэр Питер. И впредь, может быть, мы уж не будем так сторониться друг друга.

Возвращается слуга и шепчется с Джозэфом.

Слуга. Лэди Снiruэл внизу и желает войти.

Джозэф Сэрфэс. Лэди Снiruэл! Тьфу ты пропасть! Сюда ей нельзя! *(Слуга уходит.)* Господа, прошу извинения... я должен попросить вас вниз: ко мне явилась одна особа по неотложному делу.

Чарльз Сэрфэс. Ну, ты можешь принять ее в другой комнате. Мы с сэром Питером давно не видались, и нам надо переговорить кой-о-чем.

Джозэф Сэрфэс *(в сторону)*. Вместе их нельзя тут оставить. Я сплавлю лэди Снiruэл и сейчас же вернусь. *(Тихо—сэрчу Питеру.)* Сэр Питер, ни слова о французенке-модистке.

Сэр Питер *(тихо — Джозэфу)*. Я? Да ни за что на свете! *(Джозэф Сэрфэс уходит.)* Ах, Чарльз, если бы вы чаще встречались с братом, можно было бы надеяться, что вы и в самом деле исправитесь. Это такой высоко-нравственный человек. Да, нет ничего на свете благороднее нравственного человека.

Чарльз Сэрфэс. Ну, он чересчур уж моралист и так боится за свое, как он это называет, доброе имя, что, право, скорее пустит к себе в комнату патера, чем женщину.

Сэр Питер. Нет, нет, вы неправы относительно этого. Нет, нет! Джозэф не распутник, но он вовсе и не такой святой в этом отношении. *(В сторону.)* Меня очень подмывает сказать ему: вот бы мы посмеялись над Джозэфом!

Чарльз Сэрфэс. Чорт его возьми! Да это настоящий анахорет, это молодой монах!

Сэр Питер. Ш-ш-ш! Не надо говорить о нем такие вещи: может случиться, что он узнает об этом...

Чарльз Сэрфэс. Но как? Вы же ведь не скажете ему?

Сэр Питер. Нет... но... знаете... *(В сторону.)* Ей-богу, я скажу ему. *(Громко.)* Вот что: хотите досыта похохотать над Джо-зэфом?

Чарльз Сэрфэс. Еще бы нет! Чего же лучше?

Сэр Питер. Ну, так мы посмеемся! Я по-квитаюсь с ним за то, что он выдал меня. *(Шепчет.)* С ним была девушка, когда я сюда вошел.

Чарльз Сэрфэс. Как? С Джо-зэфом? Вы шутите!

Сэр Питер. Тсс! Французская модистка, и забавнее всего, что она и сейчас здесь, в комнате.

Чарльз Сэрфэс. Здесь? Что за дьявол! Где — здесь?

Сэр Питер. Тсс! Я вам говорю — здесь. *(Показывает на ширму.)*

Чарльз Сэрфэс. За ширмой! Ну, мы ее оттуда вытащим!

Сэр Питер. Нет, нет, он идет: нельзя, нельзя!

Чарльз Сэрфэс. Да ей-богу же, мы только взглянем на эту модисточку!

Сэр Питер. Ни за что на свете! Джо-зэф никогда не простит мне.

Чарльз Сэрфэс. Я за вас заступлюсь...
Сэр Питер. Бога ради... Он идет!

*Чарльз опрокидывает ширмы. Возвращается
Джозэф Сэрфэс.*

Чарльз Сэрфэс. Лэди Тизл! Что за чудеса!

Сэр Питер. Лэди Тизл! Что за чорт!

Чарльз Сэрфэс. Ну, сэр Питер, это — самая очаровательная модистка, какую мне случилось видеть. Ей-богу, вы, кажется, тут развлекаетесь игрой в прятки и в этой игре все участвуют. Может быть, вы, сударыня, что-нибудь скажете нам? Ни слова? Брат, не угодно ли тебе объяснить, в чем дело? Как, и нравственность онемела? Сэр Питер, вы все время бродили в потемках: быть может, теперь свет озарил вас? Все молчат. Ну, значит, мне тут нечего делать: похоже, что вы все прекрасно понимаете друг друга, и поэтому я оставляю вас одних. *(Уходя.)* «Брат, ты причинил большое огорчение этому достойному человеку, и мне это очень прискорбно»... Сэр Питер, «нет ничего на свете благороднее нравственного человека». *(Уходит.)*

Джозэф Сэрфэс. Сэр Питер... несмотря на все... Конечно, обстоятельства против меня... Я не сомневаюсь, что... Если только вы согласны выслушать, я... Я все объясню вам.

Сэр Питер. Будьте добры, сэр.

Джозэф Сэрфэс. Дело в том, сэр, что лэди Тизл, зная о моих намерениях относительно вашей воспитанницы Марии... То есть, я

хочу сказать, сэр, что лэди Тизл, зная ваш ревнивый характер... то есть, зная мою дружбу к вашему семейству... она, сэр, видите ли... зашла сюда.., чтобы потребовать от меня объяснения относительно моих намерений... но при вашем приходе... опасаясь, как я сказал... вашей ревности... она спряталась... в этом и все дело, уверяю вас — это правда.

Сэр Питер. До чего простое объяснение, честное слово! Ручаюсь, что лэди Тизл согласна с каждым его пунктом.

Лэди Тизл. Ни с одним словом, сэр Питер.

Сэр Питер. Вот как? Вы думаете, что даже не стоит притворяться?

Лэди Тизл. В том, что вам сказал этот господин, — ни одного слова правды.

Сэр Питер. Вот тут я вам верю, сударыня, вполне!

Джозэф Сэрфэс (*тихо — лэди Тизл*). Чорт возьми! Вы хотите выдать меня?

Лэди Тизл. Уважаемый м-р Лицемер, с вашего разрешения, я буду говорить сама за себя.

Сэр Питер. Да, да, оставьте ее в покое, сэр; вы увидите, что она и без ваших подсказок сочинит историю не хуже, чем вы.

Лэди Тизл. Выслушайте меня, сэр Питер. Я пришла сюда вовсе не по делу, касающемуся вашей воспитанницы; я даже и не знала, что у него есть какие-то виды на нее. Я пришла, соблазненная его коварными доводами, пришла, чтобы слушать его лживые признания в любви, а может быть даже и хуже: чтобы принести вашу честь в жертву его подлости.

Сэр Питер. Вот когда правда выходит наружу!

Джозэф Сэрфэс. Она с ума сошла!

Лэди Тизл. Нет, сэр, она пришла в себя, и ваши собственные проделки помогли тому. Сэр Питер, я не жду, что вы мне поверите, но вы говорили обо мне с такой нежностью — и притом говорили, ни в каком случае не подозревая, что я могу это слышать, — это так тронуло меня, что... даже если бы я ушла отсюда без этого позорного разоблачения, то вся моя дальнейшая жизнь была бы только выражением моей благодарности к вам. А этот сладкоязычный лицемер, который хотел увлечь жену своего слишком доверчивого друга, а сам в то же время притворялся, что с честными намерениями ухаживает за вашей воспитанницей!.. Ну, теперь-то уж я увидела его в настоящем свете! Я никогда не прощу себе, что могла слушать его! *(Уходит.)*

Джозэф Сэрфэс. Сэр Питер... Несмотря на все это, видит бог, что я...

Сэр Питер. Что вы — мерзавец! И потому я оставляю вас наедине с вашей совестью.

Джозэф Сэрфэс. Вы слишком торопитесь, сэр Питер; вы должны меня выслушать. Человек, который отказывается выслушать своего ближнего...

Сэр Питер. О, будь они прокляты — эти ваши проповеди!

Сэр Питер и Джозэф Сэрфэс уходят, разговаривая.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I

Библиотека в доме Джозэфа Сэрфэса. Входят Джозэф Сэрфэс и слуга.

Джозэф Сэрфэс. М-р Стэнли? С чего ты взял, что я хочу его видеть? Ты бы должен знать, что он ходит попрошайничать.

Слуга. Сэр, я не впустил бы его, но с ним пришел м-р Раули.

Джозэф Сэрфэс. Вот дурак! Действительно, сейчас у меня самое подходящее на-

строение, чтобы принимать бедных родственников! Ну, чего же ты его не ведешь сюда?

Слуга. Сейчас, сэр. Что же, сэр, я ведь не виноват, что сэр Питер нашел здесь милэди...

Джозэф Сэрфэс. Пошел вон, болван! *(Слуга уходит.)* Нет, ни над кем судьба не шутила так зло, как надо мной, а ведь я — не плохой дипломат. Расположение сэра Питера, мои надежды на брак с Марией, все погибло в одну минуту! Сейчас мне самое время — слушать про несчастья других! Да я просто не в состоянии сказать Стэнли ни единого доброго слова! Ну вот он, и Раули с ним. Надо, однако, притти в себя и соорудить физиономию поприветливей. *(Уходит.)*

Входят сэр Оливер Сэрфэс и Раули.

Сэр Оливер. Как? Он бежит от нас? Ведь это был он, не правда ли?

Раули. Да, он, сэр. Но боюсь — вы пришли слишком неожиданно. У него такие слабые нервы, что видеть бедного родственника ему не под силу. Мне нужно было бы раньше пойти и подготовиться к этому.

Сэр Оливер. О, чорт бы побрал его нервы! И это его сэр Питер перевозносит, как человека с благороднейшим образом мыслей!

Раули. Насчет его образа мыслей я не берусь судить. Надо отдать ему справедливость: теоретически — это на редкость добрый человек, но он слишком чувствителен, чтобы снизить до выражения своей доброты на деле.

Сэр Оливер. И все же благородные чувства он носит, как четки на кончиках пальцев.

Раули. Вернее, на кончике языка, сэр Оливер. Думаю, ни одному изречению он так не верит, как пословице: «своя рубашка к телу ближе».

Сэр Оливер. И эта его рубашка, пожалуйста, к нему пришита: для другого он ее не снимет.

Раули. Я боюсь, что вы в этом скоро убедитесь, — однако вот и он. Я не буду мешать вам; но не забудьте: как только вы от него уйдете, я приду доложить ему о вашем прибытии — уже в вашем настоящем виде.

Сэр Оливер. Ладно, а потом мы встретимся у сэра Питера.

Раули. Не теряя ни минуты. *(Уходит.)*

Сэр Оливер. Не нравится мне эта его любезная мина.

Возвращается Джозэф Сэрфэс.

Джозэф Сэрфэс. Тысячу извинений, сэр, за то, что заставил вас немного подождать... М-р Стэнли, не так ли?

Сэр Оливер. К вашим услугам.

Джозэф Сэрфэс. Сэр, сделайте мне честь — присядьте... Очень прошу вас, сэр.

Сэр Оливер. О, сэр, помилуйте! *(В сторону.)* Очень уж что-то вежлив!

Джозэф Сэрфэс. Я не имею удовольствия знать вас, м-р Стэнли, но я крайне счастлив, что вижу вас в таком добром здравьи. Вы, кажется, приходитеесь близким родственником моей матери, м-р Стэнли?

Сэр Оливер. Да, сэр, настолько близким, что, боюсь, моя теперешняя бедность может

бросить тень на репутацию ее богатых детей; иначе я не посмел бы вас беспокоить.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Сэр, не надо никаких извинений: тот, кто находится в несчастьи, хотя бы он был и чужим, имеет право на родство с богатым. Я очень бы хотел принадлежать к числу богатых людей, чтобы быть в состоянии оказать вам хоть небольшую помощь.

С э р О л и в е р. Если б здесь был ваш дядя — сэр Оливер, у меня был бы друг.

Д ж о з э ф С э р ф э с. От всей души желал бы этого, сэр: у вас был бы адвокат перед ним, верьте мне, сэр.

С э р О л и в е р. Адвокат мне был бы не нужен, за меня говорили бы мои несчастья. Но я думал, что его щедрость могла бы сделать вас посредником его милосердия.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Вы очень ошибаетесь, сэр. Сэр Оливер достойный человек, очень достойный человек; но скупость, м-р Стэнли, порок, свойственный его возрасту. Скажу вам сэр, по секрету: он для меня ничего не сделал, решительно ничего; люди, я знаю, думали иначе, но я никогда не старался опровергать этих слухов.

С э р О л и в е р. Как? Разве он никогда не посылал вам золотых слитков, рупий, драгоценностей?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Нет, сэр, ничего подобного! Нет, нет; только иногда кой-какие подарки — фарфор, шали, чай, индийские сухари и другие пустяки в этом роде, можете мне поверить.

С э р О л и в е р (в сторону). Вот так благо-

дарность за двенадцать тысяч фунтов! Индийские сухари, да!

Д ж о з э ф С э р ф э с. К тому же, сэр, вы, конечно, слышали о расточительности моего брата: никто не поверит, сколько я сделал для этого несчастного молодого человека.

С э р О л и в е р *(в сторону)*. Да, уж я-то не поверю!

Д ж о з э ф С э р ф э с. Сколько я давал ему взаймы! Конечно, в этом я очень виноват: это была слабость; впрочем, я и не думаю защищать ее, теперь я считаю ее вдвойне преступной, потому что она лишает меня удовольствия оказать услугу вам, м-р Стэнли, а я хотел бы этого от всего сердца.

С э р О л и в е р *(в сторону)*. Притворщик! *(Громко.)* Значит, сэр, вы не можете мне помочь?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Мне горько сказать это, но сейчас — не могу; впрочем, при первой же возможности я дам вам знать, будьте спокойны.

С э р О л и в е р. Мне чрезвычайно жаль...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Не более, чем мне, поверьте; сожалеть без возможности помочь — это еще тяжелее, чем просить и получить отказ.

С э р О л и в е р. Сэр, остаюсь вашим покорнейшим слугою.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Я огорчен, м-р Стэнли, до глубины души... *(Кричит слуге.)* Уильям, открой дверь!

С э р О л и в е р. Пожалуйста, сэр, не беспокойтесь.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ваш покорнейший слуга!

С э р О л и в е р. Ваш нижайший...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Будьте уверены, что я дам вам знать, как только смогу быть вам полезным.

С э р О л и в е р. Уважаемый сэр, вы слишком добры.

Д ж о з э ф С э р ф э с. В ожидании этого я желаю вам здоровья и бодрости.

С э р О л и в е р. Всегда вам буду признателен. Ваш покорнейший слуга...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Сэр, искренно ваш...

С э р О л и в е р (в сторону). Ну, с меня довольно! (Уходит.)

Д ж о з э ф С э р ф э с. В добротe — есть одно неудобство: начинают ходить к тебе разные попрошайки; нужна порядочная ловкость, чтобы бесплатно приобрести репутацию доброго человека. Массивное серебро чистого милосердия — это убыточная статья в приходе-расходной книге человеческих добродетелей; моя сентиментальность — дело другое: это — французское накладное серебро, вид у него как у настоящего, а налога на него нет.

Возвращается Раули.

Р а у л и. М-р Сэрфэс, ваш слуга! Я боялся помешать вам, но, как вы это узнаете из письма, мое дело не терпит отлагательства.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Всегда счастлив видеть вас, м-р Раули. (В сторону.) Мошенник!

(Читает письмо.) Сэр Оливер Сэрфэс! Мой дядя приехал!

Раули. Да, мы только что расстались: он совершенно здоров, несмотря на утомительное путешествие, и жаждет обнять своего достойного племянника.

Джозэф Сэрфэс. Ну, и удивили вы меня! *(Кричит слуге.)* Уильям! Останови м-ра Стэнли, если он еще не ушел.

Раули. О, думаю, что его уж не догнать.

Джозэф Сэрфэс. Почему вы не сказали мне об этом раньше? Ведь вы пришли вместе?

Раули. Я думал, у вас важное дело. Но мне надо пойти предупредить вашего брата и сказать ему, чтобы он шел сюда встречать своего дядю. Через четверть часа он уже будет здесь.

Джозэф Сэрфэс. Так он и говорит в письме. Ах, в каком я восторге от его приезда! *(В сторону.)* Вот не везет! Чорт знает что!

Раули. А какой у него здоровый вид — вы прямо обрадуетесь.

Джозэф Сэрфэс. О, еще бы не обрадоваться! *(В сторону.)* Принесло его... во-время.

Раули. Я расскажу ему, с каким нетерпением вы его ждете.

Джозэф Сэрфэс. Да, да; пожалуйста, передайте ему о моем глубочайшем почтении и любви. У меня не хватает слов, чтобы выразить свои чувства. Ведь только подумать: я сейчас вижу его... *(Раули уходит.)* Его приезд — это самая злая шутка, какую только могла сыграть со мною судьба. *(Уходит.)*

СЦЕНА II

*Комната в доме сэра Питера Тизл.
Входят м-с Кэндэр и горничная.*

Горничная. Уверяю вас, милэди, моя госпожа сейчас никого не может принять.

М-с Кэндэр. А вы сказали ей, что ее желает видеть ее друг, м-с Кэндэр?

Горничная. Да, милэди, но она просит вас извинить ее.

М-с Кэндэр. Сходите-ка еще раз. Я буду рада увидеться с ней хотя бы на минутку: я уверена, что у ней большие неприятности. *(Горничная уходит.)* Боже ты мой, какая досада! Я и половины подробностей не знаю! Я никому ничего не успею рассказать! Обо всей этой истории, об именах действующих лиц — все раньше прочтут в газетах! *(Входит Бэнджамэн Бэкбайт.)* О, дорогой сэр Бэнджамэн, вы, думаю, уж слышали...

Сэр Бэнджамэн. О том, как лэди Тизл и м-р Сэрфэс...

М-с Кэндэр. И как сэр Питер поймал их...

Сэр Бэнджамэн. О, да, это самое замечательное!

М-с Кэндэр. Я была так удивлена, как никогда в жизни! Мне так их всех жаль!

Сэр Бэнджамэн. Ну, сэра Питера мне совсем не жаль: он был уж слишком пристрастен к м-ру Сэрфэсу.

М-с Кэндэр. К какому м-ру Сэрфэсу? Ведь, лэди Тизл накрыли с Чарльзом?

Сэр Бэнджамэн. Нет, нет, я вам говорю, м-р Джозэф Сэрфэс — ее любовник.

М-с Кэндэр. Ничего подобного! Это был Чарльз, а м-р Сэрфэс нарочно привел сэра Питера, чтоб тот застал их.

Сэр Бэнджамэн. Я вам говорю, я это слышал от... гм....

М-с Кэндэр. А я это слышала от... гм...

Сэр Бэнджамэн. От того, кто сам слышал это, от того, кто... гм...

М-с Кэндэр. Кто сам видел. Но вот сюда идет лэди Снируэл; быть может она знает обо всем.

Входит лэди Снируэл.

Лэди Снируэл. И так, моя дорогая м-с Кэндэр, печальное происшествие с нашим другом лэди Тизл!

М-с Кэндэр. Да, мой дорогой друг, кто бы мог подумать...

Лэди Снируэл. Ну, знаете, по внешности никогда нельзя судить; хотя, правду сказать, она была всегда слишком развязна.

М-с Кэндэр. Конечно, она держала себя чересчур свободно; но ведь она так еще молода!

Лэди Снируэл. И потом — кое-что хорошее все же в ней было.

М-с Кэндэр. Да, конечно. Но вы знаете подробности?

Лэди Снируэл. Нет, но все говорят, что м-р Сэрфэс...

Сэр Бэнджамэн. Ну, вот! Я уже говорил вам, что это был м-р Джозэф Сэрфэс.

М - с Кэндэр. Нет, нет: свидание было с Чарльзом.

Лэди Снируэл. С Чарльзом? Вы пугаете меня, м-с Кэндэр.

М - с Кэндэр. Да, да; он был ее любовником. М-р Сэрфэс, надо отдать ему справедливость, был только доносчиком.

Сэр Бэнджамэн. Хорошо, я не стану спорить с вами, м-с Кэндэр; но как бы то ни было, я надеюсь, что рана сэра Питера не окажется...

М - с Кэндэр. Рана сэра Питера? Боже милосердный! Я и не слышала о том, что они дрались!

Лэди Снируэл. И я тоже ни слова.

Сэр Бэнджамэн. Нет? Неужели при вас никто не упоминал о дуэли?

М - с Кэндэр. Ни звука!

Сэр Бэнджамэн. О, да! Дуэль произошла там же, в той же самой комнате.

Лэди Снируэл. Пожалуйста, расскажите нам!

М - с Кэндэр. Про дуэль — сделайте одолжение!

Сэр Бэнджамэн. «Сэр, — говорит сэр Питер, тотчас же, как все обнаружилось: — «Сэр, вы неблагодарный негодяй»...

М - с Кэндэр. Сэр Питер — Чарльзу?

Сэр Бэнджамэн. Нет, нет: Джозэфу. «Вы неблагодарный негодяй, и, как я ни стар, сэр», — говорит он, — «я требую немедленного удовлетворения».

М - с Кэндэр. Да, но все это могло быть сказано только Чарльзу, потому что , совер-

шенно невероятно, чтобы м-р Сэрфэс стал драться в своем собственном доме.

Сэр Бэнджамэн. Ах, боже ты мой — да ничего подобного! Он сказал: «Требую, чтобы сейчас же вы дали мне удовлетворение». Лэди Тизл, увидевши сэра Питера в такой опасности, выбежала из комнаты в сильнейшей истерике, а Чарльз за ней, — бежит и кричит, чтоб дали нашатырного спирта и воды; затем они начали драться на шпагах...

Входит Крэбтри.

Крэбтри. На пистолетах, племянник, на пистолетах! Я знаю это из достоверного источника.

М-с Кэндэр. О, м-р Крэбтри, так значит все это верно?

Крэбтри. Увы, слишком верно, сударыня, и сэр Питер опасно ранен.

Сэр Бэнджамэн. Ударом шпаги насквозь через левый бок.

Крэбтри. Пулей, засевшей в груди.

М-с Кэндэр. Господи, помилуй! Бедный сэр Питер.

Крэбтри. Да, сударыня; Чарльз, конечно, хотел избежать этого несчастья, но не мог.

М-с Кэндэр. Я же говорила вам, кто это был; я знаю, что это был Чарльз.

Крэбтри. Не мог, потому что сэр Питер обвинял его в самой низкой неблагодарности...

Сэр Бэнджамэн. Я ведь говорил вам...

Крэбтри. Пожалуйста, племянник, дай мне сказать! — и настаивая на немедленном...

Сэр Бэнджамэн. Точь в точь, как я говорил!

Крэбтри. Чорт возьми, племянник, позволь и другим знать кое-что! Пара пистолетов лежала на бюро; м-р Сэрфэс, кажется, только накануне вернулся из Солтхилля, он ездил туда с одним своим другом на праздник Итонской школы, в которой учится сын этого друга, так что, к несчастью, пистолеты не были заряжены.

Сэр Бэнджамэн. Я ничего подобного не слышал.

Крэбтри. Сэр Питер заставил Чарльза взять один из них, и они выстрелили, кажется, почти одновременно. Выстрел Чарльза, как я вам говорил, попал в цель, а сэр Питер промахнулся; но что замечательно, его пуля ударилась о бронзовую статуэтку Шекспира, которая стояла над камином, отскочила под прямым углом, вылетела в окно и ранила почтальона, который как раз в это время подошел к дверям с заказным письмом из Норсгэмптоншира.¹

Сэр Бэнджамэн. Не спорю, рассказ моего дяди более обстоятелен, но зато у меня — подлинная правда.

Лэди Снируэл (в сторону). Я заинтересована этим происшествием куда больше, чем они думают, — надо добыть более точные сведения. (Уходит.)

Сэр Бэнджамэн. А! Волнение лэди Снируэл очень легко объяснить.

¹ Норсгэмптоншир — одна из провинций в Англии.

Крэбтри. Да, да, конечно, о ней поговаривают... но, знаете, как-то так...

М-с Кэндэр. Но скажите, пожалуйста, где же теперь сэр Питер?

Крэбтри. Его отнесли домой, и теперь он здесь, хотя слугам приказано говорить, что его нет.

М-с Кэндэр. И я так думаю, а лэди Тизл, должно быть, ухаживает за ним.

Крэбтри. Да, да; и я видел, что как раз передо мной сюда вошел доктор.

Сэр Бэнджамэн. О, кто это идет сюда?

Крэбтри. Это он, самый. — доктор, будьте уверены.

М-с Кэндэр. Ну, конечно, это должно быть доктор, и теперь мы все узнаем.

Входит сэр Оливер Сэрфэс.

Крэбтри. Ну, доктор, как: есть надежда?

М-с Кэндэр. Да, доктор, что ваш пациент?

Сэр Бэнджамэн. Слушайте, доктор, ведь он ранен шпагой?

Крэбтри. Пулей в грудь, — держу пари!

Сэр Оливер. Доктор! рана шпагой! пуля в грудь! Ух! С ума вы сошли, добрые люди?

Сэр Бэнджамэн. Быть может, сэр, вы не доктор?

Сэр Оливер. Если я доктор, так только вам обязан этим званием.

Крэбтри. Так, значит, вы друг сэра Питера? Но, сэр, должны же вы были слышать о несчастье?

Сэр Оливер. Ни слова.

Крэбтри. А про то, что он опасно ранен?

Сэр Оливер. Чорта с два, он ранен!

Сэр Бэнджамэн. Проколот насквозь...

Крэбтри. Прострелен в грудь...

Сэр Бэнджамэн. Некиим м-ром Сэр-фэсом...

Крэбтри. Да, младшим...

Сэр Оливер. Что за чорт, все говорят разное! Очень странно... Но, кажется, вы все сходитесь в одном: что сэр Питер опасно ранен.

Сэр Бэнджамэн. Да, это бесспорно.

Крэбтри. Да, да. Уж в этом-то никакого сомнения быть не может.

Сэр Оливер. Ну, если так, то, честное слово, этот раненый ведет себя очень неосторожно: как ни в чем не бывало, он идет сюда, к нам. (*Входит сэр Питер Тизл.*) Ну, сэр Питер, вы пришли во-время, уверяю вас: мы вас только что собирались похоронить.

Сэр Бэнджамэн (*отдельно — Крэбтри*). Вот неожиданность. Он уже успел выздороветь!

Сэр Оливер. Ну, друг, как же это, а? Зачем же это вы встали с постели, если у вас проколот бок шпагой и пуля в груди?

Сэр Питер. Шпага! Пуля!

Сэр Оливер. Да, эти джентльмэны чуть не убили вас — и даже без помощи суда и медицины; а мне дали диплом доктора, чтобы сделать меня соучастником.

Сэр Питер. Как? что все это значит?

Сэр Бэнджамэн. Мы очень рады, сэр Питер, что эта история насчет дуэли оказа-

лась выдумкой и искренно сожалеем о другом вашем несчастье.

Сэр Питер (в сторону). Так, так; всему городу уже известно!

Крэбтри. Хотя, конечно, сэр Питер, вы и сами очень виноваты: как можно жениться в ваши годы!

Сэр Питер. Позвольте, сэр, какое вам до этого дело?

М-с Кэндэр. Но ведь сэр Питер был такой хороший муж, что, право, очень жаль...

Сэр Питер. К чорту вас с вашей жалостью! Не нужна она мне!

Сэр Бэнджамэн. Ничего, сэр Питер, не стоит обращать внимания на их насмешки и шутки по поводу этой истории.

Сэр Питер. Сэр! В своем доме я хотел бы быть хозяином!

Крэбтри. Вы можете утешаться тем, что это и с другими случилось.

Сэр Питер. Я хочу остаться один и без всяких церемоний требую, чтобы вы сейчас же уходили из моего дома!

М-с Кэндэр. Хорошо, хорошо, мы уходим; будьте уверены, что мы расскажем обо всем так, что лучше и нельзя. (Уходит.)

Сэр Питер. Уходите!

Крэбтри. И расскажем, как вас оскорбили. (Уходит.)

Сэр Питэр. Уходите!

Сэр Бэнджамэн. И как терпеливо вы это переносите. (Уходит.)

Сэр Питер. Черти! ехидны! фурии! О, чтоб им подохнуть от их собственного яда!

Сэр Оливер. Да, сэр Питер, они хоть кого выведут из терпения.

Входит Раули.

Раули. Тут была какая-то перепалка: что вас рассердило, сэр?

Сэр Питер. Ха! К чему спрашивать! Разве проходит день, чтоб меня не сердили?

Раули. Ладно, я не любопытен.

Сэр Оливер. Ну, сэр Питер, я виделся с обоими моими племянниками, — мы все сделали, как было условлено.

Сэр Питер. Ну, уж милая парочка — эти ваши племянники!

Раули. Да, и сэр Оливер убедился, что ваше мнение о них было справедливо, сэр Питер.

Сэр Оливер. Да, я понял, что Джозэф — вот это действительно человек.

Раули. Человек высокой морали, как говорит сэр Питер.

Сэр Оливер. И поступает согласно моральным правилам, которые исповедует.

Раули. Слушать его так поучительно.

Сэр Оливер. Это — прямо образец для наших молодых людей. Но как же это так, сэр Питер? Мы расхваливаем вашего друга Джозэфа, а вы не хотите поддержать нас? Не ожидал!

Сэр Питер. Сэр Оливер, мы живем в дьявольски скверном мире, и чем меньше мы станем хвалить, тем лучше.

Раули. Как? Вы ли это говорите, сэр Питер; вы, человек, который ни разу в жизни не ошибался?

Сэр Питер. Ах, да убирайтесь вы оба к чорту! По вашим улыбкам я вижу, что вам уж все известно. С вами тут с ума спятишь!

Раули. Ну, чтобы не сердить вас больше, сэр Питер, скажу вам: мы действительно все знаем. Я встретил лэди Тизл, когда она шла сюда от м-ра Сэрфэса. Она была так подавлена, что удостоила просить меня быть ее заступником перед вами.

Сэр Питер. И сэр Оливер тоже все знает?

Сэр Оливер. Все — до мельчайших подробностей.

Сэр Питер. И про чулан и про ширму тоже?

Сэр Оливер. Да, да, и про французенку-модистку. Ну, и позабавила же меня эта история. Ха-ха-ха!

Сэр Питер. Да, это очень забавно!

Сэр Оливер. Никогда в жизни я так не смеялся, уверяю вас! Ха-ха-ха!

Сэр Питер. Ну, такая была потеха! Ха-ха-ха!

Раули. Еще бы: Джозэф и его моральные правила! Ха-ха-ха!

Сэр Питер. Да, да; его моральные правила! Ха-ха-ха! Лицемерный негодяй!

Сэр Оливер. И этот плут Чарльз, вытаскивающий сэра Питера из чулана! Ха-ха-ха!

Сэр Питер. Ха-ха! Это все, конечно, до чорта смешно!

Сэр Оливер. Ха-ха-ха! Ну, сэр Питер, хотел бы я видеть, какая была у вас физиономия, когда упала ширма! Ха-ха!

Сэр Питер. Да, да! Моя физиономия, когда упала ширма... Ха-ха-ха! О, мне теперь и глаз никуда показать нельзя!

Сэр Оливер. Ну, ладно, ладно! Я знаю: не хорошо смеяться над вами, старый дружище; но, ей-богу же, никак не удержаться!

Сэр Питер. О, пожалуйста, и не старайтесь: то, что вы надо мной смеетесь, — это меня несколько не оскорбляет. Я сам смеюсь надо всем этим. Да да, по-моему быть посмешищем для всех знакомых — очень приятное положение! О, да! А затем в одно прекрасное утро прочитать статью о м-ре С..., лэди Т... и сэре П... — это будет так интересно!

Раули. Нет, серьезно, сэр Питер, не обращайтесь внимания на насмешки глупцов. Но я вижу, лэди Тизл прошла в соседнюю комнату. Я уверен, что вы так же горячо, как и она, желаете примирения.

Сэр Оливер. Быть может, ее стесняет то, что я здесь? Ладно; я оставлю честного Раули в виде посредника между вами, но потом он должен немедленно привести вас обоих к Джоэфу. Я иду сейчас к нему, и если мне не удастся исправить повесу Чарльза, то, по крайней мере, я хоть этого лицемера выведу на чистую воду.

Сэр Питер. Я от души хотел бы присутствовать при разоблачении вашего инкогнито, — хоть мне с разоблачениями там и очень не повезло...

Раули. Мы скоро придем.

Сэр Оливер уходит.

Сэр Питер. Вы видите, Раули: она не хочет идти сюда.

Раули. Да, но ведь она оставила дверь в ту комнату открытой. И взгляните: она вся в слезах.

Сэр Питер. Небольшое огорчение женам идет впрок. Как вы думаете, не будет ли полезней для нее — дать ей немножко поплакать?

Раули. О, это неблагородно с вашей стороны!

Сэр Питер. Ну, уж я не знаю, что и думать. Вы помните, как я нашел ее письмо, очевидно, предназначавшееся для Чарльза?

Раули. Это чистое мошенничество, сэр, Питер: письмо вам подкинули. Это один из пунктов, по которым Снэйк должен дать вам показания.

Сэр Питер. Хотел бы я, наконец, успокоиться на этот счет. Она смотрит сюда. До чего изящен у нее поворот головы! Раули, я пойду к ней.

Раули. Ну, конечно.

Сэр Питер. Однако, когда станет известно, что мы помирились, надо мной будут смеяться в десять раз больше.

Раули. Пусть их смеются! А вы покажите им, что вы счастливы, несмотря ни на что, — это будет лучшим ответом.

Сэр Питер. Право, я так и сделаю! И если я не ошибаюсь, мы все-таки можем быть счастливейшей парой в мире.

Раули. И затем, сэр Питер, тот, кто хоть раз отбросит в сторону подозрительность...

Сэр Питер. Стойте, мистер Раули! Если

вы сколько-нибудь уважаете меня, никогда не произносите в моем присутствии ничего похожего на проповедь морали; я наслушался их столько, что на всю жизнь хватит. (*Уходит.*)

СЦЕНА III

*Библиотека в доме Джозэфа Сэрфэса.
Входят Джозэф Сэрфэс и лэди Снируэл.*

Лэди Снируэл. Невозможно! Неужели сэр Питер помирился с Чарльзом и перестанет противиться его браку с Марией? Эта мысль приводит меня в отчаяние.

Джозэф Сэрфэс. Отчаянием дела не поправить.

Лэди Снируэл. И хитростью тоже. Какая дура я была, какая идиотка, что доверилась такому болвану!

Джозэф Сэрфэс. Право, лэди Снируэл, я от этого терплю больше всех; однако, вы видите, я спокойно переношу неудачу.

Лэди Снируэл. Потому что эта неудача не затрагивает вашего сердца; ведь только ради выгоды вы добивались Марии. Если бы вы чувствовали к ней то же, что я к этому неблагодарному повесе, так вам не удалось бы скрыть своего огорчения, — тут уж не помогло бы ни ваше лицемерие, ни ваш характер.

Джозэф Сэрфэс. Но почему вы за все это упрекаете именно меня?

Лэди Снируэл. А разве не вы всему причина? Мало вам было того, что вы наду-

вали сэра Питера и сживали со свету Чарльза? Нет, вам непременно понадобилось соблазнить чужую жену! Я ненавижу такую жадность к преступлениям; это несправедливая монополия, ничего хорошего из нее не выходит.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Хорошо, согласен, что я виноват. Я сознаюсь, что уклонился немного в сторону с прямой дороги, но я вовсе не думаю, что мы потерпели окончательное поражение.

Л э д и С н и р у э л. Как?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Вы говорите, что после нашей последней встречи вы еще раз проверили настроение Снэйка и считаете, что он — с нами?

Л э д и С н и р у э л. Я так думаю.

Д ж о з э ф С э р ф э с. И что он обещал в случае надобности клятвенно засвидетельствовать, что Чарльз в настоящее время связан с вами обещаниями и честью? И что это можно подкрепить некоторыми из его писем?

Л э д и С н и р у э л. Пожалуй, это в самом деле могло бы помочь.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ну вот, еще не все потеряно. (Стук в дверь.) Слышите? Это, наверно, мой дядя, сэр Оливер; уйдите пока в ту комнату, потом мы с вами еще поговорим.

Л э д и С н и р у э л. Хорошо, но если и он раскусит вас?

Д ж о з э ф С э р ф э с. О, этого я не боюсь. Сэр Питер будет держать язык за зубами ради своих же собственных интересов, а насчет дяди Оливера — будьте уверены, я живо найду его слабую струнку.

Лэди Снируэл. В ваших талантах я не сомневаюсь, — только не затевайте больше одной интриги за раз.

Джозэф Сэрфэс. Хорошо, хорошо! (Лэди Снируэл уходит.) Да... До чего тяжело: такая неудача, а тут еще твоя же соучастница на тебя нападает. Ну, во всяком случае, моя репутация настолько лучше репутации Чарльза... Как? Да это не сэр Оливер, а опять старик Стэнли! А, чтоб ему... Опять будет приставать ко мне — нашел время! Сэр Оливер придет, застанет его здесь... (Входит сэр Оливер Сэрфэс.) Ну, что ж это, м-р Стэнли! Зачем вы явились, — опять приставать ко мне? Вам здесь не место.

Сэр Оливер. Сэр, я слышал, что сюда ждут сэра Оливера, и хотя он был так скуп по отношению к вам, но я все же попытаюсь, может быть он сделает что-нибудь для меня.

Джозэф Сэрфэс. Сэр, сейчас вам здесь нельзя оставаться, и потому я должен просить вас... Приходите в другой раз, тогда я вам помогу — обещаю вам это.

Сэр Оливер. Нет, я должен познакомиться с сэром Оливером.

Джозэф Сэрфэс. А, черт возьми! В таком случае, я требую, чтобы вы сейчас же ушли отсюда!

Сэр Оливер. Нет, сэр...

Джозэф Сэрфэс. Сэр, я требую этого! Сюда, Уильям! Покажи дорогу этому джентльмену. Вы хотите меня заставить, сэр... сию же минуту вон отсюда! Этакое нахальство! (Хочет его вытолкнуть вон.)

Входит Чарльз Сэрфэс.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Эй, эй, что такое? Что ты тут делаешь с моим маклером? Тише, брат, не толкай м-ра Премиум, чорт возьми... В чем дело, друг любезный?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Как? Значит, он и у тебя тоже был?

Ч а р л ь з С э р ф э с. Конечно, был. Что ж, он честный малый — сравнительно... Но надеюсь, Джозэф, ты не собираешься занимать у него деньги?

Д ж о з э ф С э р ф э с. Занимать у него деньги? Нет... Но ты знаешь, брат, мы ждем сюда сэра Оливера каждую...

Ч а р л ь з С э р ф э с. И Нолль не должен застать здесь моего маклерчика, это ясно.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Однако м-р Стэнли настаивает...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Стэнли? Нет: его имя Премиум.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Нет, Стэнли.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Нет, нет, Премиум.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Ну, да все равно, как его зовут, но только...

Ч а р л ь з С э р ф э с. Так, так! Стэнли или Премиум — это одно и то же, по-твоему; и я думаю, у него есть еще с полсотни имен, не считая псевдонимов... *(Стучат.)*

Д ж о з э ф С э р ф э с. Боже мой, это сэр Оливер! Ну, прошу вас, м-р Стэнли...

Ч а р л ь з С э р ф э с. Да, да, и я прошу вас, м-р Премиум...

С э р О л и в е р. Д ж е н т л ь м э н ы...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Сэр, ради бога, лучше уходите!

Ч а р л ь з С э р ф э с. Да выставить его отсюда — вот и все.

С э р О л и в е р. Это насилие...

Д ж о з э ф С э р ф э с. Сэр, вы сами виноваты.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Вон его, вон отсюда!
(Оба начинают выталкивать сэра Оливера.)

Входят сэр Питер, лэди Тизл, Мария и Раули.

С э р П и т е р. Старый дружище, сэр Оливер! Что за чудеса? Вот так почтительные племянники... Берут дядю штурмом при первой же встрече!

Л э д и Т и з л. Ну, сэр Оливер, хорошо, что мы явились вам на помощь.

Р а у л и. Да, похоже, что роль старика Стэнли плохо вам помогает.

С э р О л и в е р. Так же, как и роль м-ра Премиума. Никакие несчастья Стэнли и шиллинга не могли выжать из этого любезного джентльмэна, а во второй роли — еще хуже: сперва мне спустили за гроши моих предков, а потом чуть и самого не спустили с лестницы без всяких разговоров.

Д ж о з э ф С э р ф э с. Чарльз!

Ч а р л ь з С э р ф э с. Джозэф!

Д ж о з э ф С э р ф э с. Теперь все кончено.

Ч а р л ь з С э р ф э с. Да.

С э р О л и в е р. Сэр Питер, друг мой, и вы, Раули, также вот посмотрите на моего старшего племянника. Вы знаете, сколько он уж

получил от меня, я был к нему щедр; и вы знаете, что половина моего состояния была отложена у меня для него, так я это и считал. Подумайте же, как я был разочарован, когда узнал, что в нем ни на грош нет ни правды, ни жалости, ни благодарности.

Сэр Питер. Сэр Оливер, я был бы очень удивлен этим вашим заявлением, если бы сам не убедился, что это низкий лицемер и предатель.

Лэди Тизл. А если этот джентльмэн станет оправдываться, пусть он попросит меня, — я дам его характеристику.

Сэр Питер. Ну, тут уж больше ничего не скажешь: если он знает сам себя, то для него будет величайшим наказанием то, что теперь и весь свет его знает.

Чарльз Сэрфэс (в сторону). Если они так разговаривают с этой воплощенной честностью, что же они мне скажут?

Сэр Питер, лэди Тизл и Мария отходят в сторону.

Сэр Оливер. Ну, если теперь заняться его братцем, который промотал все...

Чарльз Сэрфэс. Пришел и мой черед! Эти проклятые фамильные портреты погубят меня!

Джозэф Сэрфэс. Сэр Оливер, дядя, сделаете вы мне честь выслушать меня?

Чарльз Сэрфэс (в сторону). Ага... если Джозэф заведет свою канитель, я успею хоть немного собраться с духом.

Сэр Оливер (*Джозэфу Сэрфэсу*). Вы, кажется, собираетесь оправдываться?

Джозэф Сэрфэс. Уверен, что могу это сделать.

Сэр Оливер (*Чарльзу Сэрфэсу*). Ну, сэр, и вы тоже, конечно, можете оправдаться?

Чарльз Сэрфэс. Сколько мне известно, сэр Оливер, я не могу.

Сэр Оливер. Как? Значит, м-р Премиум раскрыл до конца все ваши секреты?

Чарльз Сэрфэс. Верно, сэр, но ведь это фамильные секреты, и знаете, не следовало бы о них говорить.

Раули. Полно, сэр Оливер, я же знаю, что вы не можете серьезно сердиться на сумасбродства Чарльза.

Сэр Оливер. Нет, не могу; даже говорить о них серьезно тоже не могу. Сэр Питер, вы знаете, этот плут спустил мне всех своих предков; судей и генералов он продавал на аршины, а теток — дешевле битой посуды?

Чарльз Сэрфэс. Конечно, сэр Оливер, я распорядился немножко вольно с фамильными портретами, это правда. Мои предки могли бы восстать из гробов, чтобы судить меня, — это тоже правда. Но я прошу вас верить в искренность моих дальнейших заявлений — честное слово, я молчал бы, если бы это не было так. Ну, так вот: если меня не слишком огорчает публичное разоблачение моих сумасбродств, то только потому, что я полон горячей радости от встречи с вами, мой щедрый благодетель.

Сэр Оливер. Верю, Чарльз. Дай мне руку: плюгавый старикашка над диванчиком помирил меня с тобой

Чарльз Сэрфэс. В таком случае, моя благодарность к оригиналу еще более возросла.

Лэди Тизл (*подходя*). Но я думаю, сэр Оливер, здесь есть кто-то, с кем Чарльзу еще сильнее хотелось бы помириться. (*Указывает на Марию.*)

Сэр Оливер. О, я слышал о его любви к ней. И — прошу извинения у молодой лэди, — но думаю, я не ошибаюсь, что этот румянец...

Сэр Питер. Ну, дитя мое, откройте нам ваши чувства!

Мария. Сэр, я могу сказать только одно: я буду рада узнать, что он счастлив; что касается меня, то какие бы права я не имела на его внимание, я охотно откажусь от них в пользу той, чьи права больше.

Чарльз Сэрфэс. Как? Мария!

Сэр Питер. Что это? Опять какая-то тайна? Пока он казался неисправимым беспутником, вы не хотели отдавать своей руки никому другому, а теперь, когда он как будто меняется к лучшему, вы не хотите идти за него!

Мария. О причине этого знают его собственное сердце и — лэди Снируэл.

Чарльз Сэрфэс. Лэди Снируэл?

Джозэф Сэрфэс. Брат, мне очень трудно говорить об этом, но из чувства справедливости я должен заявить, что нельзя дольше скрывать оскорбления, нанесенного лэди Снируэл. (*Открывает дверь.*)

Входит лэди Снiruэл.

Сэр Питер. Так. Еще французская модистка! Их у него по одной в каждой комнате, — ей-богу, похоже на то!

Лэди Снiruэл. Неблагодарный Чарльз! Да, да, можете удивляться! И неплохо, если бы вы поняли то некрасивое положение, в которое я попала из-за вашего вероломства.

Чарльз Сэрфэс. Скажите, пожалуйста, дядя, это тоже ваша интрига? Потому что, право же, я не понимаю, в чем дело!

Джозэф Сэрфэс. Я полагаю, сэр, что довольно показаний только одного свидетеля, чтобы сделать все очень ясным.

Сэр Питер. И это свидетель, я догадываюсь, — м-р Снэйк. Раули, вы были совершенно правы, что привели его с нами; пожалуйста, впустите его.

Раули. Входите, м-р Снэйк. (*Входит Снэйк.*) Я думал, что он понадобится; но, к несчастью, он будет свидетелем против лэди Снiruэл, а не за нее.

Лэди Снiruэл (*в сторону*). Негодяй! Изменил-таки мне под конец! Говорите, сударь, вы тоже участвовали в заговоре против меня?

Снэйк. Приношу вам тысячу извинений, милэди: за ложь вы платили мне очень щедро, но теперь, к несчастью, за правду мне предложили вдвое больше.

Сэр Питер. Заговор и контр-заговор! Надеюсь, сударыня, вы довольны результатами вашей коммерции.

Лэди Снируэл. Желаю вам всем испытать муки стыда и разочарования! (Хочет уйти.)

Лэди Тизл. Пойдите, лэди Снируэл. Прежде чем вы уйдете, позвольте мне поблагодарить вас за труд, который вы и этот джентльмен взяли на себя; ведь вам пришлось сочинять письма Чарльзу от моего имени и самим же на них отвечать. Позвольте мне также просить вас засвидетельствовать мое почтение академии злословия, президентом которой вы состоите; известите ее членов, что лэди Тизл, кандидатка в академики, возвращает выданный ей диплом, так как она перестает заниматься этой профессией и не хочет больше убивать репутации.

Лэди Снируэл. И вы тоже? Какая наглость! Какая провокация! Желаю вашему мужу прожить еще пятьдесят лет! (Уходит.)

Сэр Питер. Ух! Что за фурия!

Лэди Тизл. Злая тварь!

Сэр Питер. Позвольте! Уж не за последнее ли ее пожелание вы ее считаете злой?

Лэди Тизл. О, нет!

Сэр Оливер. Ну, сэр, что вы теперь скажете?

Джозэф Сэрфэс. Сэр, я так смущен всем этим... Оказывается, лэди Снируэл подкупала м-ра Снэйка, чтобы он обманул нас всех, — тут уж я не знаю, что и сказать. Во всяком случае, чтобы ее мстительный дух не успел повредить моему брату, мне нужно скорей ее догнать. Ибо человек, который покушается... (Уходит.)

Сэр Питер. Развел мораль до конца.

Сэр Оливер. Женитесь на ней, Джозэф, если можно. Постное масло и уксус! — отличная выйдет пара!

Раули. Я полагаю, теперь нам м-р Снэйк больше не нужен?

Снэйк. Прежде чем уйти, я прошу у присутствующих извинения за все причиненные им мной неприятности, хотя я и был только послушным орудием других.

Сэр Питер. Ну, ну, вы ведь загладили свою вину добрым делом.

Снэйк. Но я должен просить вас всех никому не рассказывать об этом.

Сэр Питер. Что за чорт! Раз в жизни вы совершили хороший поступок — и вы этого стыдитесь?

Снэйк. Ах, сэр, примите в соображение, что я живу своей плохой репутацией; а если станет известным, что я изменил ей ради честного поступка, я потеряю всех своих друзей.

Сэр Оливер. Ладно, ладно — мы не выдадим вас и в похвалу вам не скажем ни одного слова, этого вы можете не бояться.

Снэйк уходит.

Сэр Питер. Вот образцовый мошенник!

Лэди Тизл. Посмотрите-ка, сэр Оливер: чтобы помирить вашего племянника с Марией, нашего красноречия, кажется, уже не потребуется.

Сэр Оливер. Да, так оно и должно быть,

и, ей-богу, завтра же утром мы отпразднуем свадьбу.

Чарльз Сэрфэс. Спасибо вам, дорогой дядя.

Сэр Питер. Как, плут? А разве не нужно сперва спросить эту девушку, согласна ли она?

Чарльз Сэрфэс. О, я давно уже ее спросил — минуту назад, и она глазами сказала мне: да.

Мария. Как не стыдно, Чарльз! Я протестую, сэр Питер, я ни одного слова...

Сэр Оливер. Ну, чем меньше слов, тем лучше. Пусть же ваша взаимная любовь никогда не узнает разочарования.

Сэр Питер. И желаю вам жить так же счастливо, как собираемся жить мы с лэди Тизл.

Чарльз Сэрфэс. Раули, мой старый друг, я уверен, что и вы меня поздравляете; и я подозреваю, что многим обязан вам.

Сэр Оливер. Это так и есть, Чарльз.

Сэр Питер. Да, честный Раули всегда говорил, что вы можете исправиться.

Чарльз Сэрфэс. Ну, что касается этого, то уж лучше я не стану давать никаких обещаний, и это пусть будет вам порукой, что я серьезно собираюсь стать другим человеком. И вот кто будет моим милым руководителем, моим наставником. Ах, разве могу я сойти с пути добродетели, когда мне будут светить такие глаза?

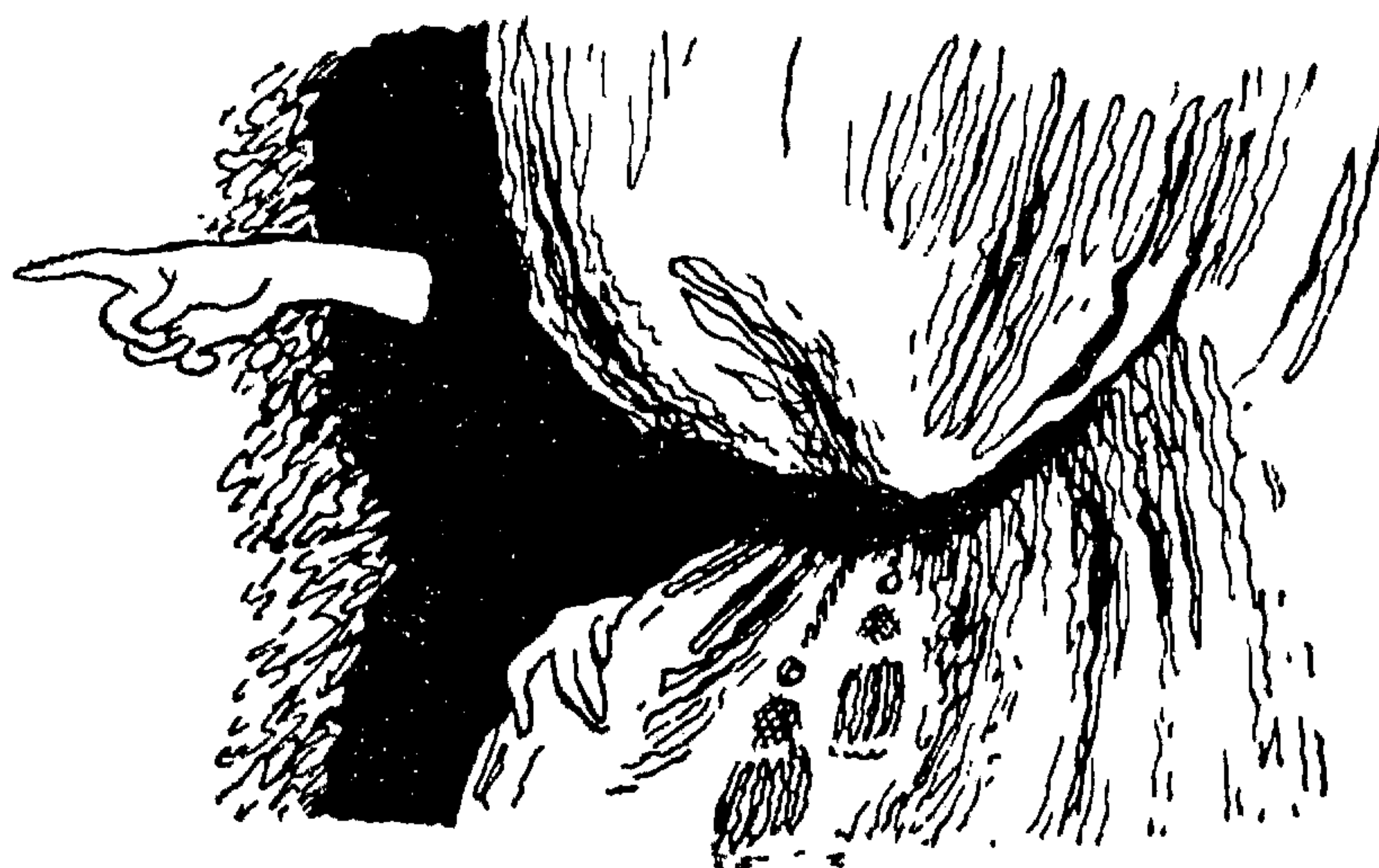
Покорный сердцем скиптру твоему,
Я добровольно власть его приму.

Беглец безумств, я в этот трудный час
Найду приют лишь у любви и вас.

(К зрителям.)

Пред приговором вашего суда
Само злословье смолкнет навсегда.

(Все выходят.)

ЭПИЛОГ

мистера Кольмана, ¹ произносимый лэди Тизл.

Я, ветерок, порхавший наугад,
Теперь в унылый превращусь пассат,
Стремя все вздохи долгого досуга
На ржавый флюгер — моего супруга!
То воля автора, верней — небес,
Чтоб плакали в конце веселых пьес!
Вам всем, кто женится под вечер лет
На юных модницах, здесь дан совет:
Везите в Лондон их, с грехами вместе;
Столица будет им купелью чести:
Нырнув в ее холодную струю,
Навек излечишь нравственность свою.
Так и со мной; и все же я грустна,
Очнувшись от блистательного сна.
О, кто из женщин, — женщины, скажите! —
Родясь затем, чтобы сиять в зените,
Как я, так рано скошен был в цвету,
Как я, так страшно ввергнут в темноту?
Стать скрягою, потратив так немного!
Покинуть Лондон — у его порога!
Ужель мне слушать пенье петухов,
Томительное тиканье часов;

¹ Дж. Кольман — известный английский драматург. автор ряда комедий, современник Шеридана.

В глухой усадьбе, где визжат с утра
Собаки, кошки, крысы, детвора,
С викарием свой коротать досуг
(Пока с соседом пьянствует супруг)
И, с ним в трик-трак сражаясь по полушке,
Дух умерщвлять, тоскующий по мушке?
Семь взяток! Сладкий звук, мне будешь ты
Звучать на святках, за игрой в жгуты!
Неролгий час успехов отлетел;
Прощай навек, счастливый мой удел!
Прощайте перья, пудренный парик,
Куда запрятан целый пуховик!
И вы, о карточные вечера,
Кадриль, вист, ломбер, мушка, баккара,
Дверные стукальцы, чей медный рот
О милом госте весть нам подает;
Прощайте, титулованные лица,
И блеск, и шум, и роскошь, и столица!
Прощайте, балы, танцы до утра!
Для лэди Тизл уже пришла пора.
Я жаловалась автору; но, ах,
Он отвечал: «В трагических ролях
Играть вам нужно в будущем году».
И так провозгласил мне на ходу:
«Среди красавиц вы счастливей всех:
Опущен занавес — и кончен грех!
А сколько грешниц в мишуре и блестках
Кривляются на жизненных подмостках!»

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>П. С. КОГАН.</i> Предисловие	7
<i>Евг. ЗАМЯТИН.</i> Ричард Бринели Шеридан (1751— 1816)	18
Школа злословия	31
